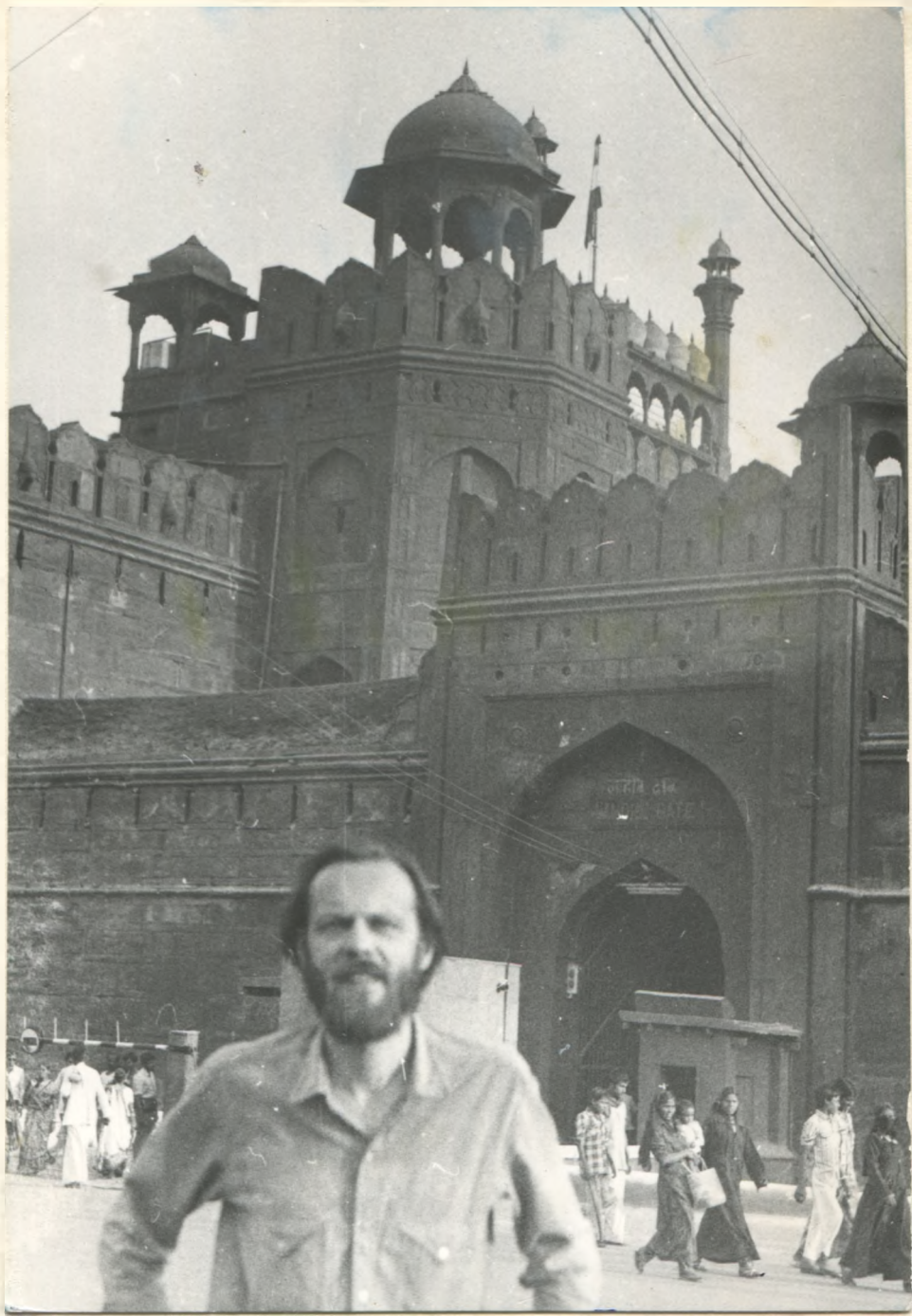

С. КИРЮТА

№ 09 Печене

@Kuyyromma

С е р г е й К и р ю т а

М О Я И Н Д И Я

Книга путевых заметок, воспоминаний,
размышлений, наблюдений – об Индии

Первый вариант закончен 14.10.1987.

Второй вариант закончен 2.2.1988 и
опубликован газетой "Комсомолец Запорожья"
в апреле – июле 1988 г.

Третий /настоящий/ вариант: 7.01.1990

СОДЕРЖАНИЕ

- Прелюдия: ПЕСНЬ О ПРЕКРАСНОМ
"Хождение за три моря" - История любви -
- Командировка - Прикоснуться к тайне
ТВОРЧЕСТВО /стр. 6/
- Глава I: ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ
Прибытие в Индию.- Первые инструкции -
- Отель "Джанпатх" - История с отправкой
на "точку" - Дорога в Пилани - Первый день
в Пилани. ДЕЛИ /стр.11/
- Глава II: ИНСТИТУТ ПОСРЕДИ ПУСТЫНИ
Жизнь города - Гуру - Панчавати - Другой
кемпас - Кунду - Кришна Мохан - Награтх -
- Баргава - Сен - Банерджи - Кемпас Видья
Вихар: достопримечательности, флора, фауна.
ПИЛАНИ /стр.22/ ПАНЧАВАТИ /стр.24/
ХРАМ САРАСВАТИ /стр.33/
- Глава III: ПЕРЬ С МОЛЕКУЛОЙ, РАКЕТОЙ И ЛОТОСОМ
Уникальный вуз - Службы, общежития и кот-
теджи - Структура БИТН - Система обучения -
Работа русистов.
РАНИ САТИ МАНДИР /между стр.53/54/
- Глава IV: ТРАГИЧЕСКИЙ КОНЕЦ ВИСОКОСНОГО ГОДА
Гуру и Кунду - Поездка в Джунджуну - Визы -
Убийство Индиры Ганди - Индия в шоке -
Бхопал - Выборы - Новый премьер - Наш круг -
Дэвид Уорке - Кина - Омвир Чаудри - Поездка
Дели - Наши и не наши на Мэлл-Роуд
- Глава V: НЕСПОКОЙНЫЙ ОАЗИС
Чатурведи - Джайпур - Студенты - Культурная
жизнь - Хореографическая мастерская - Забас-
товка - Неделя советской культуры - Приезд
"посольских". ДВОРЕЦ ВЕТРОВ /69-70/
- Глава VI: ПРИКОСНОВЕНИЕ К ИНДИИ
Вчера или Сегодня - Религии Индии - Индуизм
Индийцы - Газеты, ТВ и искусство - Книжки -
Запад или Восток. ЧАСТЬ ТОГО /89-90/

Глава УП:	НОВЫЕ ДРУЗЬЯ	103
	Отпуск в СССР - Вся семья в сборе - Возвращение в Пилани.- Семья Мандке - Дивали - Поездки в столицу - Старый Дели - Путешествия по Индии: транспорт. КРАСНЫЙ ФОРТ /117-118/	
Глава УШ:	СТРАНА ПРАЗДНИКОВ	121
	Преподаватели БИТН - Директор - Музыканты - Индийские праздники - Привычки индийцев - Приключения с визой - Голландец. КОМЕТА ГАЛЛЕЯ /130-131/	
Глава IX:	МОЙ ЧЕТЫРЕХУГОЛЬНИК	135
	Вторая поездка в Джайпур - Работа над книгой - В Дели у наших - У Ароры - Нью-Дели - Агра. ЖЕЛЕЗНАЯ КОЛОННА БЛИЗ МИНАРЕТА КУТУБ /144-145/ ШАХ-ДЖАХАН /149-150/, ТАДЖ-МАХАЛ /150-151/	
Глава X:	ПРИТЯЖЕНИЕ ИНДИИ	151
	Индия и СССР - Посольство - Проблемы Индии - Прорыв в Завтра - Визит Горбачева. <i>Звезда (156-157)</i>	
Глава XI:	В ГОСТЯХ У МЕЧТЫ	165
	Опять визы - Второй отпуск - Возвращение в Индию - Новый дом - Мечта - В гостях у Святослава Рёриха. КАК СКОРПИОН.../168-169/ У РЕРИХА /177-178/	
Глава XII:	ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ КИЛОМЕТРОВ	183
	В Дели на Ладжплатх Нагар - Поездка в Бан- галор - Беспорядки в Майсуре - Бомбей - Анжан и семья Виная - Великий город. БОМБЕЙ /193-194/	
Глава XIII:	ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ГОЛКОНДЫ	198
	Работа и пища - Командировка - Наши на Хауз Кхас - Дорога в Хайдерабад - Конфе- ренция - Наши и чужие - Хайдерабад. В ГЕССИМАНСКОМ САДУ /212-213/	
Глава XIV:	ПРОЩАНИЕ	215
	Приезд шефа - Неделя советской культуры - Письмо - Вечер в "Оберое" - Мои книги - Прощание с Пилани, с друзьями, с Индией. ВОЗВРАЩЕНИЕ /233-234/	
Эпилог.	СОНЕТ	234

Прелюдия:

П Е С Н Ь О П Р Е К Р А С Н О М (2)

Когда собираешься писать о такой стране, как Индия, невольно задаешься вопросом: а стоит ли это вообще делать? Ведь уж о чем — о чем, а об Индии у нас написано немало книг. Афанасий Никитин начал, сам того не подозревая, колоссальную эпопею, которая никогда не закончится. С тех пор почти у каждого, кто побывал в этой стране, начинался некий зуд в руке. Непременно хотелось создать свое собственное "Хожделение за три моря". Слава Богу еще, что не каждый из посетивших Индию владеет пером настолько, чтобы решиться на такую попытку.

Но вот я сам ощущаю в руке пресловутый зуд. Беру ручку и начинаю писать. Но о чем писать — вот вопрос! Я не журналист, не ученый, не турист — что же новое я могу сообщить людям о великой и все еще загадочной Индии? И почему это должно быть обязательно чем-то новым? А если рискнуть и попытаться написать о том, что уже некоторым известно по опыту или из книг, только сместить акценты и дать именно с в о ё виденье Индии? Тем более, что не так уж много людей, побывавших там, где побывал я, и большинство моих соотечественников при слове "Индия" представляют себе довольно бедную картину...

У рядового советского человека, никогда в Индии не бывавшего, при упоминании об этой стране, пожалуй, представлятся какие-нибудь дремучие джунгли, змеи, слоны, нестерпимый зной и муссонные ливни. Всильвет из глубины памяти какая-то точка

посередине женского лба. Вспомнится душистый чай, а вслед за ним — сладкие тропические плоды, чудеса йогов, древнейшая культура и долгое британское владычество. Многие вспомнят, что по количеству жителей Индия уступает только Китаю, что она входит в десятку наиболее развитых государств мира, что нищета и безграмотность все еще продолжают там быть тяжелым наследием прошлого. Для одних Индия — это великая река Ганга и теплый Индийский океан, для других — мелодраматичные кинофильмы и неплохие хлопчатобумажные ткани, для третьих — индийские спутники Земли и симпатичный космонавт, побывавший в космосе с нашими ребятами, для четвертых — обаятельные премьер-министры из семьи Джавахарлала Неру...

Но довольно перечислений. Все это, конечно же, Индия. Другой вопрос — вся ли? Ведь Индию, быть может, больше, чем любую другую страну, надо видеть, слышать, обонять, осязать и пробовать на вкус. Подобно Сократу, сказавшему когда-то: "Я знаю, что я ничего не знаю", любой человек, достаточно хорошо знающий Индию, может сказать: "Я знаю, что я не знаю Индию". Для того, чтобы полностью узнать и понять Индию, необходимы, наверное, пять человеческих жизней. А потом понадобится и шестая — чтобы описать все это.

Красива индийская легенда о переселении душ: у каждого индуса в запасе несколько человеческих жизней. Те же, кто пишет об Индии, прекрасно сознают, что у них такого запаса нет. Но они все-таки пишут. Почему? Попытаюсь вкратце объяснить — что же движет нами, пишущими об Индии. Возьму для примера себя самого.

Как и все, я узнал об Индии еще в школе. Очень любил географию, "кинопутешествовал", дико завидуя сначала Шнейдерову, а потом Сенкевичу. В студенческие же годы вдруг полюбил философию.

Наверное, заинтриговал меня наш преподаватель, приходивший на лекции в галифе и во френче. Всю домарксистскую философию он лихо разгромил одним ударом, да так легко, что у меня просто дух захватило. И я принялся изучать именно ее, несчастную и поверженную. Где-то между балагуром Сократом и холодно-рассчетливым Гегелем передо мной возник поэт Шопенгауэр. А покопавшись в его мире, который, как известно, есть ничто иное как воля и представление, я неожиданно прикоснулся к философской мысли далекой Индии.

Тут-то меня и захватила настоящая страсть. Индия заблестала для меня всеми призывными огнями своих далеких чудес. Друзья обычно крутили пальцами у виска, застав меня за чтением "Махабхараты", девушки теряли в моих глазах половину своих прелестей, если выяснялось, что они не только не читали "Упанишад" но даже не знают, что Гаутама Сакьямуни и Будда - это одно и то же лицо. Целый год я с упоением занимался йогой, отказывая себе во многих удовольствиях мира.

Но студенческие годы кончились. Одна из девушек оказалась умницей, законспектировала отрывки из "Упанишад" и покорила этим мое сердце. И вот уже пятнадцать лет мы с женой ни разу не усомнились в огромном значении индийской философии - как для всего мира, так и для нас двоих, в частности.

Потом началась учительская работа. Позы йоги как-то постепенно забывались: в школе пришлось осваивать совсем другие позы. Потом я стал директором школы, и времени стало хватать лишь на то, чтобы изредка вспоминать, как когда-то было интересно читать и мечтать об Индии! Когда же я стал работать с иностранными студентами, старая страсть возникла снова - теперь уже без йоговских поз и позы оригинальничания. К моменту отъезда в загранкомандировку я уже мог прочитать целый цикл лекций об Индии.

В том, что Минвуз направил меня именно в Индию, мои познания не сыграли никакой роли. Я о своих познаниях не распространялся, да меня и не спрашивали. Сам процесс оформления занял не менее трех лет, на протяжении которых я должен был то срочно выезжать в Ливию, то ориентировочно в Сирию, то непременно в Афганистан. Однако я никуда не поехал, и когда вдруг было сказано: "Индия!" — я воспринял это как торжественный финал минвузовских игр с моими воображаемыми направлениями. Тем не менее, на этот раз направление оказалось не воображаемым, а реальным. Думаю, что это была воля случая: о моей страсти, повторяю, никто не знал. Да и мои коллеги, поехавшие в Индию со мной, были живым подтверждением пресловутой воли случая, поскольку некоторым из них было известно об Индии лишь чуть-чуть больше, чем об африканской республике Буркина-Фасо.

Перед поездкой в Москву я получил по телефону инструкции из Минвуза Украины. Они были кратки и сводились к тому, что мне необходимо собрать усы. Я усомнился в том, что усы могут быть критерием, но с тех пор хожу с бородой: при бороде усы привлекают меньше внимания. В Москве борода "прошла" успешно, и оформляющий наш выезд усатый референт помог мне получить паспорт и билеты на самолет Москва-Дели. Вот такой была вкратце моя история заочного знакомства с Индией.

Мы жили в Индии с октября 1984 по июль 1987 года. Я работал в Бирла Институте Технологии и Науки, находящемся в городе Пилани, штат Раджастхан. Кроме Дели и Пилани, нам удалось побывать почти во всех крупнейших городах Индии. За три неполных года мы встретили немало интересных людей, в том числе великих мастеров нашего времени — художника Святослава Рёриха и музыканта Рави Шанкара. Встречался я и с некоторыми государственными деятелями Индии. За это время в Индии произошли события, значение которых

трудно переоценить: убийство Индиры Ганди, смена руководства страны, выборы в парламент и в ассамблеи штатов, вспышки терроризма и межобщинной розни, рост политической активности оппозиции. Я был свидетелем первого визита Михаила Горбачева в Индию и целого ряда нововведений индийского правительства. Обо всем этом мне и хочется вам рассказать.

Нам выпало великое счастье — прикоснуться к одной из величайших тайн мира, к Индии. Мой коллега, работавший там до меня, говорил мне, что я начну понимать Индию лишь на третий год. Так и случилось. Количество перешло в качество, впечатления — в знания, и я увидел, что начинаю понимать **н е ч т о**, что условно можно назвать **М О Е Й И Н Д И Е Й**.

Ведь каждый пишущий об этой стране пишет лишь о своем кусочке ее. Сложив эти кусочки, как гигантскую мозаику, можно получить достаточно полное представление об Индии. Я рад, что могу честно сказать: "Я знаю, что я не знаю **в с ю** Индию, но **м о ю** Индию я знаю!" И мой долг — поделиться этим знанием. Когда я пишу об Индии, передо мной постоянно встают строчки Николая Рёрика: "Сердце требует песнь о прекрасном. Сердце творит в труде, в искании нового качества". Индия прекрасна. Попробую же создать песнь о прекрасном. И пусть этом моим труде творит не только мозг и память, но и сердце.

ТВОРЧЕСТВО

Творчество, - лестница, опиум, крылья, -
дай мне еще полетать и побродить,
дай мне еще хоть ступеньку осилить
и - успокоиться тряской на жерди.

Как на бегу, учащая дыханье,
сердце колотится в клетку грудную -
в кровь себе пальцы, в кровь свои тайны -
дай мне стучаться в душу другую!

Словно под линзой, под микроскопом -
радугой, радости всеми цветами -
Ганг, мотылька и любовь мою - скопом -
дай ей увидеть моими глазами!

Если же боль разоряет гнездовье,
пальцы в крови, а мне некуда деться -
боль эту, скорбь эту, вкус этой крови
дай ей почувствовать всем моим сердцем!

Как чужеземцев, застигнутых ливнем,
нас принимали в заброшенном храме -
дай мне быть принятым в души другие,
дай мне быть понятым всеми друзьями!

Творчество! К детям грядущего века
Дай мне побить хоть подобием моста,
дай мне с тобой побить Человеком,
и лишь потом уже - цугалом просто...

Глава I

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

После долгих мытарств в Москве, свистопляски с багажом, билетами и дополнительным весом, нас наконец погрузили 12 октября в огромный ИЛ-86, и он взлетел, с трудом поднимая наши ^ктрюшки, диапроекторы и консервы вместе с нами. Взлетел — и взял курс на юго-восток. Поздней ночью мы приземлились передохнуть в Ташкенте, где нам показалось, конечно, гораздо теплей, чем в Москве с ее холодным дождем, то и дело сменяющимся снегом.

Наша группа преподавателей русского языка состояла, вместе с женами, человек из тридцати. Среди нас были и москвичи, и ленинградцы, и киевляне, и харьковчане, и таллин^нцы, и ростовчане. Из Запорожья были только мы с женой. По приезде в Дели нам предстояло расстаться с коллегами: некоторые из них должны были остаться в столице, а остальных ждали в нескольких "точках". Так в нашем посольстве обзывают около двух десятков городов, где трудятся мои коллеги. Не все эти точки так малы, как наш Пилази. Иные из них, например, Бомбей и Калькутта, чуть ли не в два раза больше самого Дели.

Однако все по порядку. Итак, нырнув в самолет из дождя со снегом, в Дели мы вынырнули из него прямо в лето: в 8 часов утра при чистейшем небе электронный термометр показывал +30° С. Так мы очутились в сказке, где по мановению волшебной палочки изменилось даже время года. В аэропорту к нам сразу пристали нищенствующие мальчишки, и разбазаривание наших фломастеров, советских монеток и значков было прекращено лишь встречающим

НАМ

дверь номера, где остановились наши коллеги из Свердловска, и сказали, что идем ловить такси. Свердловчане возразили: "Вы не в Тамбове - дайте коридорному рушью, и такси будет ждать вас, а не вы - такси." Так и получилось, и уже через 15 минут мы были в посольстве и увидели шефа.

Шефом оказался весьма добродушный инженер, которому нас "навесили" в качестве дополнительной нагрузки к основным обязанностям. Шеф нас проинструктировал в том смысле, что нам "на точках" не следует лезть в бутылку, а в Дели ездить и вовсе незачем. Писать шефу предписывалось регулярно, ответов же от него лучше не ждать - времени на ответы у него нет. Приглашенный шефом посольский врач за несколько минут запугал нас всевозможными отравлениями почти до тошноты. Он же сообщил нам, что индийские комары, подлещи, совершенно бесшумны, а потому подкрадываются, как партизаны. На этом аудиенция была окончена, и мы, бурно обсуждая полученную жизненно важную информацию, направились в жилой городок посольства, в столовую.

Там же, в городке, мы впервые посетили индийский магазин. Впрочем, он был не совсем индийским, хотя там не было ни советских продавцов, ни советских товаров. Но в этом маленьком универмаге на всех товарах были наклейки с ценой, что отнюдь не типично для Индии. Абсолютно не зная, что нам может понадобиться в нашем загадочном Пилани, мы с женой набрали всякой чепухи. Зато в советском гастрономчике на территории посольского городка мы закупили всего, что там было: ^коченой колбасы, высококачественного сыра, масла, армянский коньяк... Эти товары, конечно же, пригодятся в любом месте.

Из посольства мы все постепенно возвратились в отель и, скооперировавшись, решили сделать коллективную вылазку в город.

Из отеля выходили стайками по 8-10 человек, прилегающий район осматривали осторожно и немного испуганно. Казалось, никто и заподозрить не мог, из какой страны мы приехали, но торговцы, завидев нас, немедленно приглашали в свои лавчонки по-русски: "Давай, давай, посмотрим!" - чем повергли нас в изумление. Надо сказать, они очень ловко использовали нашу дурацкую привычку покупать не то, что задумано, а то, что подвернется под руку. Свою роль играл при этом и присущий нам страх! а вдруг завтра этого уже не в б р о с я т ?

Попробовали мы и кухню ресторана в нашем отеле "Джанпатх". Оказалось, что там есть залы на любой вкус - и индийский, и китайский, и европейский. В европейском зале можно попробовать блюда как британской, так и "континентальной" кухни. Всё было очень вкусно и очень дорого. Попробовали есть то же самое и на следующий день, но попросили счет - оказалось намного дешевле, но все же дороговато. Удивила наивность индийцев: когда мы попросили сока, они просто выдавили в бокал два больших апельсина. Нам вспомнились наши трехлитровые банки с каким-нибудь яблочно-виноградным полускисшим соком, стоящие приблизительно столько же, сколько один-единственный бокал "чистого апельсина", и мы поняли - да, за удовольствие надо платить!

Большинству моих коллег повезло больше, чем нам. Многие уже на третий день разъехались по "точкам". Другие исчезли из "Джанпатха" в следующие два дня. Поэтому они не успели растратиться в Дели, где жить оказалось весьма накладно ввиду многочисленных соблазнов столичного города и довольно приличного отеля. А мы в женой всё жили и жили в "Джанпатхе", и никто за нами не приезжал. Мы уже побывали и в кино, и в Национальном музее, и у президентского дворца Раштрапати Бхаван, и у резиденции премьера Индиры Ганди.

ДЕЛИ

На авторикше по Дели катаюсь,
на Коннот-Плейс по Джанпату хожу.
Дели понять я усердно пытаюсь:
что, мол, на родине я расскажу?

Днем меня крик и гудки оглушают,
вечером слепну от плещущих фар.
Только одно я сейчас понимаю:
Дели — огромный и шумный базар.

Как бы то ни было — всё на продажу!
Дели, продашь ли мне дружбу свою?
Даром ее не дают здесь, и даже,
Может, не каждому и продают.

Впрочем, прости. Понимаю: не даром
всё продается — чтоб дружба твоя
стала бесценным чудесным товаром,
и чтоб попробовал как-нибудь я
приобрести ее методом старым,
то есть на что-то свое обменять —
в полном согласье с законом базара:
дружбу твою — на желанье п о н я т ь .

Но дни шли и шли, в "Джанпатх" приходил тот же самый представитель индийского Минвуза и всё обещал, что за нами вот-вот приедут, шеф из нашего посольства вяло твердил, что ничем помочь не может... На восьмой день я совсем забеспокоился: ведь по контракту мы должны жить в "Джанпатхе" лишь в самом начале трехлетней командировки и перед окончательным отъездом на Родину. На эти два раза в сумме полагалось лишь 10 дней. Где же мы будем жить в конце командировки? Шеф вяло сказал, что посольская гостиница /на территории советского городка/ предоставляется лишь по приезде из отпуска и отъезде в отпуск, но никак не в конце командировки.

Тогда я купил крупную карту, по ней рассчитал, что от Дели до Пилани всего 135 км, прикинул, что по хорошей дороге это не более трех часов езды, и такой результат меня ободрил. Когда же наш индийский шеф предложил мне добираться самостоятельно на автобусе, я уже знал, что отвечу. Во-первых, индийские междугородные автобусы я видел в Старом Дели, где находится автовокзал: места там берут штурмом, а кто остался за бортом - влезает на крышу, где перевозится также и багаж. А поскольку я вез с собой, кроме собственных вещей, еще и полученные в Москве, в Институте русского языка им. А.С.Пушкина, диапроектор, пишущую машинку, учебники и пластинки, я наотрез отказался от такой перспективы. Во-вторых, я решил добираться на такси. Индийский шеф одобрил и поглядел на меня с уважением. Советский шеф вяло дал "добро".

На девятый день я подошел к стоянке такси прямо под окнами отеля и поговорил с хозяином. Он сказал, что с огромным удовольствием предоставит мне завтра машину хоть до Бомбея. Но платить надо за два конца, ибо у него нет уверенности, что обратно будут пассажиры. Взглянув на карту, он сказал, что это будет стоить 750 рупий. Я легко согласился, лишь бы поскорей добрать-

ся до места своей работы. Затем я съездил в посольство, чтобы купить еще какие-нибудь мелочи и попрощаться с шефом. Шеф дружески потрепал меня по плечу: было жарко, и он не имел сил даже принять озабоченный вид.

Я в последний раз поглядел на красный флаг и на аккуратные и благоустроенные домики городка, где все говорили по-русски, а на аллее между неведомыми, но ухоженными деревьями стояла такая привычная доска объявлений с призывом явиться на профсоюзное собрание. По всему было видно, что здесь очень неплохо живут почти такие же советские люди, как и я, что им ничего не стоит шагнуть за ограду и оказаться в Индии, а когда надоест — шагнуть назад и опять оказаться дома. Что ждало меня в загадочном и неприступном Пилани — я не знал.

Забегая вперед, сообщу, что ждало меня в самом ближайшем будущем — дабы уже закончить всю эту эпопею с моим путешествием в Пилани. В Пилани мне сказали, что направили в Дели, в индийский Минвуз, телеграмму, в которой предлагали отправить меня поездом до ближайшей к Пилани железнодорожной станции Лохару. Именно туда, за 30 км от Пилани, должна была прибыть за мной институтская машина. Удивились в Пилани также и тому, что я не взял у таксиста расписки, по которой либо посольство, либо наш индийский шеф возвратили бы мне деньги. Но кто меня об этом предупредил? Как известно, в СССР с таксистов счет не требуют. Вот и пришлось мне, как дураку, учиться на собственных ошибках, вместо того, чтобы использовать чужой опыт.

Но возвратимся в отель "Джанпатх", к подъезду которого наутро 22 октября подкатил новенький и чистый "Амбассадор". Мы ожидали увидеть обычное индийское такси: черный низ, желтый верх, на капоте перед ветровым стеклом — массивный счетчик. Но нас приятно удивили, предоставив нам машину кофейного цвета и без

счетчика. Очевидно, это были своеобразные "экстра-услуги" за несопротивление надувательству. Ведь уже позже, в Пилани, мы узнали, что дорога от Дели даже в два конца стоит не больше 400 рупий. Следовательно, эти "экстра-услуги" стоили нам около 350 рупий.

Мы с коридорным вынесли наш багаж, таксист уложил его в багажник и на заднее сидение, еще раз переспросил: "Пилани-Пилани?" и, когда я кивнул, открыл нам дверцу. Наш "Амбассадор" лихо тронулся в путь. Буквально сразу же я противно вспотел от страха, взглядевшись в водителя и вспомнив нехорошие рассказы о сикхах. Таксист был сикхом, о чем красноречиво говорила опрятная чалма, реденькая бороденка и стальной обруч на правом запястье. И вез нас этот совсем еще молодой сикх совсем не туда, куда я предполагал, хорошенько изучив карту. Пилани находится на юго-запад от столицы, таксист же направил машину по уже хорошо известным мне местам - по проспекту Джанпатх на знаменитый Коннот-Плейс, а затем по Панчкуин-Роуд - то есть явно на север. Я совладал с собой и довольно спокойно спросил: "Пилани?" Сикх покачал головой. Я снова спросил: "Раджастхан?" /так называется штат, в котором находится Пилани/. Он снова покачал головой и важно изрек: "А!" Тогда я достал карту и, опасливо злясь на таксиста за его незнание английского языка, настойчиво приказал ему остановиться. Он удивленно поглядел на меня, но остановился.

Потом мы стали разбираться с картой Дели. Я тыкал в нее пальцем и говорил: "Джанпатх. Коннот-Плейс. Панчкуин..." - а он в ответ опять качал головой и произносил свое "А!" Так, опытным путем, я выяснил, что покачивание головой в Индии - отнюдь не отрицание, но согласие! Успокоившись, я стал следить за его попытками объяснить мне дорогу. Сначала я понял, что он хочет вывезти нас из Дели на северо-запад, по шоссе на Рохтак. Я пока-

зал на своем лице крайнее удивление, но сикх жестами объяснил, что прямого пути на Пилани нет, а есть лишь дорога через Рохтак, Бхивани и Лохару /именно ту железнодорожную станцию, о которой я впоследствии узнал/. И занимает этот кружной путь более 200 километров. Я совсем успокоился, успокоил и свою ничего так и не понявшую жену, но сказал ей, что в три часа мы не уложимся - придется ехать все четыре, а то и пять часов.

Мы довольно быстро миновали богатые кварталы Нью-Дели, фантасмагорическое скопище лачужек Старого Города и выскочили на простор. Вокруг нас расстилалась веселая зеленая местность. Потом мы въехали в штат Харьяна, где местность стала менее веселой и менее зеленой. Пролетел за раскаленными от жары стеклами "Амбассадора" довольно крупный город Рохтак, потом еще один город - Бхивани. На выезде из Бхивани наш молчаливый шофер вдруг остановил машину и спросил весьма застенчивым голосом: "Виски? Ром?" Мы очень удивились и отказались. Тогда удивился он, вышел из машины и купил себе что-то, завернутое в кулек из-под газеты.

Лишь через несколько дней, из объяснений, данных нашими новыми друзьями в Пилани, мы поняли, что наш водитель-сикх предлагал нам купить себе спиртное про запас. Дело в том, что в различных штатах Индии установлены различные цены на спиртное. В штате Харьяна /где находится город Бхивани/ эти цены на 30% ниже, чем в Дели, и на 80% ниже, чем в Пилани. Во время путешествия мы этого, конечно же, не знали, да и виски, и ром нас совсем не интересовали при жаре в 36 градусов.

Наконец мы проехали городок Лохару, находящийся на самой границе штатов Харьяна и Раджастан, и перед нами во всю ширь разбежалась огромная пустыня с редкими корявыми деревцами. Если быть точным, такая местность называется полупустыней или саван-

ной: конечно, величественных барханов Сахары там нет. Но близость пустыни Тар - одной из самых больших пустынь Азии - ~~идеи~~ ^{там} явно ощущается. Обработанной земли мало, так как нет воды. Селенья, мелькающие на окнах уже запыленного "Амбассадора", очень редки и вызывают чувство удрученности. В некоторых из них даже нет электричества.

Одним из таких селений был когда-то и наш загадочный Пилани. Но в нем родился один из самых могущественных монополистических кланов современной Индии - семейство Бирла. Экономическая и просветительская деятельность этих капиталистов, ныне уже миллионеров, благотворно повлияла на городок. А Г.Д.Бирла, внук основателя индустриально-финансовой империи, открыл в Пилани сначала колледж, потом еще два, а к 1964 г. объединил их в первый частный университет Индии - Бирла Институт Технологии и Науки. Определенную помощь новорожденный вуз получил из США - от Фонда Форда и от Массачусетского технологического института. Университетский городок, называемый на американский манер Кемпасом, имеет и индийское наименование - Видья Вихар. Он прилепился к западной ✓ окраине Пилани, ~~а~~ за его собственным забором уже расстилается пустыня.

Вот в этот-то городок и занесла нас судьба 22 октября 1984 г. Мы поехали с сикком по всему Кемпасу, абсолютно не представляя, к кому обратиться. Наконец мы остановили одного студента, я объяснил ему, кто мы, и он почему-то необычайно возрадовался. Студент сел к нам в машину и показал, куда ехать. Вскоре мы остановились у большого красивого дома, откуда вышел лысоватый человек и весь- ✓ ма властным голосом что-то сказал студенту. Я был уверен, что ✓ это ~~директор~~ директор института или даже сам Бирла. Студент вновь ✓ стал показывать дорогу, и через несколько минут остановил машину у какого-то большого одноэтажного дома.

Там наш новый знакомый предложил нам выходить и заявил, что этот дом — наш. Мы вытащили свои пожитки, расплатились с шофером и он тут же укатил, отрезая нас от Дели, от нашего посольства и советского городка — от всей нашей прошлой жизни. Но дальнейшее нас несколько приободрило. Явился на машине тот же лысоватый начальник, привез с собой трех служителей, которые открыли дом, перенесли внутрь наши вещи, указали нам, что есть в доме. А были там спальня, кабинет и гостиная, две ваннх комнаты с душем и туалетом, кухня, мебель, холодильник, кондиционер, посуда и даже постельное белье.

Студент и не то Бирла — не то директор нам переводили на английский деловое воркование служителей, говорящих на хинди. Потом не то Бирла — не то директор уехал, а студент остался на несколько минут и представился. Звали его Кумар. От Кумара мы узнали, что лысоватый начальник — отнюдь не директор и тем более не Бирла, а всего-навсего заведующий хозяйственным отделом института. Потом Кумар объяснил нам свою радость при нашем появлении в Пилани. Оказывается, он как раз и был единственным студентом, изучающим в Пилани русский язык. В доказательство он указал на стол, стул и окно и назвал их по-русски. Но и тут мне пришлось удивиться. Ведь по данным мне в посольстве сведениям выходило, что в Пилани в прошлом году вообще не было преподавателя русского языка, а в этом году вся наша группа опоздала, приехав не в августе, а в октябре. Следовательно, никто в Пилани обучать русскому языку не мог. Но Кумар сказал, что русский язык читает жена преподавателя физики, и зовут ее миссис Людмила Кунду.

Тут опять было какое-то недоразумение, но мы настолько устали, что рады были уходу студента, так и не уяснив, зачем же я тогда нужен в Пилани. Мы быстро разложили свои вещи, устрой-

лись на диване, предварительно осмотрев весь дом в поисках змей, и решили поужинать. Живности мы при беглом осмотре никакой не нашли, кроме двух симпатичных розово-серых ящериц на потолке в каждой из ванных комнат. Но о них мы уже знали от наших коллег из Делийского университета, что эти ящерицы живут здесь в каждом доме, и к ним следует просто привыкнуть.

Потом мы решили лечь спать, так как на завтра наш любитель русского языка обещал показать нам Кемпас и Пилани. Спали мы, однако, плохо. С улицы были слышны какие-то жуткие крики, потом погас свет, и мы зажгли стоящую на столе свечу. Свеча уже почти догорала, когда свет наконец появился. Как выяснилось потом, это совершенно обычное явление в Пилани. Свет может выключиться в любую минуту, и так же внезапно появиться. Сначала нам это показалось диким, но постепенно мы и к этому привыкли. Потом за окном стало сереть, и снова раздались душераздирающие крики. Замирая, я прокрался к окну и в предрассветных сумерках увидел на ближнем дереве павлина, который и издавал эти истошные полудетские, полу-кошачьи крики. Когда же совсем рассвело, мы заснули. Проснулись же от стука в дверь. Это явился наш новый знакомый, Кумар, готовый стать нашим гидом.

Глава II

И Н С Т И Т У Т П О С Р Е Д И П У С Т Ы Н И

Эти записки, задуманные мной как туристический дневник, по всей вероятности, не стали ни дневником в строгом смысле этого слова, ни записками стороннего наблюдателя, вздыхающего и умиляющегося туриста. Те события, свидетелем которых я оказался, находясь в Индии, не дают мне возможности относиться к своей командировке просто как к увеселительной поездке или как к работе отстраненного от внешних перипетий сухаря. Некоторые из событий лишь немного не дотягивали до разряда катаклизмов, например, убийство Индиры Ганди, беспорядки по всей стране, катастрофа в Бхопале и разгул терроризма. Такие события - не для глаз туриста. Дневники же я писать не умею.

Если эти мои записки - литература, то они довольно старомодная литература, где-то эдак столетней давности. Сейчас так писать не принято: читатель требует сути и терпеть не может медленного развития событий. Еще меньше он любит, когда события о п и с ы в а ю т с я, так как он давно уже привык к тому, что писатель как бы втягивает его в водоворот событий. Динамичный диалог, опущение деталей и даже некий телеграфный стиль - всё это теперь волнует читателя куда больше, чем какие-нибудь натужные дневники или письма, бывшие в большом ходу у галантного XIX века. Я же продолжу свое медленное повествование, заботясь о деталях и о своих мыслях и чувствах, связанных со вспомнившимися деталями. Впрочем, я не стану описывать события каждого дня так подробно, как я делаю это сейчас, имея в виду первые дни, запомнившиеся мне наиболее ярко. Итак, начался наш второй день в Пилани.

Первые дни мы посвятили знакомству с Кемпасом, Пилани и с их обитателями. Сначала наш гид Кумар повел нас в город. Он честно предупредил нас, что в Пилани ничего интересного нет, но он попытается отыскать некий дом-музей Бирлы. Забегая вперед, скажу, что в этот раз дом-музей мы так и не нашли, чем Кумар был весьма огорчен. Что же касается интересного, то тут у меня напрашивается сравнение /довольно плоское, впрочем/ с прибытием инопланетной экспедиции куда-нибудь в глухое сибирское село, населенное кержаками. Не знаю, как насчет интереса, но абсолютно всё, что мы видели в Пилани, походило на фантастический сон или фильм: настолько это было не похоже на всё привычное нам.

Наше появление на улицах вызвало гипертрофированное любопытство горожан, что также напоминало встречу инопланетян. Торговцы на базаре открывали рты, рискуя надосчитаться связки бананов или зелени из-за проворных ворюшек-коров. Женщины приподнимали покрывала, чтобы лучше нас рассмотреть, а некоторые даже норовили прикоснуться к нам "на счастье". Детишки образовали за нами шумный почетный эскорт, в котором, правда, почета было маловато. Скорее, было изумление: разве бывают на свете люди с такой отвратительно светлой кожей, да еще и с голубыми глазами? Сначала нас это забавляло, потом надоело.

Я бывал во многих крупных и маленьких городах. Я видел узкие улочки старых кварталов Евпатории и Гурзуфа, Таллинна и Риги. Но ничего подобного мне видеть не приходилось. Следует, правда, оговориться, что восточней Кавказа я до поездки в Индию не был. По улицам Пилани, узким и грязным, заполненным детворой, а также бродячими собаками, коровами, буйволами и ослами, слышались звуки ситара и таблы. Конечно, это не значит, что горожане поголовно и круглые сутки музицируют. Научиться игре на струнном инструменте ситар и на своеобразном барабане табла может далеко

не всякий. Но цивилизация в виде кассетных магнитофонов властно вторглась в патриархальную жизнь Пилани, а довольно приличные акустические системы позволяют всем меломанам города, независимо от толщины кошелька, почти круглосуточно наслаждаться изумительными по своей сложности и необычности импровизациями выдающихся музыкантов.

Многие строения города привлекли нас своей архитектурой. Однако Кумар удивлялся и всё твердил, что ничего выдающегося в городе нет. По-видимому, он был прав, и нас заинтересовала лишь необычность местных архитектурных форм для европейского глаза. Есть в Пилани и неперемный для любого индийского населенного пункта базар. У меня создалось впечатление, что в этой стране даже на каком-нибудь хуторке в два-три дома обязательно появляется базар: в одном доме станут торговать продуктами, в другом — промтоварами. В Пилани базар не только занял всю центральную площадь города, но и вышеснулся с нее на многие городские улочки, подобно шумному потоку разных цветов, запахов и звуков.

Жизнь города протекает по давно заведенному ритму, однообразно и скучно, как и в любом маленьком городке любой страны мира. Промышленности в Пилани нет вообще никакой, и город живет лишь торговлей и посредничеством, привлекая к себе окрестных, не столь уж многочисленных крестьян. Кроме центрального базара, есть еще и базар, примыкающий к автовокзалу и тянувшийся вплоть до студенческого Кемпаса. Этот базар называется Нутон-Маркет. Он обслуживает в основном студентов Бирла Института и работников находящегося рядом Центрального научно-исследовательского института электроники. Торговцы на Нутон-Маркете в большинстве своем могут объясняться по-английски, в отличие от торговцев центрального базара.

ПИЛАНИ

Пилани плавает в песках.
Сплетаются друг с другом звуки
ситар: холодный плач и муки,
протяжный стон и сонный страх.

В Пилани плавает печаль,
и табла, словно сердце, бьется,
и кажется: вот-вот порвется
тоски накинутая шаль.

Пилани пылью истекло,
плывет чахоточною маской:
болезненно здесь яркие краски
и лихорадочно - тепло.

Пилани кланяется нам
неискренне, но благонаравно.
А мы одни. Судьба бездарна:
Пилани - клин. Пилани - клан.

Пилани призрачно, как дым,
лениво, ласково, коварно.
Не из одной ли с ним мы варны?
Пилани - плен. Пилани - сплин.

Пилани, в плаваньях - где киль,
где паруса твои, где ветер?
На этом ли плывешь ты свете?
Пилани - пыль. Пилани - быль.

По дороге из города назад, в Кемпас, Кумар показал нам еще одно "примечательное место" — парк Панчавати. В древнем индийском эпосе "Рамаяна" рассказывается о том, как царевич Рама — одно из живых воплощений бога Вишну — был изгнан из столицы вместе со своей женой Ситой и младшим братом Лакшманой. Некоторое время они жили в лесу Панчавати, в честь которого и назван парк в Пилани. Затем царь демонов Равана похитил Ситу, но Рама, с помощью своего брата и обезьяны Ханумана, победил злодея и вместе с женой, братом и Хануманом возвратился в свою столицу. В парке Панчавати можно погулять, поглазеть на находящиеся в вольере животных и пополнить свои знания об эпосе. Среди деревьев и кустарника расположены деревянные фигуры и целые скульптурные группы персонажей эпоса. Фигуры раскрашены в яркие цвета и, неожиданно появляясь среди зелени, привлекают внимание если не талантливостью исполнения, то хотя бы старательностью неведомых скульпторов.

Чтобы уж завершить описание всего того, что окружало Кемпас, забегу немного вперед и расскажу еще об одном городке, находящемся в непосредственном соседстве с Кемпасом. Этот городок немного меньше по площади, чем Видья Вихар, и побывали мы там впервые только на второй год командировки. Но логика описания требует, чтобы я упомянул об этом городке прямо сейчас. Итак, этот соседний городок принадлежит Центральному научно-исследовательскому институту электроники. Кемпас этого института — такой же аккуратный и чистый, как и Видья Вихар.

Мы побывали в гостях у трех директоров института — бывшего директора, находившегося уже на пенсии, административного директора и научного директора. Директор-пенсионер приглашал нас на празднование Дивали — через своего сына, моего студента. Административный директор приглашал нас на праздник Ганешвари.

ПАНЧАВАТИ

Царевич изгнан. Лицемерье победило.
Но разве власть нужнее солнца людям?
И разве есть на свете злая сила,
которая огонь любви остудит?

Что может верность? — ничего не может:
ведь верность брата не вернет престола,
сокровищ верность друга не умножит,
и что за прибыль от волос до пола?

Но Рама счастлив. Вот он рядом с другом.
Он ждет удачи, потому что рядом
с ним брат его и верная супруга.
Без них вся жизнь была бы горьким ядом.

Вон там — Лакшмана, здесь же — Рама с Ситой,
тут Хануман сражается с врагами...
Как будто книга древняя открыта,
как будто оживает "Рамайна".

Но это только парк среди пустыни,
и "Панчавати" — громкое название.
Скульптуры незатейливо-простые,
без страсти, без любви и без страданья.

Но кто осудит городишко смелый
за тягу к красоте седой поэмы,
за жажду верности, воспетой неумело,
но верности, столь нужной в наше время?

Об этих праздниках я еще расскажу. Но визиты на празднование — не слишком плодотворное времяпрепровождение, а иногда и утомительное, ко всему прочему, занятие. Гораздо чаще и с большим интересом я бывал в гостях у научного директора — доктора Лахири. Мой сын подружился с его сыном и часто ездил к нему играть в шахматы. Семья Лахири — типичная просвещенная бенгальская семья. Миссис Лахири прекрасно играет на индийских музыкальных инструментах, великолепно говорит по-английски и иногда устраивает у себя своеобразные культурные вечера. Ее муж тоже интересный собеседник, а кроме того, еще и крупный ученый-электронщик, член консультативного совета при правительстве Индии. Он много ездит по всему свету, побывал и в СССР, посетив Москву и академгородок в Новосибирске.

Вот, пожалуй, и всё, что можно сказать об окружающей Кемпас Видья Вихар местности. Мы с ~~Кунду~~ возвратились в Кемпас из города и угостили нашего гида обедом, совершенно поразив его этим. Лишь гораздо позже мы заметили, что в Индии обедают вместе лишь самые близкие люди, а просто друзей и знакомых приглашают не так уж часто и обязательно заранее. Обычное же угощение, для любого гостя — чай, кофе, сладости, но отнюдь не обед из нескольких блюд. Мы об этом, конечно же, и не подозревали. Да и не таков этот обычай, чтобы упрекать себя в неправильном поведении.

Вечером этого же дня к нам пожаловала семья Кунду: Анжан, Людмила и их дочь с каким-то неудобнопроизносимым бенгальским именем. Анжан девять лет учился в Москве, в Университете Дружбы народов им. Патриса Лумумбы, а потом еще два года стажировался в Дубне. Еще будучи студентом, он женился на своей сокурснице, москвичке Людмиле. Мы были так рады неожиданной встрече с соотечественницей, что моментально вытащили самые заветные советские продукты и армянский коньяк, чем опять же поразили бывших моск-

вичей, уже успевших за два года обжиться в Индии. За роскошно накрытым столом Людмила, наконец, объяснила мне ситуацию. В ожидании моего прибытия администрация института объявила запись студентов на курс русского языка. Записались двое, но никто к началу семестра не приехал, и курс начала вести Людмила, поскольку сидела без работы дома. Теперь один студент как-то отпал, а наш знакомец Кумар продолжает изучать русский. Администрация дает мне время обжиться в Пилани и познакомиться с институтом, а также просит позволить Людмиле закончить курс с Кумаром, тем более, что остается всего три недели. Я согласился и сказал, что это даже неплохо, потому что я смогу немного поднатаскаться в разговорном английском, прежде чем приступить к работе. Тут Людмила как-то странно посмотрела на меня, а потом переглянулась с Анжаном. Но того больше интересовал армянский коньяк.

Расстались мы друзьями. Было уже довольно поздно, и их дочурка хотела спать. Мы проводили их до самого дома, где у них была полупустая трехкомнатная квартира. Я был очень рад такой неожиданной встрече, но Альбина /настало время назвать, наконец, и мою жену/ почему-то сказала, что эти люди ей чем-то глубоко несимпатичны. Не стану сейчас забегать вперед, но тут хотелось бы только сказать, что в нашем положении /имеется в виду некоторая оторванность от соотечественников/ были не только минусы, но и свои несомненные плюсы.

Мне, например, во что бы то ни стало хотелось как можно лучше понять и почувствовать Индию. Думаю, что иногда это быстрее всего можно сделать так, как некоторые учат плавать: бросят в воду - и плыви. Не сумеешь - вытащим, а сумеешь - молодец. Быть среди индийцев постоянно и ежедневно - такой возможности нет ни у посольских, ни у моих коллег в больших городах Индии, где есть хоть и небольшая, но все-таки колония наших сограждан.

Ни городки при промобъектах, ни посольский городок не позволяют окунуться в Индию с головой. А мы два года жили совершенно одни среди индийцев. Да и первый год — до отъезда семьи Кунду из Пилани — мы не слишком часто общались с Людмилой, о чем речь пойдет позже.

Возвратимся же к нашему повествованию. Вторую ночь в Пилани мы спали гораздо спокойней и прекрасно выспались. А наутро нас опять посетила Людмила и предложила мне сходить к начальству и представиться. Я, конечно же, согласился. Сначала она привела меня к заведующему кафедрой языков профессору Кришна Мохану. Моим непосредственным шефом оказался маленький юркий старичок, необычайно быстро меняющий выражение лица с подслеповатыми глазами: от кудахчущего похохатывания до сугубой серьезности у него было так недалеко, что он мне как-то сразу понравился. Он показал мне мой кабинет, особо подчеркнув, что этот кабинет лучше, чем у других преподавателей. На мой вопрос — чем же он лучше — Кришна Мохан захохотал: "Здесь не так жарко". Потом сразу посерьезнел и с таким видом, как будто он репетировал парламентский спич, добавил: "В вашем кабинете есть телефон. По площади ваш кабинет вдвое больше, например, ее кабинета". Тут он указал на Людмилу. Расставаясь, он почему-то спросил, как я владею английским. Я ответил, что мы с ним общались целый час и понимали друг друга, каково же будет взаимопонимание через 3 года! Кришна Мохан захохотал, посерьезнел и удалился, зачем-то потирая руки.

Затем мы с Людмилой явились к декану факультета № 2, то есть к непосредственному шефу Кришна Мохана. Зовут его профессор Награтх, и он одновременно какая-то там величина в самом высшем эшелоне администрации. Награтх оказался очень аккуратным, корректным, но и весьма жестким человеком. Беседа велась очень

быстро, в ней участвовали в основном Награтх и Людмила, и я какую-то часть разговора не сумел уловить. Получалось, что не я сам рассказываю о себе, а Людмила рассказывает ему обо мне. Положение было не из приятных. Здесь я вспомнил недобрым словом нашу систему преподавания иностранных языков в школе и вузе. Стоит, однако, отметить, что индийский вариант английского языка весьма специфичен, и к нему надо привыкнуть, чтобы понимать всё "с лёта". Когда же Награтх спросил у меня, как я собираюсь преподавать, не зная английского, Людмила коварно замолчала, предоставляя мне самому выпутываться.

Мне хотелось сказать в ответ, что английский я знаю, даже Шекспира пытался переводить, но мои познания совершенно оторваны от разговорной практики, а это поправимая беда. Но от волнения и обиды я ничего этого не сказал, а лишь стал в позу /вернее, сел в позу!/ и ответил, что приглашен я сюда преподавать русский, а не английский. Награтх едва заметно - уголками губ - улыбнулся и пожелал мне успеха. Еще раз перескакивая через месяцы и годы, отмечу, что его пожелание сбылось. Уже в конце первого года я не только свободно вел занятия и общался с окружающими, но и читал научные лекции на английском языке. На второй год я подготовил первую часть учебника на английском языке, а на третий - вторую часть и сборник статей. Когда мы прощались с профессором Награтхом, покидая Пилани навсегда, он вспомнил наше знакомство, и мы оба весьма благодушно посмеялись на сей счет.

После профессора Награтха мы пошли к некоему мистеру Баргаве, регистратору Бирла Института. Как я понял, через него идут все внешние связи вуза. Регистратор - человек малопрятный, с нехорошей и неискренней улыбкой. Это впечатление, ко всему прочему, еще и наложилось на его рассказ: ведь это он, оказывается, отправлял телеграмму насчет меня в Дели, и он же заказывал для

меня машину до Лохару. После моего рассказа о том, как я добирался до Пилани, Баргава как-то сострадательно заметил, что я еще плохо знаю Индию. Как бы намекая, что это можно поправить, он тут же пригласил меня к себе в гости. Потом он сказал, что через некоторое время мне необходимо будет съездить в близлежащий город Джунджуну, где находится полицейский участок дистрикта /т.е. района/. Там мне надо отметить свое прибытие и испросить вид на жительство.

Последний визит мы нанесли уже знакомому мне заведующему хозяйственным отделом, которого я по простоте душевной принял чуть ли не за самого Бирлу. Зовут его мистер Сен. Он сказал мне, что я могу приготовить для него список нужных мне в хозяйстве вещей, и он постарается добыть их для меня. Оказалось, что Людмила и Анжан - хорошие друзья семьи мистера Сена, поскольку и Анжан, и Сен - бенгальцы. Тут они стали говорить очень быстро, вставляя в речь бенгальские фразы, которым Людмила за два года обучилась. Естественно, мне стало скучно, и я распрощался с обоими и отправился домой.

Дома я рассказал Альбине о своих визитах и предложил пойти осмотреть Кемпас. Но в дверь опять позвонили, и к нам явилась несколько странная пара. Один из пришедших отрекомендовался несколько напыщенно и хвастливо: "Профессор Банерджи, лингвист, начальник социального отдела института, старый коммунист и давний друг СССР. Главная мечта всей жизни - побывать в Москве". Это был седой старик довольно высокого роста, не очень опрятно одетый и пришепетьвающий. Другой был молодым, очень темнокожим, маленьким и кривоногим. Он на хорошем русском языке заявил, что зовут его Муруган, что он здесь преподаёт экономику, а учился он в Москве, в Университете Патриса Лумумбы.

Мы немедленно соорудили чай, а когда Банерджи ушел, попросили Муругана показать нам Кемпас, что он и сделал с очевидным удовольствием. Кроме бесконечных ахов при воспоминаниях о Москве, Муруган сообщил, что Людмила уже разнесла по всему Кемпасу весть о том, что приехали русские, которые совсем не говорят по-английски, да еще и на такси за свой счет. Альбина внушительно поглядела на меня: мол, а я что говорила! После прогулки по Кемпасу мы сначала пили кофе на местном Коннот-Плейс /так в шутку называют здесь торговый центр университетского городка/, а потом пошли к нам ужинать - напомнить истосковавшемуся по московскому гостеприимству Муругану вкус советских продуктов. Так закончился наш третий день в Пилани.

Кемпас Видья Вихар нам чрезвычайно понравился. Не знаю, что обозначает это название, но для меня оно теперь как бы антоним общеизвестной восточной сутолоке, беспорядочности, неряшливости и скученности большинства индийских городов. Видья Вихар занимает площадь около 4 кв. км, и там есть все или почти все, что нужно для безвездной жизни в Кемпасе: учебные корпуса, общежития, коттеджи преподавателей, торговый центр Коннот-Плейс, библиотека, клубы, банк, почта, бассейн, стадион, аэродром для планеров, музей, храм, начальная школа и колледж для девочек. Все это утопает в зелени и цветах. Даже не верится, что с востока к этому райскому уголку примыкает пыльный, грязный и многолюдный Пилани, а с юга и запада - выжженная солнцем пустыня.

Это, конечно, не рай. Достаточно сказать, что там очень часты перебои с электроэнергией и водой, а иногда налетают и пыльные бури. Но, подобно библейскому раю, Кемпас населен тысячами павлинов, попугаев и других экзотических птиц. Павлины распускают свои хвосты, горделиво являя такое же волшебное богатство красок, как и цветы. Попугаи не уступают им в яркости

расцветок. Цветов же — множество. Одни отцветают — другие расцветают. Некоторые деревья цветут тоже поразительно красиво, покрываясь белыми, розовыми, красными, а то и фиолетовыми цветами.

√ Все это многоцветье несколько "омрачается" лишь вóронами, которые черны, как сажа. Я не знаю, есть ли какая-нибудь другая отличительная черта вóрона, кроме размера. Ведь и ворбóны бывают черными — не только серыми. Но индийские вóроны — гиганты с мощными клювами. К нашему сожалению, одними птицами фауна Пилани не исчерпывалась. Были и другие, менее приятные летающие и ползающие существа. Только у себя в доме я убил трех скорпионов, один из которых был чуть ли не с ладонь. К счастью, змеи к нам не заползали, а против огромных насекомых ~~или~~ у нас на окнах были сетки. Представьте себе жуков и летающих тараканов размером со спичечный коробок и больше — и вы поймете, почему нам, при всей их безобидности, очень не хотелось, чтобы они "заглядывали к нам на огонек" по вечерам.

Пожалуй, самыми милыми обитателями Кемпаса следует признать шустрых и пугливых бурундучков, тысячами прыгающих по деревьям. Кроме того, в каждом доме Вицья Вихар обязательно жили симпатичные ящерицы желтого или серо-розового цвета. Они четко размежывают свои участки охоты, живут в каждой комнате по одной и иногда даже дерутся из-за нарушения границ. Сначала их присутствие казалось нам чем-то диким — особенно, если какая-нибудь ящерка, по глупости заснув прямо на потолке, шлепалась оттуда на пол. Но потом мы привыкли к ним, и даже наблюдали, как они охотятся за проникшими в дом насекомыми. Наши коллеги в Дели даже дали своим ящеркам смешные прозвища и хорошо отличали их друг от друга.

Окруженный клумбами роз, стоит в центре Кемпаса сказочно

красивый храм. Он посвящен богине наук и искусств Сарасвати — спутнице великого творца вселенной и богов Брахмы. Внутри храма — фигура самой Сарасвати, играющей на вине — древнем музыкальном инструменте. Храм построен всего два десятилетия назад, но выполнен в древнеиндийском стиле. Оттенок мрамора — совершенно непередаваемый: какой-то нежно-розовый, с голубизной и белизной, розовеющий на закате и восходе, белеющий днем и голубеющий в свете электричества. Восточную стену храма украшают барельефы богов, мифических героев и великих людей Индии. А западная стена делает храм Сарасвати уникальным культовым сооружением, не имеющим аналогов в мире. На ней — десятки барельефов великих людей Европы и Америки. Пожалуй, трудно представить себе культовое сооружение, на стенах которого высечены прекрасные портреты Галилея, Эйнштейна, Кюри, Эдисона. Несмотря на то, что Сарасвати — богиня индусского пантеона, здесь же можно увидеть портреты Будды, Христа. Но это еще не всё: в самом центре стены, между портретами Линкольна и Кеннеди, помещен профиль Ленина!

На территории Видья Вихар расположен и Бирла Музей. Он был основан все тем же Г.Д.Бирлой и представляет собой собрание образцов продукции, выпускаемой на многочисленных заводах семейства Бирла. Одновременно это и первый в Индии политехнический музей, выполняющий просветительские функции. Кроме образцов продукции, там есть и экспонаты, по которым можно проследить историю развития науки и техники во всем мире. Есть в музее и залы, в которых собраны работы европейских и азиатских мастеров живописи и скульптуры, в том числе прекрасные рисунки Рабиндраната Тагора и членов его семьи, а также работы самого Г.Д.Бирлы, который был неплохим рисовальщиком. Один зал посвящен деятельности миллионера-филантропа: многочисленные снимки Бирлы с Черчиллем, Хрущевым, Чаплином, Картером и другими знаменитостями...

ХРАМ САРАСВАТИ

Над буйством всех красок цветов и деревьев,
как облако, храм Сарасвати парит,
и спутнице Брахмы, прекраснейшей деве,
святую молитву смиренно творит:

- Ты мудрости символ. В тебе все богатства,
которые разум великих открыл.

✓ Недаром тебя Зло и Сила боятся -
ведь Мудрость превыше всех зол и всех сил!

На облачно-розовом мраморе храма -
портреты великих: Тагор и Эйнштейн,
Кюри, Архимед, Ганди, Будда и Рама,
Пастер, Ньютон, Эдисон и Галилей.
Здесь Ленин. Спокойно, уверенно-строго
на север великий мечтатель глядит.
Вся сотня портретов - и люди, и боги -
на разных наречьях одно говорит:

- Ты разум, ты мудрость. Какое бы имя
тебе не придумали - ты велика.

И будь Сарасвати ты или Афина -
стань спутницей нам на века и века!

✓ Сыграй нам на вине. Пусть звуки раскроют
познания тайны и тайны миров,
пускай нас тревожат, лишают покоя,
чтоб разум к открытиям был вечно готов!

Г Е Р Б С М О Л Е К У Л О Й , Р А К Е Т О Й
И Л О Т О С О М

Мне придется ненадолго прервать рассказ, вернее, его хронологию. Хочется остановиться на том учебном заведении, куда меня, собственно, и командировали. Надо сразу рассказать о БИТН /Бирла Институте Технологии и Науки/ и о своей работе в этом вузе. Иначе может возникнуть подозрение, что в Индии мы только и делали, что разъезжали по разным городам и встречались с интереснейшими людьми. А это, конечно же, не так. Нам пришлось еще и очень много работать.

Мной руководит не только желание рассказать о вузе, совершенно непохожем на советские, да и на большинство индийских - тоже. Мной руководит еще и стремление показать, что многое в этом институте достойно внимания. До сих пор, к сожалению, этот вуз вызывал интерес только на Западе. Пришло время и нам заинтересоваться им.

Уникальность БИТН даже в индийском контексте состоит в том, что это - частный вуз. Субсидируется он монополистической группировкой Бирла, в частности, сыном покойного основателя - К.К.Бирлой. К.К.Бирла - один из руководителей индустриальной империи и член парламента от партии Раджива Ганди - Индийского национального конгресса.

За обучение в БИТН надо платить, и эта плата - одна из самых высоких в Индии. Для сравнения приведу пример: чтобы обучать своего сына в БИТН, профессор, скажем, университета Бомбея должен отдать за четыре года всю свою зарплату за один год. Этим, естественно, определяется социальный состав студентов. Все они в основном дети богатых людей.

БИТН - вуз так называемого резидентального типа, чем он отличается от советских вузов, расположенных в больших городах и рассчитанных в основном на жителей этих городов. Вуз же резидентального типа - это концепция западного происхождения, и примерами тут могут служить университеты Оксфорда, Геттингена, Гарварда и другие. Абсолютное большинство студентов - приезжие, а сам вуз находится в маленьком городке и окружен общежитиями и различными службами, необходимыми для жизни студентов и преподавателей.

Многие из этих служб уже были упомянуты выше, и я не стану повторяться. Студенты и преподаватели, не выходя за ограду Кемпаса, могут жить длительное время. В Кемпасае можно учиться, работать в библиотеке, жить в коттедже или в общежитии, питаться дома или в студенческих столовых, пить кофе, чай, сок или есть мороженое в целом десятке кафе и ресторанчиков, заниматься спортом на корте, на стадионе, в бассейне или на летном поле планеров, получать деньги в банке, отправлять письма и посылки на почте, играть в карты или читать газеты в клубе, смотреть кино или видеофильмы. В торговом центре можно купить почти все, что хочешь, и даже пошить себе одежду или почистить ее в химчистке. Кроме того, есть и медицинский центр с аптекой, поликлиникой и небольшой больницей.

Условия жизни студентов весьма неплохи: каждый имеет отдельную комнату в общежитии, душ и туалет. Общежитий всего одиннадцать - десять мужских и одно женское. Питаются студенты в шести столовых, по одной на каждую пару мужских общежитий и одна столовая для девушек. В каждой столовой 350 мест, поэтому очередей никогда не бывает. Кроме того, студенты имеют право заказывать себе меню на каждый день или на всю предстоящую неделю. Каждая столовая разделена на две половины. В одной полови-

не подается "обычная", то есть вегетарианская пища, а на другой половине - "особая" пища, то есть мясная или рыбная.

Преподаватели живут в трех типах домов. Тип А - это двухэтажная 5-6 комнатная квартира в доме с отдельными входами на две семьи. В таких квартирах живут деканы и заместители директора, и подобных домов ровно в два раза меньше, чем этих администраторов. В каждом доме - две семьи, совершенно независимо от количества жильцов. Так что, например, семья декана по развитию образования, состоящая из двух человек, живет в такой же шестикомнатной квартире, как и семья другого декана - их соседа по дому, хотя у того в семье пять человек.

Тип В - это пятикомнатная квартира в одноэтажном коттедже на одну семью. Предназначена для профессоров института. Тип С - это трех- или четырехкомнатная квартира в двухэтажном доме на четыре хозяина, то есть по две квартиры на обоих этажах с одним подъездом. Этот тип предназначен для преподавателей и ассистентов.

Поскольку в институтском бюллетене моя должность была обозначена как "гость-профессор", я во всю эту квартирную иерархию не вписывался. Поэтому мне сначала предоставили дом, совершенно не похожий ни на что иное. Этот дом я уже вкратце описал выше. Он казался мне каким-то гибридом Эйфелевой башни и царской конюшни: потолки были очень высокими, комнат - всего три, но две из них такие большие, что напрашивалось сравнение с залами в средневековых замках.

Когда я заявил, что дом не очень удобен, мне объяснили всю эту иерархию и сказали, что профессорский коттедж мне не решаются предложить, а деканских квартир свободных нет. Я рассмеялся и возразил, что вовсе не хочу быть "особенным" и согласен на

профессорский коттедж. Он нам был предоставлен, и мы остались довольны. В новом доме мы не так сильно страдали от майско-июньской жары, хотя совсем от нее избавиться в Пилани невозможно нигде.

Климат Пилани очень сухой, с жарким летом и прохладной зимой. Очень велики перепады температур между зимой и летом, между ночью и днем. Зимой температура скачет от 0 ночью до 20 градусов днем, а летом от 20 ночью до 47 днем. Особенно тяжело было в мае и июне. Это время мы почти не выходили из комнаты, где находился кондиционер. Там температура была не выше 34 градусов, что было сущим раем по сравнению с 38 в других комнатах и даже 40 градусов в кухне. Альбина готовила обеды обычно по ночам, да и ели мы плотно лишь после часа ночи, когда жара немного спадала. Такую жару просто невозможно не запомнить на всю жизнь. Не знаю, как бы себя чувствовали там жители Ташкента, но нам было довольно тяжело.

Иногда мы пытались бодрствовать ночью и спать днем, что одновременно давало нам возможность быть начеку на случай визита непрошенных гостей из пустыни: скорпионов, огромных пауков и, не дай Бог, змей. Однако спать днем нам удавалось не часто. Гораздо чаще полуденная дрема прерывалась сама собой, и мы, совершенно мокрые от пота, бежали принимать душ. Бывало, что 3-5 часов кондиционер не работал из-за неполадок с электричеством. Вот это уже было сущим кошмаром. Нас спасал только душ, куда мы бегали каждые четверть часа, успевая после этого безо всякого полотенца обсохнуть и вновь покрыться липким потом. Но через некоторое время подача воды тоже прекращалась, так как помпы тоже работают на электроэнергии.

Но так бывало лишь в самые жаркие месяцы года. Остальное

время вполне можно было рассчитывать по привычному режиму, к которому мы в Пилани быстро привыкли. Рабочий день начинается в Видья Вихар рано. Павлины истошными голосами торжественно встречают рассвет, и начинается птичий и человеческий шум и гам.

√ Громяхают на своих тележках^и молочники, крича на хинди: "Дутх!"

Мы брали коровье молоко, которое доставлялось нам прямо с фермы.

√ Индийцы же предпочитают буйволиное, которое на^м казалось чересчур жирным. Мы были поражены уже тем, что даже после коровьего моло-

√ ка стаканы отмывались с большим трудом, чем после советских сливок. Потом катили свои тележки разносчики, предлагая хозяйкам хлеб, сливочное масло, яйца, овощи и фрукты. В семь часов слышался шлепок: это разносчик газет, свернув "Таймс оф Индия" в трубочку и надев на нее резинку, швырял газету через ограду прямо в нашу дверь.

В 8.00 начинаются занятия. Каждое занятие длится 50 минут, после чего следует десятиминутный перерыв, и новое занятие начинается ровно в 9, 10, 11 и так далее через час. Всего девять часов занятий, с одним лишь исключением для русского профессора: он пожелал работать с 17.00 до 17.50, когда не жарко. Студент обычно занят работой 3-4 часа в день, а преподаватель - 1-2 часа. С 13.00 до 15.00 - ланч. Все обедают. Только те, у кого в это время занятия, восполняют упущенные 50 минут либо до, либо после занятия. Чаще всего, пообедав, все спят, так как в жаркое время года в эти часы просто невозможно что-либо делать. После ланча еще два рабочих часа, и наступает вечер. Если на завтра нет экзамена или теста, студенты направляются в кафе. Это самые популярные места и у студентов, и у преподавателей, Там они пьют "колу", сок, кофе или чай, ведут бесконечные беседы.

Вечером же по улочкам опять катятся тележки молочников и

разноччиков. На заходе солнца птицы еще раз устраивают базар - ведут борьбу за место для ночлега на деревьях. Опять больше всех усердствуют павлины, провожая заходящее солнце. Потом всё стихает. В студенческих общежитиях, правда, некоторое время грохочет "тяжелый рок". В преподавательских коттеджах светятся экраны телевизоров. Но и в коттеджах, и в общежитиях до самой глубокой ночи продолжается бесконечное чаепитие.

Учебных корпусов всего три: большой двухэтажный корпус факультетов № I и 3, корпус поменьше - факультета № 2 и корпус мастерской - технические службы института, инструментальный цех и другие "шумные" помещения. В первых двух корпусах, довольно больших, двухэтажных и состоящих каждый из нескольких секций, находятся учебные аудитории, административные помещения и кабинеты преподавателей. Кстати, каждый преподаватель, независимо от должности, имеет свой собственный кабинет.

А должностей всего шесть: ассистент, младший преподаватель, преподаватель, ассистент-профессор, младший профессор и профессор. Заработная плата зависит только от этих должностей. Лишь деканы, заместители директора и директор получают надбавку за административную работу, а заведующие кафедрами получают лишь ставку, соответствующую должности. Должность не зависит от ученой степени и определяется только решением администрации. Профессор, например, может и не быть доктором наук, а ассистент может иметь или не иметь эту степень, которая сама по себе, естественно, не дает никакой прибавки к зарплате. При назначении на должность учитываются только деловые качества преподавателя, его специальный научный уровень, компетентность, общая эрудиция и педагогические способности. Не последнюю роль играет конкретная ценность преподавателя для БИТН, то есть организаторский талант

и, вероятно, дефицитность специальности.

Высший эшелон администрации БИТН состоит из директора, двух его заместителей, двух административных деканов, двух деканов-консультантов, деканов трех факультетов и семерых деканов различных подразделений /по учебной работе, научно-исследовательской работе, производственной практике, академическому учету, бытовым условиям студентов, развитию образования и учебному оборудованию/. Средний эшелон состоит из руководителей различных подразделений: регистратор БИТН, шеф хозяйственного отдела, шеф финансового отдела, шеф библиотеки, шеф мастерской, шеф информационно-вычислительного центра, шеф социального отдела. Низший эшелон состоит из заведующих кафедрами: прикладной химии, гражданского строительства, экономики, промышленной технологии, менеджмента, языков и общественных наук /по факультету № 1/, электроники и электротехники, машиностроения /по факультету № 2/, а также биологии, химии, математики, фармакологии, физики, развития науки и техники, музейного дела /по факультету № 3/.

Будучи ассоциирован с Массачусеттским технологическим институтом США, Бирла институт позаимствовал из-за океана не только административную систему, но и учебные программы, учебники и саму систему обучения. Конечно, в основе своей БИТН - технологический вуз, но имеется также и отчетливая тенденция к его универсализации. Уже сейчас он выпускает бакалавров и магистров по фундаментальным, прикладным и гуманитарным наукам. Поэтому на гербе БИТН изображены: модель молекулы, ракета и лотос, символизирующие все три вида наук. Поэтому же его часто называют также университетом, и я, кажется, тоже где-то назвал его так. Но это не оговорка.

Являясь резидентальным вузом, БИТН известен и как общеиндийский университет. Местных, то есть из штата Раджастхан, студентов там очень мало. Подавляющее большинство студентов приезжает из других штатов Индии: в основном из Тамилнаду, Андхра-Прадеш и Уттар-Прадеш. Есть также студенты из Махараштры, Западной Бенгалии, Карнатаки, Кералы, Пенджаба и Бихара. Иногда мне казалось, что я нахожусь в каком-то международном вузе - настолько непохожи друг на друга тамил и пенджабец, бенвалец и маратх. Разные языки, совершенно разные культуры... Правда, студенты редко пользовались национальными языками, а государственный язык - хинди - некоторые и вовсе не знали. Те круги общества, из которых вышли студенты БИТН, даже в быту чаще пользуются английским языком, считая родное наречие языком безграмотных масс. Конечно, были и исключения, в основном среди бенгальцев и студентов из хиндиязычных штатов. Но языком обучения в БИТН может быть /и есть/ только английский.

Несмотря на очень высокую плату за обучение, престиж БИТН настолько велик, что недостатка в студентах никогда нет. Вступительные экзамены заменены в БИТН конкурсом аттестатов за 12-летнюю школу. Начать учебу можно как с августа, так и с января, потому что вся система обучения в БИТН строится не на годичном /курсовом/ цикле, а на семестровом: любая дисциплина должна быть вычитана за семестр, в конце которого обязательно должен быть экзамен. Ежегодно в БИТН принимаются 500 абитуриентов - примерно поровну летом и зимой. Соответственно этому, и выпуск производится и в июне, и в декабре. Общее количество студентов редко превышает две тысячи. Не очень много, конечно. Но именно эти люди в свое время встанут у руля индийской экономики и политики.

Престижность БИТН объясняется высоким уровнем преподавания,

а также прямым эффектом этого уровня - трудоустройством выпускников. Среди питомцев БИТН нет ни одного безработного, а это необычайно важно для Индии. Выпускники института уже как бы самим дипломом БИТН застрахованы от безработицы. Кроме того, выпускники БИТН чаще других индийских специалистов находят хорошую работу за рубежом - прежде всего, в США. Из-за близости учебной программы БИТН к учебным программам американских вузов многие питомцы института не ^{на}зают конкуренции при поступлении на работу в научных, учебных и индустриальных центрах США. Причем им не надо сдавать квалификационный экзамен - их принимают по результатам собеседования.

Поступив в БИТН, студент получает список дисциплин, которые ему необходимо изучить по избранной специальности. В начале каждого семестра студенты регистрируются на курсы. Важно успеть за четыре года изучить все дисциплины согласно списку, причем последовательность не играет почти никакой роли - студент свободен в своем выборе дисциплин. Поэтому студенты, изучающие одну и ту же специальность, в каком-то конкретном семестре могут быть зарегистрированы на разные дисциплины. Отсюда полное отсутствие студенческих групп, курсов и факультетов в нашем понимании. Учеба идет по сугубо индивидуальному плану. Каждая лекция собирает свой контингент студентов, в который могут входить студенты разных специальностей и даже разных лет обучения. Посещение занятий свободное. Строго учитывается лишь посещение экзаменов и тестов. Не явился - пересдавай за дополнительную плату, независимо от причины неявки. Не всегда применяется и практика пересдачи экзамена в случае получения неудовлетворительной оценки. Даже если дисциплина вообще не сдана, "второгодничества" нет: студент за дополнительную плату повторно изучает

только несданный курс, в дополнение к новым дисциплинам.

Регистрируясь на курсы, студенты получают проспекты этих дисциплин, списки учебников и сведения о количестве баллов, необходимых для зачета дисциплины или для хорошей оценки по буквенной шкале. Баллы набираются в ходе тестов и экзаменов. При максимуме баллов в 100 для зачета нужно, например, 65. Каждый тест /а их всего три за семестр/ "весит" 20 баллов, а экзамен - 40 баллов. Все тесты и экзамены, кроме музыки, - письменные, с четким определением количества баллов за каждое задание или вопрос. Некоторые дисциплины в дипломе оцениваются буквами латинского алфавита. Экзамены по таким дисциплинам не пересдаются, и буква так и идет в диплом. В этом случае существует шкала баллов: для А - 100-80, В - 80-75, С - 75-65, Д - 65-55, Е - 55-45, Ф - 45-0.

Я приехал в Пилами к концу октября. Занятия же начались с 15 августа, и до конца семестра оставалось лишь чуть больше трех недель. В ноябре уже началась сессия, а с 15 декабря - зимние каникулы, длившиеся до 15 января. Летние каникулы длятся 10 недель. Поэтому я приступил к работе только в январе. Но и это не все мои злоключения: из-за отсутствия визы /о чем я расскажу позже/ я и на второй год приехал из отпуска только в середине октября, поэтому полнокровный курс не был организован, и я читал лишь краткосрочный курс. Лишь на третий год я приехал вовремя. Таким образом, я работал лишь четыре полных семестра из шести.

Но даже в первый год, оставшись без работы, я не сидел сложа руки. Ситуация сложилась так, что мне было просто необходимо включиться в борьбу "за студенческие мозги". Я был вынужден принимать какие-то контрмеры в связи с тем, что из-за "деятельности" Людмилы Кунду я мог остаться вообще без студентов. Она стала распространять слухи, что советский преподаватель

приехал только заниматься коммунистической пропагандой, а она, мол, могла бы преподавать "чистый", неидеологизированный русский язык. Студенты, наслушавшись таких "ужасов", могли действительно не зарегистрироваться на мои курсы. Ведь уровень информированности жителей Кемпаса о Советском Союзе весьма низок. И это √ несмотря на дружеские контакты между нашими странами, и так далее, и тому подобное. Профессор Чандок, например, спрашивал у меня, на чьей стороне был СССР во время второй мировой войны. Студентам приходилось доказывать, что у нас в стране рок-музыка вовсе не запрещена.

В этой ситуации пришлось принимать энергичные меры. С помощью Муругана я провел несколько встреч со студентами и преподавателями, отвечал на их вопросы, рассказывал об СССР, стараясь еще в те "застойные" времена быть объективным и критичным. Это возымело успех, и без аудитории я не остался. Меня же знакомство со студентами просто поразило. Я никак не ожидал такой невежественности относительно "великого друга и соседа Индии". Приходилось даже убеждать студентов в том, что я не подвергаюсь в СССР преследованиям за ношение бороды, а также не являюсь закамуфлированным бородой агентом КГБ.

√ Убеждая студентов в полной "законности" своей бороды, я вспомнил референта из киевского Минвуза "незлым тихим словом." Про себя, конечно. Такие вот толстозадые бояре и служат одним из источников негативной информации. Западные агентства, вероятно, с удовольствием платили бы им гонорары за обильный материал об анекдотической твердолобости и тупости нашей могущественной бюрократии. По-моему, все эти поборники бумажной "моральной устойчивости" должны быть судимы как идеологические диверсанты. Опасней всего, что в их руках в власть, пусть иногда и небольшая. А тем более - идеологическое влияние.

Однажды, еще в Запорожье, я перевел по подстрочнику стихи своего ливанского студента, в которых были такие строчки:

Сироты плачут: "Мама - где она?"

За них Аллаха вдовам лишь просить!

Стихи были посвящены трагедии Ливана. Не стану утверждать, что перевод имел большие художественные достоинства, но стихи были вполне "идейно выдержанными". Однако тогдашний секретарь парткома моего института усмотрел именно в этих строчках пропаганду религии, и приказал убрать стихи из институтской газеты. Поистине, не сама глупость страшна, а тот пост, который она занимает! Впрочем, впоследствии этот перевод был напечатан в областной газете, к радости студента-автора, так и не узнавшего, почему институтская газета ему отказала. Однако и у него и у меня все-таки было несколько минут горькой обиды.

Русский язык преподавался до моего приезда в Пилани семь лет. Первые два года в Пилани работал весьма активный и подходящий к работе неформально преподаватель, кажется, из Киева, который понравился многим и никогда не замыкался в стенах своего коттеджа. После него два года работала некая немолодая женщина. По выражению профессора Чатурведи, она стала несколько "эксцентричной" - очевидно, от одиночества слегка "подвинулась рассудком". Ее сменил какой-то молодой москвич. Он не утруждал себя связями с преподавателями, водил дружбу в основном с лавочниками и студентами, и даже занятия проводил прямо у себя в коттедже. Последний передо мной преподаватель работал только один год и тоже запомнился только лавочникам. А на 1983/84 учебный год вообще никто не приехал.

За семь лет в общей сложности русский язык изучили только семнадцать студентов. Есть целый ряд причин ^{та} такого слабого ин-

интереса к изучению русского языка. Во-первых, курс русского языка в БИТН, как и курсы французского и немецкого, очень краток. Студенты получают лишь минимальный объем знаний и навыков для чтения и перевода со словарем. Во-вторых, русский язык очень плохо пропагандировался, и борьба против политических предрассудков, естественных в среде индийской буржуазии, почти совсем не велась, а ведь большинство студентов БИТН принадлежит именно к этой среде. Но мне кажется, что успешная работа по этому второму пункту вполне может компенсировать потери, вытекающие из пункта первого.

✓ С удовлетворением могу отметить, что за неполные три года работы в Пилани я обучил русскому языку более пятидесяти студентов. Читал я два курса: начальный русский и технический русский. Каждый из курсов - всего по 40-45 часов. Но такова программа БИТН: считается, что этого вполне достаточно для того, чтобы овладеть языком на уровне чтения и перевода со словарем. Мне кажется, что, кроме основательно возросшего интереса индийцев к СССР /что объясняется нашей демократизацией/, в таком успехе есть и доля моей скромной работы.

В этой связи я сосредоточил свое внимание на двух основных вопросах повышения престижа русского языка в БИТН. Первый - методическая перестройка самого преподавателя с целью наибольшего соответствия специфике института. Второй - активная внеаудиторная работа. Над первым вопросом я безуспешно бился весь первый свой рабочий семестр, и лишь к концу второго семестра у меня созрела концепция учебного пособия, по которому можно было бы эффективно проводить занятия. Ведь для подобных курсов у нас не существует ни одного советского учебника. Пришлось брать за основу американские и английские учебники русского языка, наполнять

эту основу соответствующим содержанием и познавательной информацией из советских источников. В 1986 и 1987 годах БИТН выпустил два тома моего пособия объемом соответственно в 7 и 16 печатных листов.

По второму вопросу ясность существовала с самого начала. Надо было не просто не замыкаться и уходить от общения, но наоборот, активно искать новые пути такого общения. Я читал лекции по литературе, по современным проблемам культуры, по Советскому Союзу. В конце концов получился целый сборник статей, также изданный в БИТН, объемом в 6 печатных листов. Кстати, и этот сборник, и учебный комплекс были написаны ~~на английском~~ по-английски. Администрация, пораженная такой активной деятельностью, предоставила в мое распоряжение пишущую машинку с английским шрифтом, и я проводил многие часы за письменным столом у себя дома, окруженный двумя пишущими машинками и горами необходимого мне материала.

Я уже упоминал, что у БИТН сложились прочные связи с США. Информация о нашей стране, получаемая студентами, ориентирована именно на западные источники и зачастую тенденциозна. Поэтому такая моя активность объяснялась очень просто. Мой же шеф в Дели интересовался лишь ростом количества студентов. Мнение было таково: институт явно прозападный, да и студентов в нем мало. Чего уж там соваться с контрпропагандой! Еще неизвестно, стоит ли вообще посылать туда советского специалиста. Валюту он получает, а нагрузка у него просто престудно мала.

Нагрузка действительно была непривычно маленькой /не более 170 часов в год/. Я боялся облениться. Поэтому приходилось действовать энергично, но самостоятельно. Обо всех своих начинаниях я всегда докладывал шефу. Он одобрительно кивал, но особого энтузиазма не выказывал. Правда, мои коллеги говорили, что шеф

не раз ставил меня в пример. Но меня он обычно лишь отчитывал за то, что я часто езжу в Дели.

Не оставил я без работы и свою жену. При той нагрузке, к которой привыкли советские женщины, "барская" жизнь могла стать источником постоянной хандры и скуки. В первый же год студенты, узнав, что она музыкант, попросили ее научить их танцевать русский танец. Танец был разучен и с огромным успехом показан на одном из вечеров в БИТН. Этот случай решил всё: Альбину уговорили организовать мастерскую танца. Каждый год в эту мастерскую студенты подавали не менее ста заявлений, и нам приходилось проводить отборочные туры. То же самое содержание мастерской переходило из года в год: народные танцы /русский, украинский, грузинский/, классические танцы /вальс, танго/ и современные танцы. Для студентов мастерская была бесплатной, потому что мы отказались от оплаты. Посольство запрещало женам специалистов работать за деньги. Не могу сказать, что такое благородство было понято этом сугубо деловом вузе. Однако приятно было, когда институт наградил нас за эту работу поездкой в Джайпур.

Все эти мероприятия сделали возможным проведение двух Недель советской культуры — в 1985 и 1987 годах. О самих Неделях я еще расскажу позже. Сейчас же хотелось бы остановиться на том, что нам мешало в работе. После великолепных в техническом отношении кино- и видеофильмов, присланных посольством США и посольством Англии, студенты БИТН посмотрели несколько порванных, "переиспользованных" советских кинолент, заказанных мной в Доме советско-индийской дружбы /Дели/. Пусть даже эти фильмы были великолепны в художественном отношении — эффект был минимален. Студенты пользуются американскими и английскими учебниками и другой научно-технической литературой. Советские же издательства

предлагают индийцам в основном общественно-политические и про-
✓ пагандистские издания. В ^э таком вузе, как БИТН, на мой взгляд,
следовало бы начинать именно с научно-технической и популярной
литературы, а уже затем переходить к другим ее видам. Сравни-
тельно низкие цены - не аргумент для индийца, который прежде
всего хочет получить практическую пользу от книги, а не любо-
ваться прекрасно отпечатанным портретом Константина Черненко
на обложке.

Перед любым преподавателем в Индии стоял вопрос - отнести
ли к своей работе формально и лишь подсчитывать доходы или на-
прячь все свои силы и творить "чудеса" подобно Корчагину на
Боярке. При определенной помощи из Москвы и Дели он мог бы сде-
лать все эти "чудеса" и не напрягая сил. Разве не достаточно
уже и того, что ему приходилось работать и жить в тяжелых кли-
матических условиях? Но к нам чаще всего относились как к "ре-
бятам, приехавшим подзаработать".

V **Д** ведь советские преподаватели в Индии - это люди, нахо-
дящиеся в самой гуще народа и знающие страну не по трафаретным
сводкам, стекающимся в упоительную прохладу посольских кабине-
тов. Они наблюдают Индию не из окна "Тойоты", а прикасаясь к
ней. Они живут в самых различных "точках" этой страны и в един-
ственном числе представляют там нашу страну, а то и всю европей-
скую цивилизацию.

Потенциал этого отряда весьма велик. Но как он использовал-
ся? Наши справки и отчеты, похоже, никто не читал. Преподавате-
ля, который бы координировал бы действия коллег и заботился бы
о том, чтобы они эффективно работали, у нас не было. Нашим ше-
фом был неплохой, в сущности, человек. Но нашей работы он не
знал и знать не мог, а потому заботился лишь о том, чтобы зака-
зать нам билеты в Москву и гостиницу в Дели, получить от нас

отчеты и положить их в стол.

Просидев какое-то время в своем Пилани, мы иногда приезжали в Дели. Едва из-за домов показывался алый флаг над нашим посольством, мы чуть не плакали от радости: ну как же — наши! Но лирика кончалась очень быстро. Работники посольства не считали нас своими, а некоторые их крикливо и безвкусно одетые жены и вовсе уважали нас гораздо меньше, чем индийских торговцев. Кто прислушивался к нам, державшим руку на пульсе Индии? Кто создал условия, в которых мы могли бы сделать для обеих стран вдвое, втрое больше?

У нас кто-то постоянно забывает, что времена Боярки прошли. Да и не к лицу такой державе, как СССР, требовать от своих специалистов за рубежом настоящей битвы за успех, подобной уже привычной нам "битве за урожай". Ведь в Индии живут не только советские специалисты, и индийцы могут сравнить отношение различных государств к своим гражданам. Впрочем, никто от нас ничего и не требовал. Я, например, мог спокойно сидеть в своем Пилани и только сетовать, что повышение зарплаты задерживается.

Индия — ни с чем не сравнимое сокровище Земли, богатейший край с несравненной красотой искусства, седой историей и несомненно великим будущим. От того, что мы сделаем сегодня, зависит, станет ли прозревший и обретший голос индийский народ другом СССР. Пока что приходится отмечать лишь дружеские отношения между правительствами. А надо возводить мосты между народами. Одну из первых скрипок в этом важнейшем деле могут и должны сыграть мои коллеги. Им не требуется многого. Нужно лишь живое человеческое внимание к их работе, государственное отношение к ней. Говорю сейчас не только за себя — за всех, кто приезжал и будет приезжать в Индию не за длинным рублем или хотя бы не только за ним.

Т Р А Г И Ч Е С К И Й К О Н Е Ц
В И С О К О С Н О Г О Г О Д А

Однако пора продолжить повествование, и так уже застрявшее на первой неделе моей жизни в Пилани. С 22 октября я целую неделю знакомился с Пилани, с городком Видья Вихар, с институтом и с его преподавателями. Мы "делали визиты" ко многим преподавателям, ведомые то Муруганом, то Людмилой Кунду, при которой мы обычно выполняли роль этакой живой мебели. Надо сказать, что Людмила прекрасно прижилась в Индии, и ее московская привычка поточить лясы вполне совпадали со словоохотливостью многих индийцев. Причем, ее московское прошлое комсомольского вожака и активистки отнюдь не мешало ей теперь издеваться надо всем тем, о чем в Москве она говорила с благоговением.

Муруган явно недолюбливал обоих Кунду и часто за разговором в кафе опровергал почерпнутую студентами от Кунду информацию. К нам он приходил довольно часто, и даже просил нас называть его Гуру. Мы охотно согласились - это была первая половина его фамилии Гурусами. Но потом выяснилось, что на древнеиндийском языке санскрите "гуру" - это "учитель". Мы вместе с ним посмеялись над этим, но сейчас я улавливаю в этом не только забавный смысл: Гуру нам действительно очень помогал в первые месяцы нашей жизни в Индии, и мы должны быть благодарны ему за эту бескорыстную помощь.

Рано утром 30 октября к нашему дому подкатил институтский "Амбассадор" с профессором Чандоком. Профессор сообщил мне, что регистратор мистер Баргава предоставляет мне машину для поездки

в Джунджуну, а сам профессор собирается сопровождать меня. Мне, честно говоря, было приятно такое внимание к моей скромной персоне, хотя я и не совсем понимал, чем это вызвано. Словом, сборы заняли всего несколько минут, и вскоре мы с Альбиной уже сидели на заднем сидении "Амбассадора" и слушали разглагольствования профессора Чандока, сидящего рядом с шофером.

По сторонам дороги расстилалась маловыразительная местность, уже описанная мной выше. Редкие деревья не вносили разнообразия в ландшафт, а создавали гнетущее впечатление убожества природы и отсутствия у нее хорошего вкуса. Через полчаса мы въехали в небольшой городок Чиравы, ничем не отличающийся от многих других городов Раджастхана. Но для штата пустынь и полупустынь, кроме редких и сглаженных временем небольших гор, редкие поселения людей - такое же радующее душу разнообразие, как в Сахаре зеленые оазисы посреди песчаных барханов.

Еще через полчаса после Чиравы на горизонте появились строения, разбросанные вокруг одинокой, но довольно высокой горы. Позже я узнал, что через весь штат Раджастхан тянутся отроги древнего хребта, значительно разрушенного временем. Город, который раскинулся у подножья горы, оказался именно тем центром дистрикта /района/, куда мы и направлялись. Его эффектное название - Джунджуноу - понравилось мне сразу. С тех пор я ежегодно бывал в Джунджуноу по два-три раза, так как мне надо было решать вопросы с видом на жительство и продлением визы. Именно в этом районном центре находится полицейский участок, который занимается визовыми вопросами. Хотя лучше сказать - который почти не занимается этими вопросами. Чтобы раз и навсегда покончить с этим городком, расскажу о нем все, что мне известно из моих многочисленных визитов туда.

Штат Раджастхан - это земля раджпутов, некогда воинственных племен, беспрестанно воевавших то с захватчиками, то между собой. Суровые природные условия /недостаток пригодной для обработки земли, острый дефицит воды/ и многочисленные войны породили соответствующие обычаи и традиции. Интересно, что даже в период наибольшего влияния пришельцев-мусульман на коренное население Индии, то есть во времена Великих Моголов, раджпуты не поступались ни своей религией, ни своими традициями. Могольские императоры даже обращались к раджпутам за военной помощью и получали ее ~~в обмен~~ ~~на невмешательство в~~ ~~вопрос~~ внутренние дела раджпутских махарадж. Когда-то по всей Индии соблюдался индуистский обычай сати. По этому страшному, но впечатляющему обычаю, жены сжигали себя живьем на том же самом костре, на котором сжигали их умерших или убитых мужей. Этот обычай и сейчас еще изредка соблюдается, несмотря на особый запрет правительства. Так вот, в Раджастхане этот обычай просуществовал дольше всего.

Это было неизбежно потому, что воинственные раджпуты не могли позволить своим женам остаться в живых в случае своей собственной гибели: когда победившие враги, уж конечно, не пощадили бы ни вдов, ни детей. Такой обычай не только отражает полную войну историю Раджастхана: по нему можно судить и о полном бесправии индийских женщин вообще и вдов - в особенности.

Именно в городе Джунджуну сохранился один из немногих в Индии храмов, посвященных этому обычаю - Рани Сати Мандир. Мы два раза побывали в этом храме. Храм - обычный, не очень древний, но и, конечно же, не молодой. Скорее, его можно назвать целым комплексом построек: здесь и храмовые помещения, и гостиница для приезжих богомольцев, и отдельные ниши-молеельни с останками сожженных вдов. Когда мы были там с Альбиной, жрец омыл нам руки розовой водой из старинной чаши, а остаток выплеснул на затылки.

РАНИ САТИ МАНДИР

Сжигали война, погибшего в сраженье,
в одном костре с живой его вдовой.
Обычай варварский, и скорби я не скрою,
хоть есть ему с полсотни объяснений.

Мы были в храме Сати — все молитвы
нам показались бесконечным воем.
В них было что-то терпкое такое,
как в винограде с поля страшной битвы.

Нам розовой водой плеснули в темя,
омыли руки из старинной чаши.

И пусть эти обычаи не наши
и почитаются как символы не всеми,

✓ но я тогда сказал: — Ну что ~~ж~~, отныне
гореть в одном костре с тобою будем.
Конечно, мы совсем другие люди,
но верности священный жар пускай не стынет!

Джунджуноу, 1985.

Это знаменовало приобщение нас к некоему духу верности. Обряд нам понравился. Город Джунджуну — старинный, довольно грязный, с кри-выми узенькими улочками, наполненными, как и в Пилани, множеством разгуливающих коров, буйволов и ослов. Здания в Джунджуну показались мне гораздо интересней, чем в Пилани. Они были явно старше и красивей, с резьбой и рисунками по стенам. Те, которые были не обшарпаны, хоть и составляли ничтожное меньшинство, но приятно удивляли глаз.

В Джунджуну мы обычно приезжали только по делам. Полицейский участок — необыкновенно шумное, грязное здание, набитое самым разнообразным народом. Народ решал проблемы с помощью платных "грамотеев", составляющих для него разные прошения, заявления, акты и так далее. Мне там нужно было только одного — продлить визу и получить вид на жительство. С меня аккуратно брали плату за различные бумажки, которые я заполнял, конечно, сам. Заполненные бланки я сдавал чиновнику, который придирчиво их просматривал и писал на хинди прошение в Джайпур, столицу штата, чтобы там, в министерство внутренних дел, дали ход моему делу. Потом он через представителя института рассказывал мне — опять же на хинди — суть выполненной им операции. На третий раз я уже не удивился, каким образом он так придирчиво просматривает мои заявления, ни слова не зная по-английски. Впрочем, на этом мои визовые дела только начинались. Застревали они, скорей всего, не здесь. Я до сих пор так и не знаю, где они застревали — в Джунджуну, в Джайпуре или в Дели, в общеиндийском министерстве внутренних дел.

Ну, и как закуску к теме Джунджуну, вспомню один эпизод поездки туда. Однажды по дороге к этому городу мы были свидетелями отвратительного зрелища. Орлы-грифы, которых в Раджастхане видимо-невидимо, справляли тризну по павшему буйволу. Трупы животных в Индии вообще долго не убираются с дороги, а тут еще на таком отнюдь не

оживленном участке дороги - между небольшими городами! Буйвол уже успел наполовину разложиться, и грифы слетались к нему со всей округи "полакомиться" мертвечиной, вырывая большие куски мяса из туши и друг у друга. Картинка, прямо скажем, жутковатая.

Но это было в один из наших поздних приездов в Джунджу. Первый же визит туда был вполне успешным и оставил только некоторое недоумение в связи с каким-то странным затишьем в городе. Приехав обратно в Кемпас, мы собрались было погулять, но вдруг явились Кунду и со страшным выражением лица сообщили нам, что сегодня в своей дельийской резиденции была убита своими охранниками Индира Ганди. Нас это совершенно потрясло. А тут еще Людмила Кунду лихо-радочно повторяла: "Боже, что теперь будет твориться!" Мы, конечно, не могли себе представить, что могло твориться. Но даже если бы мы представили что-то очень страшное, непоправимое и душераздирающее, то и тогда реальность превзошла бы наши представления.

На следующий день газеты сообщили о трагедии, и начались слухи о страшной резне по всей стране. Индуисты и мусульмане немедленно стали охотиться за сикхами, поскольку убийцы были сикхами. Даже в Пилани, где сикхов было не так уж много, загорелись их дома. В Индии коммунизм и вражда на почве религиозных предрассудков имеют давнюю и печальную историю. Стоило брамину из маратхской касты убить великого Махатму Ганди - по всей Мараштре сразу же запылали дома браминов. Каста в ответе! Не лично убийца, а именно каста или религия. Они и ответят. И отвечали уже много раз.

Конечно, были и такие индуисты, которые прятали сикхов от расправы в своих жилищах. Но общая картина разгула террора была налицо. Как только через пять-шесть дней после убийства возобновилась доставка газет, мы прочитали, что во многих городах страны сикхам не поздоровилось. Сожжены были тысячи домов, магазинов, машин и автобусов. Погибли тысячи людей. Затем Раджив Ганди ввел чрезвычайное положение.

У нас, в советской прессе, сведений о ноябрьской резне 1984 года в Индии, конечно же, почти никаких не было. О серьезности ситуации в Дели никто из наших друзей и знакомых до нашего приезда ^{в Союз} не знал. А ситуация была в самом деле критическая. Раджив Ганди как-то упустил момент, когда можно было еще избежать беспорядков. А может быть, момент был упущен и намеренно. Во всяком случае сын великой матери предстал перед индийским народом в ореоле мученической славы самой замечательной из индийских женщин XX века. А сикхи, к которым принадлежали и убийцы Индиры, потеряли в эти дни немало единоверцев, да и материальный ущерб сикхам был нанесен неисчислимым. Я опять немного забегаю вперед: в первые дни после убийства все сведения о событиях в Дели поступали либо от свидетелей, приезжающих из столицы в Пилани, либо из газет, пришедших с опозданием. Это позже мы, побывав в Дели, смогли кое-что увидеть собственными глазами и услышать собственными ушами.

В институте состоялся траурный митинг. Он удивил меня тем, что продолжался не более 10 минут. На митинге я впервые увидел директора института д-ра Митру. Он кратко объявил о гибели премьер-министра, кратко напомнил биографию "шримати" Индиры /т.е. уважаемой госпожи Индиры/, а затем сообщил, что в связи с десятидневным трауром институт работать не будет.

Когда у нас в коттедже собрались Людмила с мужем, Гуру и мы с Альбиной, я предложил составить специальное письмо с выражением соболезнований. Предложение было для Анжана и Людмилы несколько неожиданным, но все согласились, что мне надо направить это письмо на ~~имени~~ директора института и поставить свою подпись от имени "всех советских граждан, проживающих в Пилани" - т.е. от Людмилы, Альбины и себя самого. Письмо я написал и отправил со служкой нашего факультета. А через день неожиданно получил учтивый ответ с выражением благодарности. Как выяснилось, именно этому письму я обязан тем,

что несколько позже директор вдруг пригласил нас с Альбиной посетить его.

Директор БИТН д-р Митра - крупный ученый-химик, имеющий ряд научных работ. Учился он в Индии, затем долгое время работал в Массачусеттском технологическом институте США. В Америке же он защитил и докторскую диссертацию. Встретившись с нами, он сразу же объявил, что настроен очень про-американски. Я ответил, что меня бы меньше удивило, если бы он был настроен про-индийски. Д-р Митра рассмеялся и заговорил уже свободней и дружелюбней.

Оказалось, что он почти не видел моих предшественников в Пилани, и лишь мое письмо с соболезнованиями заставило его проявить ко мне такое необычно^е благорасположение. Честно говоря, я несколько обиделся за своих соотечественников, и д-р Митра это заметил. Со свойственным ему напором и прямоотой он объявил, что ничего не имеет против русских - среди его американских друзей было много наших эмигрантов. Даже Людмила, как он сказал, не производит на него слишком негативного впечатления, тем более, что она жена бенгальца, а сам д-р Митра и его жена Сандхья - тоже бенгальцы.

Но у него есть определенное предубеждение против советских специалистов. Они производят на него впечатление бойцов, брошенных на передний край борьбы с естественными в чужой стране трудностями. Выглядело все это так, как будто мои соотечественники приезжали не жить, работать, общаться и познавать, а именно привычно "бороться": отрезанные от своей страны, от своего посольства, чуждые той среде, в которой они оказались, не очень нужные своему правительству и посольским чиновникам. Они беспрестанно просили у администрации то сковородки, то мясорубки, то велосипеды. Мне, кстати, тоже пришлось просить о многом. Никто из посольства не снисходил до посещения этих "рядовых бойцов", никаких друзей они у себя не принимали, а в институте, за редким исключением, держались особняком, как будто

были носителями каких-то страшных государственных тайн.

С другой стороны, по словам директора, в Пилани еще свежи воспоминания об американцах, тоже приезжавших туда. Те сначала строили коттедж, наполняли его доверху мебелью, посудой и прочим, и лишь тогда, в сопровождении представителя посольства, прибывали специалисты. В Кемпасе их уважали еще до их приезда. Держались они просто, легко заводили дружбу с профессорами БИТН, часто принимали у себя своих соотечественников из других городов Индии и из США. Царевщали их и сотрудники посольства. Особое уважение в Пилани вызывала посольская машина, предоставляемая специалисту на весь срок его пребывания в Пилани.

После этого разговора с директором я успокоился. Во-первых, мне стало ясно, что вызывает уважение и как себя вести не следует. Во-вторых, мы с Альбиной вообще люди общительные по натуре, и то, что одни завоевали демонстрацией кошелка, мы должны были завоевать хорошей работой и демонстрацией доброй воли. В результате нашей трехлетней работы д-р Митра впервые в жизни обратился в советское посольство с пространном письмом, о котором я расскажу позже. Но нами, наконец, была получена самая главная инструкция, которой мы тщетно ждали ранее. И от кого! Конечно, такие инструкции мы получали в Индии каждый день - от друзей, знакомых, незнакомых, продавцов, коридорных и так далее. Но главная инструкция должна была появиться в первый же день командировки, а то и в Союзе. Это одна из причин, заставивших меня сесть за эту книгу: авось она будет кому-то на пользу!

Мы приехали в Индию в трудный, трагический год. Санкционированная Индирой Ганди операция "Блу стар" по захвату террористов в святыне сикхов - Золотом Храме, которая стала одной из причин ее смерти, последовавшая за убийством резня, а затем чудовищная катастрофа в Бхопале, где погибли многие сотни людей - не много ли для

одного года? А тут еще декабрьские выборы в парламент, прошедшие в очень напряженной обстановке. Однако неожиданности не произошло: Индийский национальный Конгресс во главе с Радживом Ганди победил. Национальное единение, достигнутое не словами, а целым рядом трагических случайностей, дало Радживу такое количество голосов, которого не собирал ни великий его дед Джавахарлал Неру, ни великая его мать Индира Ганди. Впрочем, и программу он выставил вполне конструктивную, так что и слова все-таки были.

Однако наш год в Цилани оканчивался относительно спокойно. Мы обживались, заводили новые знакомства, поддерживали старые. Анжан и Людмила Кунду по-прежнему приходили к нам, хотя и реже, чем в первые дни. Уже многие новые знакомые говорили мне о том, что она уж слишком критично настроена по отношению к своей родине и ко всему советскому. Психические расстройства, которых не избежала Людмила по приезде в Индию, давали о себе знать. Очевидно, уж слишком большим ударом было для нее то, что она долгие годы в Москве была в привилегированном положении, покупала товары в "Березке" и была активной комсомольской деятельницей, а сейчас, приехав в Индию, увидела, что зарплата ее мужа не так уж высока, привилегий никаких нет, в окружающим приходится приспосабливаться... А тут еще приезжает советский преподаватель и отбирает кусок хлеба за который он будет получать втрое больше, чем она от института. Ведь дело в том, что Людмила не смогла преподавать физику - студенты попросили администрацию заменить ее - и директор предложил ей читать русский до моего приезда.

✓ Однако мы пообжились в Цилани, стали заводиться больше знакомств и Людмила стала терять аудиторию. Странное положение "и своей, и иностранки" стало оборачиваться негативными сторонами после приезда "настоящего иностранца". Кроме того, хулящий свою страну нигде не в чести. Людмила была поражена и тем, что посольство платит

мне больше, чем институт - ее мужу, и еще раз убедилась, что ее расчет был ошибочен. Она начала требовать от Анжана, чтобы он искал более доходное место, и Анжан занимался этим весь год. К концу нашего первого года /учебного года/ в Пилани место было найдено, и семья Кунду переехала в Калькутту.

Одно время мы ненадолго сблизились с секретарем нашего факультета Дэвидом Уорке. Он выходец из Кералы, христианин, и, несмотря на то, что получил лишь начальное образование, прекрасно говорил по-английски, владел хинди, малайялам и тамильским языком. Положение подневольного служащего в институте угнетало его, и он тоже уехал куда-то в Махараштру в середине 1985 года. Дэвид во многом помогал мне входить в курс простейших бытовых дел, советовал, в каком магазине лучше покупать масло, а в каком - сыр или арахис. Он показал мне многие места в Кемпасе и в городе, которые могли бы мне понадобиться. На праздник Пасхи он пригласил меня посмотреть богослужение, которое за отсутствием церкви проводилось в здании преподавательского клуба. Однако не могу сказать, что у нас находилось много тем для разговора. Он постоянно жаловался на свою судьбу и честил директора и "его шайку", поскольку сам принадлежал к довольно влиятельной группе противников директора.

Гораздо более интересным оказалось знакомство с преподавателем экономики Омвиром Чаудри. Оно продолжалось два года: Омвир тоже уехал из Пилани перед самым нашим возвращением туда из последнего отпуска. Омвир принадлежит к высшей касте, его родители - довольно зажиточные люди, и учился он в привилегированной Дум Скул, где учился также Раджив Ганди. Он оказался человеком весьма эрудированным, но эта эрудиция в нем странно сочеталась с каким-то мальчишеством и бессознательным копированием самых консервативных кругов Индии. Его жена, например, никогда не выходила к мужчинам, если они приходили к нему в гости без жен. Исключение составляли

лишь я да его друг Гуру, который, кстати, и познакомил нас. Но в своем кабинете, принимая студентов, он мог сидеть, положив ноги на стол. Стремление к западной культуре, неправильно проявляемое, ничуть не страдало от чисто индийских амбиций Омвира, как-то: родители жены дали в приданое не всё, что обещали, его собственные родители могли бы подобрать и более теплое местечко ему для работы и так далее. Он осуждал в институтских разговорах любые новшества, а тем более распущенность. Но иногда вдруг приезжал на своем скутере /мотороллере/ с женой и, воровато спросив, не ждем ли мы гостей, доставал бутылку шотландского виски. Потом он наливал виски всем /даже своей жене!/ и явно наслаждался натюрмортом: сидят европейцы, на столе прекрасная закуска и виски, и посреди всего этого - он! Он моментально хмелел и, пользуясь тем, что и Альбина, и его жена в английском весьма слабы, обязательно рассказывал какой-нибудь анекдот или обсуждал прелести студенток и преподавательниц. Но чаще приносил какие-нибудь сплетни о преподавателях.

Через Кунду к нам в дом стал вхож некий юноша, назвавшийся Кина. Он представился как американец, работающий в аэрокосмической лаборатории в Лос-Анджелесе, где живет его мать. Отец же его, индеец, преподает английский в одной из школ Пилани. Это оказалось единственной правдой из его рассказов, о чем мы стали догадываться в первый же день. Мальчишка просто захотел познакомиться с иностранцами, и не смог придумать ничего более оригинального, как глупую сказку о маме-американке. Когда все это выяснилось, благодаря Гуру, мы подарили Кине какой-то сувенир и сказали, что не сердимся. Однако он очень переживал "провал" своей "легенды" и заплакал от стыда и ушел. Так что наше знакомство длилось меньше месяца. Надо отдать ему должное - он говорил по-английски, как настоящий американец, и некоторые выражения, а также интонации, почерпнутые у него, мне оченьгодились.

О некоторых других преподавателях и просто знакомых я расска-

✓ жу позже. Вообще же большинство ~~из~~ преподавателей БИТН способно до смерти наскучить людям уже на второй день знакомства. Такие предпочитают всем развлечениям телевизор и многочисленные религиозные праздники, когда они ходят друг к другу в гости, пьют чай со сладостями и ведут бесконечные беседы. В основном, конечно, судачат о соседях, подобно нашим старушкам, сидящим на скамейках у подъездов. Таков, например, Омвир Чаудри /когда он не балует, конечно!/, такими же постепенно стали Анжан и Людмила Кунду. Но, естественно, не все преподаватели таковы.

В конце декабря мы, наконец, вырвались в Дели: получить долгожданную зарплату /задолжали чуть ли не половину месячного оклада!/. Дели нас встретил еще не убранными остатками сгоревших автобусов, черными обгоревшими дырами на месте магазинов, принадлежавших сикхам, перевернутыми и брошенными машинами и скутерами... И это полтора месяца спустя после беспорядков! В посольстве нас встретили неприветливо, но зарплату выдали. И мы поехали в Старый Дели, в университетский кемпас, где в гест-хаусе университета жили четыре наши коллеги.

Женщины встретили нас радушно. Мы чуть не растаяли от удовольствия говорить "со своими". Но то, о чем они рассказывали, отнюдь не радовало нас. Сразу после убийства Индиры в Старом Дели ✓ возникла серьезная напряженность: горели дома, слышались выстрелы, ✓ рев толп народа. Наши женщины позвонили в ^{Чанакьяпури} посольство и попросили ✓ забрать их в ¹⁰ посольство. Им ответили: "Не паникуйте!" Конечно, дипломатический район Чанакьяпури был надежно защищен танками и бронемашинами, но какая-то информация смогла просочиться и туда. Только поздно: из посольства в гест-хаус позвонили уже тогда, когда Старый Дели был блокирован, и забрать преподавательниц было совершенно невозможно. Женщинам посоветовали лишь собраться в одной комнате, закрыть двери и окна и никому не открывать.

В гест-хаусе их охраняла лишь хозяйка да ее слуга, который, впрочем, тоже не внушал особого доверия. Правда, там жили еще двое мужчин - итальянец и югослав. Вот и вся защита советских женщин всего в нескольких километрах от советского флага, развева^ющегося над зданием посольства. Однако все обошлось. Толпы прошли в стороне от гест-хауса. Пусть не вызывает удивления этот страх: таков уж механизм беспорядков, особенно индийских - начинаются с избития несчастного сикха, а переходят на бессмысленную и кровавую вакханалию "против всех, кто не понравится".

У каждой из наших преподавательниц была квартирка из двух комнат, кухни и туалета. Целых два года они давали нам приют на три-четыре дня, когда мы приезжали в Дели через каждый месяц или полтора. В первый год нашей хозяйкой обычно бывала Галя из Одессы. Во второй год - Лена из Ростова. Кроме них, в Делиском университете работали Ира из Москвы и минчанка Вера. Была, правда, еще одна дама, но она, как жена советника посольства, жила в посольском городке. Женщины обычно предоставляли нам одну из своих двух комнат. Думаю, не стоит и говорить, что мы до сих пор благодарны им за то гостеприимство, которое нам было тогда нужно больше, чем что бы то ни было.

Познакомились мы и с югославом Мирзой и с итальянцем Марком. Наши женщины опекали симпатичного, умного, но безалаберного Мирзу, который постоянно досаждал им весьма нелестными высказываниями в адрес посольства и вообще Советского Союза. Марк, который тоже жил в гест-хаусе, мало интересовался "текущими" проблемами и сосредоточил все свое внимание и весь свой темперамент на вопросах "вечных". Он постоянно приглашал к себе в гости молоденьких студенток-индиенок. По-видимому, все они были заинтересованы его трактовкой такого "вечного" вопроса, как любовь. Кстати, он рассказал нам, что во время комендантского часа в дни траура он ехал на своем мотоцикле

в гест-хаус от "одного знакомого". Мотоцикл забарахлил и остановился. К Марку немедленно подошел патруль и спокойно направил на него автоматы, выразительно поглядывая на часы. Комендантский час начинался где-то через десять минут. Вот когда Марк вспомнил всех индийских богов любви и свою родную Богородицу! Но выручила японская техника: поломка оказалась чепуховой, и сверкающий "Судзуки" вскоре загремел, унося счастливого влюбленного от сурового ангела смерти.

В этот приезд мы не смогли побывать во многих местах Дели, и я не стану сейчас рассказывать о них. Но один момент все же надо прояснить. Что же это такое — Старый Дели, Новый Дели? В сущности столица Индии — это не весь Дели, а лишь его новая часть, Нью-Дел. Всего же на этой территории существовало восемь городов, первый из которых был основан, согласно легенде, пять тысяч лет назад. Города возникали и пустыли, возводились и разрушались, а рядом с их руинами через годы или даже века появлялись новые, чтобы в свою очередь тоже почти полностью исчезнуть с лица земли в результате войны или эпидемии. От шести первых городов остались руины редкого строения, разбросанные по огромной территории. Седьмой город, так называемый Старый, дожил до наших дней благополучно.

Однако рядом с ним одновременно стал возводиться новый город Нью-Дели был задуман в начале века еще англичанами. Строилась столица колоссальной Британской империи в Южной Азии. Эта империя была огромна: сейчас на ее территории проживает миллиард людей и размещаются Индия, Пакистан, Бангладеш, Бирма и Шри-Ланка. В соответствии с величиной империи колонизаторы и задумывали создать помпезный город с прямыми широкими улицами, соединяющимися в нескольких точках. План Нью-Дели выглядит как паутина, сотканная старательным паучком. Но о том, что мы видели в этих двух, столь не похожих друг на друга, но незаметно переходящих один в другой

городах, я расскажу позже.

Отягощенные покупками и всем увиденным и услышанным, мы спешили в Пилани. Альбина даже сказала: "А в Пилани лучше!" Покупки наши в основном состояли из мясных продуктов, которых в нашем вегетарианском Пилани не было, а также разных мелочей, неожиданно оказавшихся дефицитом для Пилани. Ехать на кошмарном автобусе надо было пять часов. В автобусе было грязно, накурено, публика попадалась самая что ни на есть демократическая. Один, например, все ровнил усест^бся мне на плечо, поскольку он стоял, а я сидел, предусмотрительно пропустив к окну Альбину. Но любая поездка, даже кошмарная, когда-нибудь да заканчивается.

В Пилани нас ждал сюрприз. Дэвид Уорке, очевидно, решив покорить нас своей нежной любовью к христианским традициям, притащил к нам во двор некое дерево, весьма отдаленно напоминающее елку, и заявил: "Теперь у вас будет настоящее Рождество!" Было это, конечно, не 7 января /как по православному календарю/, а 25 декабря, Новый год, который мы приготовились праздновать вдвоем, слушая по радио московский "Маяк", неожиданно принес нам гостей. Явились супруги Чаудри, и Омвир, с обычной заговорщицкой улыбкой, достал из сумки... "Советское Шампанское"! Выяснилось, что он специально купил его в Дели, где оно на "черном рынке" стоит приблизительно вдвое больше, чем даже большая /0,75 л/ бутылка хорошего виски. Конечно, мы обрадовались. Тем более, что Омвир опьянел почему-то еще скорее, чем обычно, быстро рассказал пару анекдотов и увез свою тоносенскую супругу, больше похожую на девочку-подростка, домой, напоследок пошутив глуповато: "У нас с ней еще есть кое-какие дела!"

Так что "Маяк" мы все-таки послушали, проводили старый, такой трагический для Индии год и встретили Новый, 1985. Как оказалось впоследствии, для нашей родины этот новый год был одним из самых счастливых.

НЕСПОКОЙНЫЙ ОАЗИС

Как-то профессор Чатурведи сказал, что Шилани — это почти абсолютный оазис. Он имел в виду и то, что это зеленый островок среди красновато-желтой пустыни, и то, что это островок цивилизации среди океана раджастханской нищеты и безграмотности, и то, что это островок спокойствия и мира в постоянно бушующей Индии. Думаю, что отчасти он прав. Но только отчасти.

Д-р П.Д.Чатурведи — один из первых профессоров, с которыми я познакомился сразу же после приезда. Он мой коллега, преподает литературу англоязычных стран и ведет курс совершенствования английского языка. У него есть ряд работ по американской литературе. При первом же знакомстве со мной он объявил, что является "традиционным другом" всех советских преподавателей, побывавших в Шилани, находящихся там ныне и собирающихся приехать в будущем. Это меня несколько озадачило. Тем более, когда я познакомился с ним поближе и понял, что никаких нежных чувств к России он не питает. Потом я понял, что он питает нежные чувства к сувенирам из СССР. Чтобы не сделать его любовь неразделенной, мы подарили ему большой янтарный кулон. История этого кулона интересна.

Д-р Чатурведи — представитель самой высшей касты Индии. Об этом говорит даже его фамилия — "четыре веды". Веды — это священные книги индусов, и их всего четыре. Значит, каста Чатурведи освоила все четыре веды и вправе считать себя высшей. Семья Чатурведи довольно богата. Младший сын его работает тоже в Бирла Институте, на одной кафедре с Гуру и Омвиром. Старший заколачивает большие деньги в Омане. Какие-то семейные дела потребовали от Чатурведи его присутствия в столице Раджастхана — Джайпуре. Он заказал

за свой счет машину БИТН - потрепанный "Амбассадор", уже с момента уплаты денег становившийся на четыре дня почти личной собственностью Чатурведи /кстати говоря, вместе с шофером!/. После этого он неожиданно пригласил меня сопровождать его и заодно посмотреть Джайпур. Мы с Альбиной, не долго думая, согласились, так как дело было в конце января, а до начала занятий оставалось еще целых пять дней.

Мы выехали ранним утром и покатали по уже известной нам дороге по направлению к Чираве и Джунджуну. Нам с Альбиной пришлось разместиться на переднем сидении с шофером - в "Амбассадоре" переднее сидение рассчитано на троих, как и заднее. А довольно полный Чатурведи со своей худой женой и всякими пожитками устроились на заднем сидении. Дорога не вызвала у нас особого интереса. Альбина уткнулась в журнал, миссис Чатурведи мгновенно заснула, а ее супруг без устали развлекал меня разными разговорами. Вскоре, однако, и он заснул, и мне оставалось лишь глазеть в окно.

Чираву мы проехали, Джунджуну - тоже. За окном расстилалась все такая же невыразительная местность. Через два часа после "старта" мы проехали какой-то скучный и пыльный Навалгарх, через три - Сикар, в котором сделали остановку. Чатурведи любезно провел дам в подозрительный по чистоте туалет "лучшего в городе отеля", как с самокритичной усмешкой сообщил он сам, а потом приказал, чтобы нам принесли в машину чаю. Мы выпили по стакану подозрительной жидкости, милостиво позволяя мальчишке, принесшему нам чай, разглядывать себя: думаю, еще не скоро через этот городок проедут европейцы, и он до старости будет рассказывать о нас.

От Сикара до Рингуса мы ехали около полутора часов, а затем еще столько же - до конечной цели нашего путешествия. В Джайпуре Чатурведи решил сначала определить нас на место. Место было найдено в отеле "Гангуур" - не очень дорогое, но отнюдь не дешевое.

У нас была небольшая комната и ванная — все, что необходимо для отдыха после шести часов тряски в автомобиле. Но до вечера было еще далеко, и мы решили побродить по Джайпуру. Очень скоро мы поняли, что Джайпур — не Цилани, а настоящий большой город, и без гида нам не обойтись. Тогда мы возвратились в отель и спросили у портье, каким образом лучше всего можно познакомиться с городом. Он сообщил, что какая-то туристическая фирма уполномочила именно его оформлять заказы на экскурсии по городу с посещением всех достопримечательностей и оплатой автобуса, гида и обеда на вершине какой-то горы. Нас это вполне устраивало. Мы тут же заплатили за два места в автобусе, а портье предупредил, что завтра в восемь тридцать утра нас разбудят, так как автобус придет в девять.

На этом первый день в Джайпуре и завершился. У нас, еще в пути к Джайпуру не имевших никакого плана относительно времяпрепровождения, теперь уже все было расписано: завтра с девяти до восемнадцати — экскурсия, потом мы решили посидеть в баре отеля. Послезавтра — поход по Джайпуру "дикарем" и кое-какие покупки, а в последний день — какой-нибудь музей с утра до обеда, затем — ожидание Чатурведи с его машиной и обратный путь в Цилани.

Наутро нас действительно разбудили, и мы успели еще и позавтракать в ресторане отеля, вспоминая наш делийский "Джанпатх" с таким же "европейским завтраком" — омлетом с ветчиной и кофе. В девять подошел автобус, который, как оказалось, сначала собирал экскурсантов из нескольких гостиниц, а потом только начиналась собственно экскурсия. Нам повезло — после нас автобус заехал еще только в один отель, и гид деловито представился нам и заявил, что, поскольку в автобусе есть иностранцы, объяснять он будет всё дважды: на хинди и на английском. Нам это понравилось. В автобусе, кроме нас, была еще одна европейская пара — очевидно, молодожены. Они сидели как раз за нами.

ДВОРЕЦ ВЕТРОВ

Весь город — розовый, как роза среди скал,
как розовое в серо-красноватом;
а сам Дворец — воздушный, как из ваты,
как будто роза брошена на розовый металл.

Дворец-картинка, небоскреб седых времен,
не ветер ли своим дыханьем жарким
когда-то создал эти окна, арки?

Твоей воздушностью я, как и все, пленен.

Воистину, не зря стремился я сюда!

Лекарства получил целительную дозу:

коль труд тяжел — то расцветают розы,
и камень делается легким от труда.

Джайпур, 1985.

Кстати, с этими молодоженами у нас был один забавный эпизод. Примерно через полчаса после начала экскурсии я заметил, что они поглядывают на меня, когда я наклоняюсь к Альбине и перевожу на русский то, что гид объяснил сначала на хинди, а потом на английском. Еще через полчаса они спросили у меня, о чем только что рассказал гид. Я вкратце пересказал. Потом они снова спросили, и я снова пересказал. Потом они представились и сказали, что они голландцы, первый раз в Индии и, кроме нидерландского, английского, немецкого и французского языков, ни на одном языке не говорят. Мы, естественно, рассказали о себе.

После этого маленького разговора я уже не постеснялся высказать недоумение по поводу их переспросов. Они помялись и спросили, давно ли я знаю хинди. Еще более недоумевая, я ответил, что гид говорит по-английски. Теперь уже недоумевали голландцы. Они внимательно прислушались к лопотанию гида, потом рассмеялись и поздравили меня с тем, что я освоил "местный инглиш".

Центральная часть Джайпура застроена почти сплошь зданиями из розового песчаника. Особенно Красив Хава Махал - Дворец Ветров. Это изумительное сооружение как бы создано самим ветром. Вся эта часть города спланирована индийскими архитекторами, жившими около трехсот лет назад. Это был первый город Индии, построенный по плану подобно Нью-Дели и знаменитому Чандигарху - "лебединой песне" великого Ле Корбюзье. Но и Нью-Дели, и Чандигарх были построены значительно позже. Джайпур же, с его улицами, создающими правильные прямоугольные кварталы, совершенно не похож на другие города, созданные до него, да большинство более молодых городов.

Основатель Джайпура, махараджа Джай Сингх, был не только политиком, но и астрономом. Он построил в Джайпуре, Дели и в некоторых других городах Индии замечательные обсерватории Джантар Мантар. Очень красив его городской дворец. Там сейчас не только жилище

махараджи, но и прекрасный музей. Махараджу мы, к сожалению, не видели, но в музее побывали и не пожалели об этом. Конечно, никакой политической власти сейчас махараджа Джайпура не имеет, но о его присутствии говорит то, что над башней дворца поднят личный штандарт махараджи. Если махараджа отсутствует, штандарт опускают.

У такого воинственного народа, как раджпуты, основными достопримечательностями, конечно, могут быть только военные сооружения. Одна из них — Амбер Форт, к которому от шоссе надо добираться на... слонах. Нас, однако, провели по тропинке пешком. Этот форт запомнился моей жене ввиду одного печального случая. Дело в том, что вокруг Джайпура находятся богатые месторождения изумрудов, и они там настолько недороги, что ювелиры могут вставить чистейшей воды изумруд в фальшивое серебро. Это-то и произошло. Альбина соблазнилась симпатичным колечком в государственном /! / магазине внутри форта, и мне пришлось купить его.

В другом фортe, на вершине другой горы, мы пообедали. К этому форту нас изнуряюще долго везли по петляющей узкой дороге вокруг горы. Мы обедали в бывшем дворце махараджи, где существовала древняя уникальная система вентиляции: даже в страшную майско-июньскую жару здесь всегда было прохладно. Очевидно, и это не охлаждало пылкого махараджу: во внутренний дворик, где владыка проводил большую часть своего "мирного" времени, выходили двери целого десятка комнат, где жили его наложницы — в каждой комнате по одной красавице. Впрочем, "мирного" времени у воинов бывало мало.

Нас провозили мимо еще одного дворца, стоящего посередине озера, а затем повезли к храму Солнца, всю местность вокруг которого облюбовали обезьяны. Их было так много, что водителю пришлось остановить автобус. Мартышки немедленно стали прыгать к окнам, и наша голландочка испуганно закричала. Но окна были закрыты, и лишь водитель, предварительно закрыв дверь в салон, открыл свое окно.

Обезьяны тотчас же набились в кабину - их было с доброй десяток, и каждая ждала гостинца. Водитель дал какие-то сладости двум-трем из них, а затем довольно бесцеремонно выгнал их всех, и автобус снова тронулся в путь. У храма Солнца нас предупредили, чтобы мы ни в коем случае не оставляли своих сумок раскрытыми. И действительно, едва мы вышли, как обезьяны - целые тучи - обступили нас, правда, на солидном расстоянии. Но стоило одной дамочке зазеваться, как какая-то мартышка мгновенно подскочила к ней и сунула лапу в сумочку. Дама не растерялась и вырвала сумочку. Этот эпизод вызвал веселый смех всех экскурсантов.

Закончилась экскурсия в самом городе, где нам показали два музея - Альберт Холл и Современной живописи. К сожалению, почти все уже были перенасыщены впечатлениями и устали. Тем более, что к последнему музею нас подвезли на час позже графика - перед самым закрытием, и мы не смогли достаточно много рассмотреть. Вернулись мы в отели не в шесть, а в семь часов вечера. Нам оставалось лишь перекусить в ресторане и лечь на часок отдохнуть. Потом, согласно нашему расписанию, мы побывали в баре отеля. Оказалось, что там было гораздо больше иностранцев, чем мы встречали на улицах Джайпура. Нам было почему-то приятно побыть в таком обществе после долгого месяца среди индийцев. Это не значит, что нам было неприятно общество индийцев. Но иногда, особенно в первые месяцы, нас все-таки тянуло к носителям европейской культуры.

Следующий день мы посвятили пешему походу по теперь уже знакомым местам центра Джайпура. Мы сделали кое-какие покупки, пообедали в одном из центральных ресторанов и вернулись домой, в отель, уже поздно вечером. Наутро следующего дня мы решили не ходить в музей, тем более, что самые важные из них мы уже осмотрели. Поэтому мы просто посидели в плетеных креслах на изумрудном тончайшем газоне внутреннего дворика отеля, набрались сил перед дорогой и собрали

свои вещи. К четырем часам, когда пришла машина Чатурведи, мы были уже полностью готовы, и даже уже расплатились за номер.

Обратная дорога не оставила каких-либо особых впечатлений, кроме того, что истинный индус Чатурведи вдруг достал откуда-то бутылку ледяного пива и предложил всем - в том числе и водителю. Здесь, очевидно, он хотел показать демократизм. А может быть, просто задабривал шофера, который был свидетелем того, что брамин из такой высокой касты пьет пиво. Впрочем, когда мы наткнулись в наступившей темноте на какое-то бревно, лежащее поперек дороги, Чатурведи не постеснялся довольно грубо и надменно сделать выговор шоферу в нашем присутствии. Нам он сказал только, что не следовало бы давать "этому" питья пива.

На следующий день после нашего приезда из Джайпура в Бирла Институте был праздник. Праздник, обычно посвященный богине наук и искусств Сарасвати, приурочен к началу нового семестра. В честь этого праздника были организованы спортивные игры, а нас с Альбиной пригласили быть почетными гостями. Я должен был сказать приветственное слово и открыть соревнования, а Альбина должна была вручить награды победителям и закрыть игры. Все это было приятно и очень интересно. Индийцы оказались большими выдумщиками по части разных смешных затей.

Потом начались занятия, и я полностью переключился лишь на работу: нужно было войти в курс дела теперь уже практически. Ко мне в этом семестре записались шестеро студентов: четыре парня и две девушки. С этими ребятами мне работалось легко, несмотря на то, что они были у меня первыми. Более того, трое из них продолжали изучать русский и следующие два семестра.

От этих ребят я больше узнал о студенческой жизни в Кемпасе, об их учёбе, отдыхе, культурной жизни. Абсолютное большинство студентов БИТН учится не только с усердием, но и с удовольствием. Студ-

денты БИТН весьма работоспособны и, как любые студенты, энергичны. Им хватает времени не только на учебу, но и на любимые занятия и отдых. В институте много различных студенческих обществ: музыкальный клуб, общества астрономов, экономистов, физиков, политологов, фотоклуб и другие. Ребята ведут работу совершенно самостоятельно, иногда даже вообще не привлекая преподавателей.

Когда знаменитая комета Галлея /это было уже весной 1986 года/ творила свою торжественную мистерию над Индией, студенты сутками не спали, топчась на крыше института всю ночь, чтобы взглянуть на комету в телескоп. Однажды ночью нас разбудил президент студенческого астрономического общества Шами Джакоб и пригласил тоже взглянуть на комету. Мы, конечно, пошли - и не только потому, что с нами был сынишка, которому не терпелось посмотреть на небесную знаменитость: такое зрелище интересно каждому.

Ежегодно проводилась в Пилани академическая неделя "Апогей". Это смотр внутриинститутских талантов: будущие инженеры представляли свои оригинальные проекты, будущие ученые знакомили со своими разработками, гуманитарии выступали с лекциями. Были встречи с приглашенными в Пилани светилами науки и искусства, были великолепно снятые американские и английские видеофильмы по проблемам науки, техники и искусства, были импровизированные концерты силами самих студентов.

Точно так же ежегодно БИТН проводит и всеиндийский фестиваль университетов "Оазис". Он продолжается четыре-пять дней при очень насыщенной программе. Мероприятия следуют одно за другим круглые сутки, без перерывов на сон или обед. Каждый знает, какие мероприятия ему хотелось бы посетить и строит свой распорядок дня согласно заранее отпечатанному расписанию мероприятий. Занятий в эти дни, естественно, нет: студенческий союз имеет право независимо от желания администрации объявлять свободными от занятий несколько дней

в каждом семестре. Если же этих дней не хватает, то студенческий союз берет дополнительные "в счет отпуска", то есть сознательно укорачивает свои следующие каникулы. То же самое происходит и в случае забастовки.

На "Оазисах" студенты состязаются в исполнении песен, танцев, музыки, причем не только современных, но и фольклорных и классических. Они показывают созданные ими модели одежды, устраивают конкурсы плакатов, ставят английские и индийские спектакли и так далее. Один исполнитель сменяет другого, одна труппа - другую. Все это очень интересно, тем более, что вся организация фестиваля находится исключительно в руках студентов. Преподаватели могут присутствовать на всех мероприятиях, но лишь в качестве гостей. В конце фестиваля обычно устраивается концерт профессиональной группы или певца. Так, в фестивалях, которые мы видели, принимали участие рок-балет Шанкара, известный певец, композитор и актер Анил Капур и американский гитарист Стив Уинвуд.

Культурная жизнь Кемпаса Видья Вихар вообще весьма насыщена. Дважды в неделю в кинозале показывают фильмы на хинди и один раз - фильм на английском. Чаще всего это американские фильмы ужасов: "Летающая смерть", "Челюсти-2", "Чужой" и другие. Много боевиков из серии о Джеймсе Бонде, которые пользуются в Индии огромной популярностью, а также эротических комедий незамысловатого характера. Были, впрочем, и серьезные "английские" фильмы. Беру слово "английские" в кавычки, чтобы обозначить лишь язык, так ^{как} это могут быть и французские, и итальянские, и советские ленты. Нам, например, понравились "Красные колокола" С. Бондарчука, а также фильмы "Женщина французского лейтенанта" и "Спасите "Конкорд" по романам Джона Фаулза и Артура Хейли.

Одними фильмами, естественно, культурная жизнь Кемпаса не исчерпывалась. Студенческий музыкальный клуб периодически устраивал

"Музыкальные ночи", в которых мог принять участие каждый, кто подаст заявку и внесет небольшой взнос на организацию концерта. Всю ночь напролет солисты и ансамбли являют свое искусство народу, и у нас создается впечатление, что это явление, безусловно, интересное, хотя слишком шумное и недостаточно четко организованное. Зачастую выступают и те, у кого музыкального таланта и в помине нет, зато нет и комплекса неполноценности, а энтузиазм хлещет через край.

В основном все мероприятия устраиваются студенческим союзом за свой счет. Администрация вообще редко вмешивается в студенческую жизнь вне аудитории, а на мероприятия приглашается исключительно в качестве гостей, если вообще приглашается. Правда, вход всегда свободный и почти всегда - бесплатный. По просьбе студентов администрация ежегодно приглашает одного из ведущих индийских режиссеров для проведения двухнедельных курсов сценического мастерства. Великие индийские музыканты - ситарист Рави Шанкар и флейтист Устад Али Акбар Хан - являясь почетными профессорами БИТН, часто приезжают с концертами и занимаются со студентами музыкой.

Часто в Пилани бывают и просто гости-профессионалы. Кроме названных участников фестивалей, назову еще английскую группу "Грасс", фольк-рок-квартет из Англии и американского "человека-оркестра" Билли Стивенса. Некоторые исполнители приезжали в Пилани по просьбе посольств США и Великобритании, другие - на основе договора со студенческим союзом БИТН. Приглашали также западногерманскую группу "Бони М", находившуюся на гастролях в Индии, но не сошлись в цене. Уже будучи в Союзе, я получил письмо из Пилани, где с восторгом описывался концерт Валерия Леонтьева на сцене БИТН. Это было во время фестиваля СССР в Индии.

Наиболее крупные мероприятия проводились в кино-концертном зале "Аудиториум", который оснащен неплохой звуко- и светотехникой. Зрители воспринимают происходящее на сцене весьма экспансивно:

подпевают, танцуют в проходах, топают ногами, кричат, но чаще, на американский манер, оглушительно свистят в знак одобрения. Молодежь не привыкла сдерживать свои чувства, но, по-моему, это и хорошо. Время есть, еще научатся!

Изредка молодежь БИТН даже волновала старших изъяснением своих чувств. Мы, например, в апреле 1985 года были свидетелями студенческой забастовки. Вообще-то студенческие волнения в Индии - не редкость. Там это такая же обычная вещь, как, скажем, наши комиссии по проверке работы вузов. Правда, зачастую они не так бесплодны, как наши проверки - в результате иногда происходят улучшения в высшем образовании. Однако для Цилани забастовка является редкостью: частный вуз, благовоспитанные мальчики и девочки из "приличных семейств" и так далее и тому подобное. За двадцать лет забастовка 1985 года была лишь третьей в Цилани.

Началась она несколько странно. 1 апреля случилось недоразумение между двумя студенческими лидерами, готовившими ежегодный вечер одного из общежитий. Студент из штата Бихар, не найдя "мирных аргументов" в споре, призвал на помощь своих земляков. Бихарцев в БИТН было всего девятеро, но их поведение давно уже вызывало недовольство остальных студентов, потому что некоторые бихарцы терроризировали ребят и даже, как говорят, имели при себе огнестрельное оружие. Администрация смотрела на это сквозь пальцы, поскольку бихарцы с удовольствием брали на себя функции "охраны порядка" во время различных мероприятий - нечто вроде нашей очень добровольной дружины.

Студенты даже подозревали бихарцев в том, что они каким-либо образом являются инструментом подавления в руках администрации. Но огнестрельное оружие - это уже слишком серьезно. Первоапрельская "шутка" могла окончиться плачевно, и основная масса студентов стала действовать энергично. Студенческий союз потребовал у профессора, курирующего общежития, чтобы он призвал к себе бихарцев для объяс-

нений, а затем информировал союз о результатах. Профессору дали два часа, однако он не смог осознать серьезности положения и не считал необходимым прервать свое бесконечное чаепитие. Через два часа лидера союза студентов сами стали искать бихарцев, но их уже нигде не было.

Негодование росло. Виновными стали уже не только бихарцы, но и покрывающие их профессора. Поэтому студенты взломали двери комнат, где жили бихарцы, выволокли все их добро на улицу и демонстративно сожгли под окнами директорского офиса. Одновременно к директору направилась делегация студентов с требованием немедленно исключить всех бихарцев из института. Через 15 минут директорский совет согласился удовлетворить это требование, но еще до этого на всякий случай вызвал в Пилани невиданный здесь доселе контингент полиции - 1500 человек.

Студенты узнали об этом еще до прибытия контингента в Пилани и, естественно, были возмущены до крайности. Они требовали, чтобы директор дал объяснения. Он отказался и заперся со всем своим советом в офисе. Почти все две тысячи студентов собрались тогда на лужайке перед этим офисом и, установив громкоговорители, митинговали всю ночь. Говорили уже больше о недостатках БИТН и его администрации, чем о пропавших бихарцах. К утру было решено объявить забастовку и выдвинуть такие требования:

1. Увеличить количество преподавателей БИТН и довести соотношение преподавателей и студентов до нормы 1:7.
2. Значительно обновить и улучшить материальную базу института.
3. Пополнить институтскую библиотеку новейшими научными изданиями.
4. Уволить директора д-ра Митру в отставку в связи с его недемократичным поведением.

Следует признать, что эти требования были справедливыми. БИТН - первым индийским вузом, открывшим собственную лазерную лабора

торию, компьютерный центр и кабинет иностранных языков. Но с тех пор прошло немало времени, наука шагнула вперед, а оборудование других передовых вузов Индии стало гораздо лучше. Чувствовался и недостаток новейших научных работ в библиотеке института. Можно было также понять студенческое неудовольствие по поводу директорских методов руководства: он был почти недоступен студентам, его не видели месяцами, а некоторые студенты так и заканчивали институт, не увидев его руководителя.

Не совсем понятен был лишь первый пункт требований. Средняя нагрузка преподавателей БИТН, независимо от должности, составляла 9 часов в неделю при минимуме 6 и максимуме 12 часов, то есть в среднем 270 часов в год. Конечно, мне трудно было понять, почему студенты считали, что преподаватели БИТН даже при 12 часах в неделю уже страшно перегружены и не способны качественно готовиться к занятиям: ведь у меня бывало и бывает и 20, и 24 часа в неделю!

Прибытие полиции в Видья Вихар повернуло события в русло "затяжной войны". Правда, два-три студента пытались выбить стекла в окнах директорского офиса, но лидеры Союза немедленно прибрали "экстремистов" к рукам и установили строжайшую дисциплину. При круглосуточных митингах на лужайке они объявили еще и "дхарну": легли у двери директорского офиса, блокировав проходы своими телами. Из кабинета можно было выйти, лишь ступая по студентам. "Дхарна" продолжалась 30 часов и ровно столько, сколько было объявлено. Полиция убедилась, что директору регулярно передается пища и нашла применение силы излишним. Через три дня, отвечая на вопрос приехавшего из Дели корреспондента газеты "Стейтсмен", офицер полиции заявил, что считает пребывание полиции в Пилани излишним, но дирекция настаивает, не желая вести переговоры со студентами.

Тогда лидеры союза встретились в Дели с К.К.Бирлой. Он заверил их, что рассмотрит все требования до конца апреля, если забастовка будет прекращена немедленно. Студенты согласились.

Но Бирла начисто отказался обсуждать вопрос о директоре, и студентам пришлось довольствоваться малым, поскольку боевитость основной части мальчиков и девочек из "уважаемых семейств" стала постепенно уменьшаться, время шло, а решение все еще откладывалось. Таким образом, лидеры приехали из Дели с предложением прекратить забастовку и ждать решения К.К.Бирлы. Предложение лидеров было принято не без сопротивления наиболее радикальных студентов, но все-таки забастовка была прекращена.

Чтобы уж закончить тему забастовки, сообщу, что уже в 1985 г. было закуплено кое-какое новое оборудование, а в следующем учебном году была значительно пополнена библиотека. Немного увеличилось и количество преподавателей. Однако все это стоило нового скачка стоимости обучения, на этот раз - рекордного скачка. БИТН стал самым дорогим вузом Индии. Итак, забастовка принесла кое-какие плоды, но отнюдь не за счет БИТН и тем более самого Бирлы.

Однако, рассказывая о студентах и студенческой забастовке в апреле 1985 г., я отвлекся от рассказа о своей жизни в Шилани. Но как раз забастовка помешала нам с Альбиной провести одно мероприятие, о котором сейчас и пойдет речь. Я уже писал, что Альбина согласилась вести "Мастерскую танца" и уже с начала февраля занималась с шестью парами, обучая их движениям целого ряда танцев. Тут были и фольклорные /русский, украинский, грузинский/, и балльные /вальс, танго/, и некоторые европейские танцы /чарльстон, твист, рок/. Индийцы хорошо чувствуют ритм, но движения европейских танцев они воспринимали с большим трудом. Индийские национальные и классические танцы в основном построены на искусстве движений руками и туловищем, и поэтому научить индийцев, например, чарльстону стоило огромного труда. Ноги у них совершенно не двигались так как это требуется. И потом, когда Альбина отрабатывала коллективные танцы - как фольклорные, так и современные - очень трудно бы

добиться слаженных действий пар, создать впечатление ансамбля. Это тоже объяснялось тем, что в Индии искусство традиционно индивидуальное. Явлений, подобных европейскому оркестру, где каждый сам по себе значит мало, а в ансамбле получается то, чего каждый и желал, в Индии нет. Но все ребята работали с таким энтузиазмом, что Альбина не могла оставить начатого дела.

Занятия проводились вечером, когда было не так жарко. Нам выделили специальную аудиторию, на два месяца закрепленную за "Мастерской", дали аппаратуру, назначили куратора, который занимался разными организационными вопросами. Я выполнял на первых порах роль переводчика, а иногда и модели-партнера, когда надо было показать какое-либо па. К концу марта занятия закончились, и мы стали готовить студентов к концерту. Решили показать не только концерт, но и провести Неделю советской культуры в Цилани - кстахи, первую в этом городе.

Я подготовил своих студентов к выступлению со стихами русских поэтов - конечно, пока по-английски, так как занимался я с ними всего несколько недель. Сам же подготовил пару лекций и даже написал на английском, с помощью д-ра Чатурведи, стихи, посвященные Индии. Студенты заказали в Дели два советских кинофильма - и остальное было уже делом Альбины. Она разучила со студенческим ансамблем пять советских песен, причем сама играла с ребятами вместе - на маленьком синтезаторе "Касио". Кроме того, у нас было семь прекрасно разученных танцев. Начало Недели было намечено на 1 апреля. Но что произошло 1 апреля - я уже рассказал.

После забастовки прошли уже дней десять, и наконец мы решили провести Неделю. Впрочем, название это - слишком громкое: все мероприятия были проведены за два дня. Успех Недели превзошел все ожидания. По приказу директора большинство мероприятий записывалось на видеокассеты - для памяти. Нам было очень приятно то очевидное удо-

вольствие, которое наша Неделя доставила всем - и преподавателям, и студентам, и - в первую очередь - самим танцорам, певцам и чтецам. К тому же это было сразу же после забастовки, и всеобщий энтузиазм как бы снова склеил распавшееся было на враждебные осколки общество Кемпаса. Во всяком случае, нам так хотелось или казалось.

Однако и тут не обошлось без сюрприза. Проводя Неделю впервые, мы ставили своеобразный эксперимент и поэтому на эту "пробу пера" не думали приглашать кого-либо со стороны. Но наш знакомый, тот самый давний друг СССР и старый коммунист профессор Банерджи оказал нам очень неловкую, если не медвежью, услугу. Оказывается, он пригласил на Неделю директора Дома Советской культуры в Дели. Но I апреля произошли непредвиденные события, и он дал телеграмму о том, что Неделя переносится на полмесяца вперед.

И вот мы с Альбиной, усталые после бессонной ночи и всех тревожных волнений /а надо сказать, что в Индии вообще не принято проводить генеральные репетиции подобных концертов; мы же всю ночь репетировали с ребятами, разошлись к утру, а в II часов уже был концерт/, так вот, усталые организаторы едва успели прийти домой и обменяться впечатлениями о последнем и самом успешном мероприятии Недели, то есть концерте, как вдруг появились гости...

Директор Дома Советской культуры, конечно, не приехал. Но приехали двое: Венера Нурматова, шеф библиотеки Дома, и Олег Шаманов, помощник советника посольства СССР. Мы были поражены. С ними к нам пришел и профессор Банерджи - виновник события. Оказывается, они по приезде сразу же разыскали его. А он теперь и не знал, куда деваться. Сначала наши соотечественники довольно неприязненно поинтересовались, где же наша Неделя. Но потом, после наших объяснений, так же неприязненно поглядели на бедного Банерджи, и он поспешил удалиться. Нам же следовало на скорую руку набросать, что называется, импровизированную программу визита.

В этом нам неожиданно помог д-р Маңдве, о котором еще пойдет речь позже. Во-первых, он предложил Венере и Олегу остановиться у него в доме. Во-вторых, он организовал им довольно пышный прием в институте и пригласил на встречу с преподавателями и администрацией. Кстати, наши индийцы были поражены тем, что Олег в совершенстве владеет хинди, да и по-английски изъясняется совершенно свободно. Венера тоже говорила на хинди, но она была удивлена, что э т и индийцы очень неохотно переходят на национальный язык и предпочитают английский. Впрочем, причину этого явления я уже указывал ранее. Одним словом, визит прошел неплохо. Гостей повозили по Кемпасу и по Шилани, показали все достопримечательности, и они уехали, пожалуй, вполне удовлетворенными.

После этого визита мы уже стали отсчитывать дни до встречи с родными: наш выезд в СССР в отпуск был намечен на 17 мая. Перед отъездом мы еще раз или два побывали в Дели, где встречались уже не только с нашими коллегами из Делийского университета, но и с новыми друзьями — Нурматовой и Шамановым. Они принимали нас весьма радушно, и это тоже было приятно.

Перед отъездом из Шилани мы пригласили к себе в гости супругов Чатурведи. Профессор Чатурведи, с которого я начал эту главу, все еще считал Шилани "почти абсолютным оазисом" — даже после всех потрясений, происшедших за этот короткий срок. Его благородная внешность, и впрямь напоминавшая об аристократичности касты, к которой он принадлежал, так и излучала уверенность и спокойствие. Мы вспомнили Джайпур, Амбер Форт, прекрасный дворец Хава Махал. В конце встречи я подарил Чатурведи янтарный кулон вместе с каламбуром: янтарь на память об Амбере /по-английски "янтарь" звучит как "амбер"/. Чатурведи оценил шутку, но еще выше, по-моему, он оценил кулон. А потом было прощание с Индией на два месяца, которые, впрочем, растянулись на четыре или даже пять.

Глава VI

П Р И К О С Н О В Е Н И Е К И Н Д И И

Самой яркой чертой Индии является столкновение вчерашнего дня со днем завтрашним. Вчера и Завтра взаимодействуют, отталкиваются, сливаются, уничтожают друг друга. Причем победа не всегда за днем завтрашним. Иногда же Завтра набирает такую скорость, распространяясь вширь, что просто не успевает распространяться вглубь, прежде всего, в глубины общественного сознания. Я попытаюсь в этой, опять вставной главе, оторвавшись от повествования о нашей жизни в Индии, рассказать о том, к чему мы успели там прикоснуться за все три года. Прикоснуться, чтобы выполнить поставленную перед собой задачу: понять и почувствовать Индию.

До сих пор во многих индийцах живет рабское самосознание с его безусловным подчинением более сильному. До сих пор живет кастовая система, законам которой и ныне следует не менее 80% всех индийцев. Межкастовых браков все еще ничтожно мало, а браков между представителями разных религиозных общин — и того меньше. До сих пор живет кастовое сознание, исключаящее всякую личную ответственность, о чем я упоминал в связи с беспорядками после убийств Индир Ганди и Махатмы Ганди. До сих пор живы тысячелетние предрассудки: люди изгоняются из родного селения даже за случайное убийство коровы, недовольный приданым муж и его родственники буквально по-едом едят молодую жену, и зачастую несчастные женщины сжигают себя, облившись керосином.

Но эта страна создала в прошлом одну из величайших культур. Культура эта — в высшей степени синтетическая: ее питали многие источники, прежде чем она превратилась в могучую полноводную реку. На основе синтеза многих культур возникло это крайне неоднородное

явление. Если принять за основу древнейшую туземную культуру, то тогда будет видно, воздействие скольких чужеземных культур она испытала за тысячелетия своего развития. В первую очередь, это влияние двух культур, связанных с покорением Индии сначала ариями, а затем Моголами /не смешивать с монголами!/.

Во втором тысячелетии до нашей эры в Индию началось проникновение ариев, пришедших либо из Средней Азии, либо из причерноморских степей. С их участием стали формироваться североиндийские /индоарийские/ народности. Это были светлокожие люди, в дальнейшем смешавшиеся с местным темнокожим населением. Завоеватели принесли с собой ведический культ - языческую религию, в дальнейшем трансформировавшуюся под воздействием местных верований. И поныне жилища и храмы индусов украшает священный знак солнца ариев - свастика. Та самая свастика, которая в нашем сознании ассоциируется с германским нацизмом.

Культ трансформировался. Появлялись новые религиозные доктрины: брахманизм, буддизм, джайнизм, христианство, сикхизм и другие. Ведический культ, адаптировав древнюю религию аборигенов и многие положения других доктрин, постепенно превратился в обширнейшую, аморфную и крайне консервативную систему, имя которой - индуизм.

В конце XII - начале XIII веков Северная Индия была завоевана другими завоевателями, принесшими с собой ислам. В XVI всю Северную Индию объединила мусульманская династия Великих Моголов. Однако индуизм выдержал даже натиск ислама. Мусульманство в Индии стало лишь религией султанов и их ближайшего окружения, то есть потомков завоевателей. Приняли ислам также многие индийцы, принадлежавшие к самым угнетенным кастам. Новая религия казалась им более демократичной - она не признавала каст. Таким образом, лишь самая "верхушка" и самое "дно" общества оказались вовлеченными в ислам.

Кстати, все религии, пришедшие в Индию или возникшие в ней,

находили последователей именно среди представителей самых низших каст, за исключением брахманизма, который был ~~лишь~~ доктриной лишь самой высшей касты. Но брахманизм оказался сугубо элитарным учением, абсолютно непонятным народу. Поэтому его участь была predetermined уже самим его абстрактно-отвлеченным характером.

Легендарный пророк Джина имеет последователей и сейчас. Джайны проповедуют аскетизм. До сих пор на улицах индийских городов можно увидеть джайнов из секты дигамбаров, которые совершенно отказались от собственности и ходят нагими. Во исполнение обета ненасилия они подметают перед собой дорогу, дышат и пьют воду через платок - дабы не уничтожить какой-нибудь живой организм. Конечно, джайнизм был слишком жесток в своей аскезе, чтобы найти большое число последователей. Тем не менее, джайнизм, в отличие от брахманизма, сохраняется по сей день.

Гаутама Сакьямуни /Будда/ проповедовал одно из самых демократичных учений на Земле. Может быть, именно поэтому буддизм стал одной из трех мировых религий - причем самой первой, еще до христианства и ислама. Но лишь за пределами Индии. Буддизм так и не смог преодолеть устои индуизма, так как был слишком демократичен в своем протесте против кастовой системы. Для консервативных индийцев такой разрыв с традицией был немыслим, и поэтому буддизм, родившись в Индии, нашел больше поклонников в Юго-Восточной Азии, на Шри-Ланке, в Тибете, в Монголии и даже на территории нашей страны, в Калмыкии и Бурятии.

Согласно легенде, святой Фома принес учение христианства в Индию уже в первом веке. Имеется в виду именно тот апостол Фома, который прозван "неверующим", поскольку он поверил в воскресение Христа лишь после того, как вложил палец в раны от гвоздей на руках Иисуса. Первоначально христианство распространилось в Южной Индии, особенно в штате Керала. Затем, при активном содействии

англичан, французов и особенно португальцев, христианство получило последователей и в других регионах Индии. Однако призыв Христа к братству людей независимо от их расы и положения в обществе так отличался от привычных представлений об извечном разделении на касты, что христианство во всех его разновидностях особого успеха в Индии иметь не могло. Да и сами христиане - особенно в Керале - "индианизировали" учение и стали довольно замкнутым кланом - новой кастой.

Сикхизм вышел из недр индуизма и во многом тождественен ему. Но все же это совершенно самостоятельная религиозная, этическая и моральная доктрина со строгой организацией, совершенно неизвестной индуизму. Сикхизм родился всего несколько веков назад и, подобно исламу и христианству, был направлен против разделения общества на касты. Сикх - весьма колоритная фигура: его сразу же можно отличить по чалме, нестриженным волосам, аккуратно сколотым под чалмой, такой же нестриженной бородой, виртуозно уложенной и весьма благообразной, а также по металлическому браслету на руке. Многие праздники индусов и сикхов - общие, однако сикх, в отличие от индуса, никогда не курит. Правда, зато ему не возбраняется пить спиртное. Сикхи более организованны и дисциплинированы, и поэтому мы редко видели бедного сикха. Кстати, их очень много и в армии.

На стыке всех этих влияний и родилась великая индийская цивилизация, по своему значению и даже по количественному, так сказать, выражению совершенно не уступающая христианской, то есть европейской. Гениальный Тадж Махал и меланхолические звуки ситар, прекрасная индусская скульптура и совершенно поразительные буддийские фрески, выразительнейший индусский танец и раджастанская миниатюра - все это плоды индийской цивилизации. Но влияния - влияниями, а основой духовной жизни ~~и~~ была 80% индийцев до сих

ни пор остается индуизм, который не смогла вытеснить из Индии ни одна другая религия. Индуизм даже, скорее, не религия, а мировоззрение, образ жизни. Как характерно для мусульманина отвращение к свинине, так для индуса характерно негодование даже при одном виде говядины. Как характерно для европейца стремление к самоутверждению и благополучию, так для индуса характерно стремление к созерцанию и самосовершенствованию. Как бедняки Запада горько клянут свое униженное положение, так бедняки Индии невозмутимо и даже с удовольствием несут свой крест.

Однако индуизм не только выстоял перед натиском множества доктрин: он впитал их в себя. Впитал, как губка, казалось бы, самые противоречивые положения, но от этого не потерял своей какой-то дьявольской стройности и взаимосвязи своих канонов. Последователи всех не-индусских конфессий просто-напросто стали особыми кастами внутри чудовишно огромной системы индуизма. Эта колоссальная система стала суммой всех жизненных ценностей и принципов, имеющих место в Индии. Нет ничего, что было бы характерно для Индии и выпадало бы из этой системы: и медитирующий йог, и сикх в чалме, и нагой джайнист-дигамбар, и буддист в желтом одеянии, и мусульманка в парандже, и христианин в европейском костюме - такие же неотъемлемые частички Индии, как и самый ортодоксальный индус.

Более того, даже сам легендарный Будда у индуистов почитается как одно из воплощений бога Вишну. Я отнюдь не удивлюсь, если и Христа когда-нибудь объявят таким же воплощением Вишну. В модельной комнате в доме профессора БИТН П.Д.Чатурведи, брамина из самой высшей касты, я видел даже иконку с Иисусом. Д-р Чатурведи, улыбаясь, объяснил, что Христос и его учение - тоже часть Индии, поскольку давно уже существуют там. Следовательно, его нельзя исключать из пантеона индуизма. Поразительная аморфность религии!

Пожалуй, отчасти и этой податливостью можно объяснить удивительную живучесть индуизма. Мне не кажется странным, когда некоторые исследователи считают ^{его} не только не религией, но и не мировосприятием, называя индуизм просто индийским образом жизни.

Остановлюсь вкратце на легендах индуизма. Бог Брахма, жизнь которого исчисляется поразительными сроками - миллиардами лет - хорошо известный всем религиям бог-созидатель. Но ни одна религия не оперирует такими цифрами: день Брахмы продолжается миллиарды лет, после чего примерно столько же длится его ночь. Итак, Творец создал Вселенную и богов, а затем заснул. Далее действуют в основном другие боги, и роль Брахмы как "первотолчка" всего сущего оценивается индусами весьма скромно. Основными богами же являются Шива и Вишну. Шива считается "ответственным" за разрушение и восстановление, то есть является творческой личностью. Он зачастую находится в состоянии медитации, как бы раздумывая, что бы еще разрушить и что же новое создать на пепелище. Бог Вишну "ведает" охранительными функциями, частенько сходя к смертным и принимая какой-либо облик. Такое воплощение называется аватарой, и всего их было девять. Наиболее почитаемые аватары - царевич Рама /герой эпоса "Рамаяна"/, царевич и мыслитель Кришна /герой эпоса "Махабхарата" и многих легенд/, а также... сам Будда. Десятой аватарой станет ожидаемый в отдаленном будущем мессия - Калки. Очень популярны жены и дети основных богов, особенно жена Шивы Парвати или Кали, его слогоголовый сын Ганеш, а также жена Вишну - Лакшми. Однако я заметил, что даже основные боги важны в Индии скорее не как предмет поклонения, а как тщательно оберегаемая традиция, дающая повод для многочисленных и весьма красочных индусских празднеств.

Гораздо более серьезное влияние на жизнь индуса оказывают каноны этического учения индуизма. Их довольно много, но мы

остановимся лишь на тех, которые просто необходимо знать, чтобы понять многое из описанного мной в этой книге.

Во-первых, все индусы верят в перерождение, то есть в цикл рождений души в различных образах, например, в образах человека-царя или человека-раба, льва или осла и так далее. Любое живое существо проходит этот цикл, с которым неразрывно связаны три понятия: карма, мокша и страдание. Всякая жизнь является страданием, поскольку живое существо находится в плену у своих желаний, выполнить которые он до конца никогда не может. Поэтому человек должен стремиться к мокше, то есть к прекращению этого цикла перерождений, переходу в небытие, которое есть ничто иное как слияние со Вселенной. Но, рождаясь и умирая, и снова рождаясь, человек лишь приближается или отдаляется от мокши. Это приближение к мокше или удаление от нее зависит от кармы, которая есть в конечном итоге закон причины и следствия: говоря упрощенно, был человек тупым и заносчивым царем - станет каким-нибудь ослом, а был он кротким ягненком - может стать даже отшельником, которого ждет мокша. Все зависит от того, как ты прожил жизнь.

Во-вторых, вся жизнь индуса подчинена дхарме - закону, регулирующему взаимоотношения во Вселенной, в стране между кастами и внутри каждой касты. Дхарма - своеобразный моральный кодекс индизма, согласно которому индус обязан исполнять лишь три завета: молиться, сжигать мертвых и следовать кастовым традициям. Каст очень много - как у нас фамилий. Но они объединены в четыре варны: брахманы-жрецы, кшатрии-воины, вайшья-торговцы и крестьяне, и шудра-рабочие и ремесленники. Вне каст - неприкасаемые, называемые также "хариджанами", то есть детьми бога.

Конечно, мой рассказ об индуизме очень краток, крайне схематичен и отнюдь не претендует на глубину анализа. Но он необходим для дальнейшего рассказа о быте и традициях индийцев.

Мне говорил брамин, что т а т т в а м а с и
предполагает смысл отличный от того,
который мы, пришельцы, вкладываем в это
седое изречение - т о т е с т ь т ы .

Он говорил мне строго, что негожу'
отъединять Того, Тебя, Себя ли
от некоей субстанции безмерной
во Времени-Пространстве. Это - т а т .

О да, сказал он, - вы, отождествляя
Того и Личность, Космос и Себя,
кошунственно понятия разделили:
как можно А и А отождествлять?

Ты - это дерево, или камень, или птица,
или брат твой - говорите вы. Итак,
какой-то есть отдельный брат или камень?
Нельзя, отождествляя, разделять.

Воистину, - он продолжал, - возможно
одно отождествление, и не больше:
в с ё - э т о в с ё , как истинны три фразы:
нет ничего, всё есть и всё - во всём.
Ведь называемое Тем, Тобой ли, Мной ли, -
ничто как часть, как лист, как единица,
но всё - как целое, в себе самом едино.

Так говорил брамин. Я слушал. слушал...
Но я не мог отвергнуть счастья знать,
что я лишь часть всего. Не всё, а лишь частица.
Не Всё, а часть, но эта часть есть Я.

И Тот - не Всё: он - часть. А обе части -
его с моей - и составляют мир.

Не Всё, и нет Меня, а есть и Я и Всё,
и мы одно, как глаз и организм.

И я - молекула живого организма,
а не туманный сон чужого божества.

Пилани, 1987.

Несколько зарисовок под рубрикой "Индуизм в быту". Один из преподавателей БИТН однажды обнаружил у себя в постели кобру. Он призвал соседа на помощь, но все их попытки прогнать змею "мирным путем" окончились неудачей. Не оставалось ничего иного, как убить рассердившуюся кобру. Сосед, убивший кобру, потом недели две не выходил на работу - замаливал грех. Тот же, к кому змея "пришла в гости", впоследствии стал избегать общения со своим же спасителем: а вдруг его посетила бабушка или прадедушка в образе кобры, и сосед, таким образом, совершил страшный грех? Это один из образчиков поведения индусов в соответствии с кармой.

При каждом факультете БИТН есть обслуживающий персонал: сторожа, уборщики, "мальчики"-посыльные и так далее. Однажды я попросил "мальчика" /впрочем, ему было уже далеко за сорок/ принести мне в кабинет кофе из кафетерия. Так делали все преподаватели, имея постоянный счет в кафетерии и расплачиваясь лишь раз в месяц. "Мальчик" очень быстро выполнил мою просьбу. Я поблагодарил и жестом указал на корзину для бумаг, в которой было уже слишком много мусора. Он кивнул и исчез. Я поразился было такой необычной неисполнительности: увидел, даже кивнул, но и пальцем о палец не ударил! Но через пару минут явился уборщик и унес мою корзину. Ведь мусор-то должны убирать только представители самых низших каст! Наш "мальчик" и не думал прикасаться к корзине - он просто понял мой жест как просьбу пригласить уборщика.

Когда Альбина подметала веранду нашего коттеджа, это вызвало живейший интерес индийцев и всегда собирала небольшую толпу. Еще бы: жена профессора, да к тому же европейка - и вдруг сама взялась за веник! Мы сознательно отказались от положенного нам "по штату" уборщика, потому что имели опыт: после него Альбине приходилось все делать еще раз. Индийцы понятия не имеют о влажной уборке и никогда не смачивают веник, из-за чего поднимают тучи пыли.

Кроме того, приставленный к нам уборщик имел несчастную судьбу. Едва его определили работать к нам по часу в день, как у него с катастрофической закономерностью стали заболеть и помирать родственники. После каждого такого случая он обязательно получал от нас какую-нибудь вещь или немного денег, но это только еще больше раздражало его злую судьбу. После очередного покойника, показанного нам в лицах, за неумением говорить по-английски, уборщик весьма выразительно указал на мои любимые джинсы, купленные за полгода до того в ленинградской "Березке". Пришлось обойтись горячим соболезнованием и просьбой к мистеру Сену, чтобы к нам больше никого не посылали.

Интересна и история одного профессора БИТН, оказавшегося из-за индуизма в центре большого скандала. Он вдруг стал совершенно открыто ухаживать за молоденькой студенткой и даже ездил к ее родителям, чтобы сообщить, что он собирается разводиться с женой и оставить своих пятерых детей ради этой девушки. Его объяснение было предельно простым: в юности он был влюблен и обручен, но его невеста умерла еще до его учебы в Штатах и в Европе. Он женился на другой, но теперь встретил студентку, которая была очень похожа на умершую девушку, да еще и родилась в день смерти той. Естественно, после всех учений в Европах и Америках, профессор мог сделать только один вывод: умершая девушка воплотилась в нашу студенточку. Студенточка, однако, была не в восторге, ее родители - тоже, а уж о жене и детях сорокасемилетнего "жениха" и говорить нечего. Принимая все это во внимание и невзирая на все свое уважение к догмам индуизма, администрация БИТН спешно уволила влюбленного профессора. Впрочем, эта история не столь характерна, сколь выразительна.

Старые традиции в Индии не умирают. Есть, конечно, люди, порвавшие с ними, но даже они редко решаются пойти наперекор

традиции кастового брака. В Индии все еще очень мало браков по любви. Любовь, изображаемая в индийских кинолентах, скорее рисует нравы самих актеров, чем рядовых индийцев. Большинство же женится и выходит замуж по старинке - путем сговора. Только формы иногда бывают новыми: состоятельные родители обычно дают брачное объявление в газете, с обязательным упоминанием о касте, к которой они принадлежат. Даже индийские христиане из Кералы никогда не женятся "по-европейски", очевидно, испытав серьезное влияние индуизма в этом вопросе.

Индийцы очень консервативны в одежде, еде и обычаях. Однажды работавшему у нас в ванной сантехнику /что-то сломалось там/ стало плохо из-за запаха жареного мяса, которое Альбина готовила на кухне. Абсолютное большинство индийцев - строгие вегетарианцы. Некоторые позволяют себе есть яйца, другие - даже кур. Баранина и свинина совершенно непопулярны. Что же касается говядины и телятины, то для индуса это приблизительно то же, что для европейца тушеная ножка собственного дедушки в собственном соку. Любители птицы и мяса находятся в основном лишь в среде христиан, мусульман и сикхов. Среди остальных очень популярен рис, приготавливаемый различными способами, разные виды бобовых, овощей и фруктов, обязательно прошедших какую-либо обработку. Наши друзья удивлялись, что мы предпочитали сырые овощи и фрукты различным блюдам из них. Любая пища - вегетарианская или невегетарианская - до предела насыщена специями. И это на севере Индии! Южане же едят еще более острую пищу.

Индийцы-мужчины в основном носят европейскую или европеизированную одежду. Народ попроще часто надевает комплект "курта-палама", состоящий из узких брюк и широкой рубахи того же цвета на выпуск, почти до колен. Иногда поверх "курты" надевают безрукавку или особый сюртук с узеньким стоячим воротником вокруг горла.

"Ортодоксы" и бедняки носят вместо узеньких брюк под "куртой" особый вид полотна, оборачиваемый вокруг бедер особым образом. Это называется дхоти. Часто "курта" сделана из домотканного полотна - "кади". Женщины - вот что интересно - почти поголовно носят индийскую одежду. Лишь студентки из зажиточных семей отличаются среди девушек своими джинсами или мини-юбками. Что же касается замужних женщин, то их в европейской одежде почти нет. Лишь в больших городах, особенно в Бомбее, можно увидеть таких.

Индийцы совершенно не пользуются туалетной бумагой, обходясь, как многие другие народы Азии, кружкой воды и собственной левой рукой. Может быть, поэтому в Индии и не принято давать или принимать что-либо левой рукой. С этой же целью в туалетах обычно ставят два крана: один - над умывальником, другой - внизу около унитаза. Многие индийцы не любят, когда им смотрят прямо в глаза, особенно воспитанные в традиционном стиле женщины. Их одежда часто очень элегантна. На Севере приняты два вида одежды: сари или "панджаби". "Панджаби" представляет собой женский вариант "курта-пажама", однако брюки у женщин более широкие. Правда, модницы носят и очень узенькие брючки, до колен закрытые свободно ниспадающей рубашкой без воротника, на которой совершенным чудом держится шарф, свисающий за обоими плечами. Шарф призван не привлекать внимания к груди, поскольку в "панджаби" она более выделяется, нежели в сари. Сари же - длинный кусок ткани, оборачиваемый вокруг бедер и перекидываемый через левое плечо. Под ним - лиф, зачастую настолько узкий, что весь живот женщины над сари выставлен на обозрение. В то же время лиф имеет и рукава, правда, чаще всего очень короткие и не достигающие до локтя.

В том, что касается выполнений предписаний и обычаев, более всех скрупулезны брахманы /или брамины/. Особенно выходцы из южной Индии. Их часто можно видеть с разрисованными краской лбами.

Эти ритуальные полоски — тикку — обычно можно увидеть на них в праздничные дни, даже когда они одеты по-европейски. Брамины передают обычай молодежи, хотя отношение просвещенного индийца к детям вообще-то очень своеобразно. Тут зачастую действует принцип: меньше вмешательства — меньше вреда. Принцип весьма сомнительный, с моей точки зрения. Конечно, дети индийцев не предоставлены сами себе. Их кормят, одевают, интересуются успехами в школе. Но не более. Индиец никогда не одернет сына, если тот вмешивается в разговор взрослых, или чавкает за столом, или при посторонних разваливается на диване в гостиной, занимая весь диван. Кстати, не лишним будет сказать, что и взрослые, и даже весьма просвещенные индийцы могут себе позволить чавкать за столом, есть очень неряшливо /а едят обычно только при помощи рук/, да и другие, простите, звуки приходилось нам слышать за столом индийских интеллигентов.

Сами дети же, как и везде, любят поиграть и пошалить. Вот разве что не так любознательны, как наши. Думаю, что недостаток этот объясняется самой системой образования, где механическое заучивание все еще преобладает. Маленькие индийцы совершенно безразличны к коллективу. Все дети немного эгоистичны, но у нас это пока менее заметно, так как дети все же воспитываются "в коллективе и через коллектив". Не стану сейчас рассуждать о достоинствах и недостатках этого принципа, но замечу все-таки, что так называемому "воспитанию" в Индии уделяется куда меньше внимания, чем обучению. Да и проходит оно, если и в коллективе, то уж никак не "через коллектив". Не скажу, однако, что падение нравов так же беспокоит индийское общество, как беспокоит оно сейчас нас. Впрочем, сравнения здесь не вполне правомерны.

Тем более, что многое в "индийском характере", как я его понял, отнюдь не восхитило меня. Рядовой индиец, как правило, по-

корен своей судьбе и не "делает сам себя", как это принято у людей других цивилизаций. Он просто ждет какого-то сказочного поворота судьбы, надеется на помощь со стороны, на "доброе дядю", на неожиданной счастье. В большинстве случаев вершиной мечтаний оказывается собственная, пусть даже крошечная, лавчонка. Отношение к труду у индийцев определено многовековыми традициями, согласно которым труд - это проклятие человека. Именно поэтому лишь немногие индийцы находят счастье именно в труде. Правда, сейчас таких людей становится все больше и больше, но в массе своей индийцы с большей готовностью предаются сну или совершенно беспредметной беседе, нежели работе.

Как не любят они "производить" сами себя, так они относятся и к своему непосредственному труду. Они больше любят продавать произведенный кем-то товар, чем производить его. Став торговцем, индиец в полной мере отдается своей страсти к торгашеству. Курьезно, что иногда он готов даже пойти на убытки - лишь бы поторговаться. Впрочем, покупатель остается в дураках значительно чаще. Это я знаю по собственному опыту. Однажды я проходил мимо магазинчика на проспекте Джанпатх в Дели и был остановлен торговцем, предложившим мне отличную мужскую кожаную сумку. Сумка у меня уже была, цены я знал прекрасно, и поэтому, чтобы поскорей отвязаться от торговца, я сказал, что больше, чем за 150 рупий, никогда никакую сумку не куплю. Цена такой сумки колебалась от 350 до 400 рупий, и торговец прямо-таки зашелся от ужаса. Он стал что-то выкрикивать, снова предлагать, снижать цену, но я вновь порывался уйти, набавив лишь десяток рупий. И что же вы думаете? Когда я стал смягчаться и "ради спортивного интереса" решил все-таки купить сумку, ее цена уже была спущена до 200 рупий. В конце концов, сумка стала моей всего лишь за 180. Но у меня есть и множество примеров совершенно противоположного свой-

ства. Так что в этом спорте игра идет хотя и не в одни ворота, но мастерство команд явно различное.

Интересно, что всемирно популярные виды спорта в Индии не пользуются особой популярностью. Пожалуй, следует отметить лишь хоккей на траве. Футбол популярен только в Калькутте. Что же является всеобщей страстью, так это крикет, игра, перенасыщенная огромным количеством тонкостей, частных и нюансов, что довольно точно отвечает требованиям индийского сознания, в котором без особых усилий вмещается грандиозная, но выписанная до мельчайших деталей система индуизма. Правил крикета я и за три года не смог осилить, а не зная правил, эту игру невозможно оценить вообще. В Индии же вся жизнь страны замирает, когда по телевидению показывают очередной матч по крикету. Играют в крикет лишь в Англии да в ее бывших колониях.

Несколько слов об индийских средствах массовой информации. Чтобы представить себе яснее, что же такое пресса Индии, я выписывал каждые 3-4 месяца новую газету. Таким образом, я познакомился со всеми ведущими индийскими газетами на английском языке. Первое, что сразу же бросилось в глаза - это особое положение прессы в демократическом государстве, положение некоей "третьей силы" в политике, и неизвестно еще, какая из этих сил обладает большей властью - правительство, оппозиция или же пресса. Удивило в самом начале и обилие негативной информации об СССР. Индийская пресса, в отличие от нашей /теперь уже, к счастью, не ВСЕЙ нашей прессы/, не имеет понятия о том, что о дружественных странах следует писать только хорошее, а об остальных - только плохое. Правда, информация не всегда достаточно хорошо проверена, что объясняется переувяченной у Запада страстью к сенсациям.

Вот лишь несколько примеров. Убит лидер Северной Кореи Ким Ир Сен /опровергнуто/. Ливо уменьшает опасность США /не опро-

вергнуто/. Индия разрешает СССР держать базу подводных лодок /опровергнуто/. Нэнси Рейган во время концерта упала со сцены вместе со стулом /подтверждено фотографией/. ЦРУ покупает у Министерства обороны Индии советские винтовки для передачи афганской военной оппозиции /не опровергнуто/. Андрей Сахаров /возвращен в Москву из Горького/подтверждено фотографией/. Русские преследуют абсолютно безвредную секту кришнаитов /не опровергнуто/. Советский дипломат в Индии бежит на Запад /подтверждено сообщением полиции/. И так далее, и тому подобное. Замечу в скобках, что все эти сенсации - из периода 1984-1987 годов.

Индийское телевидение более ответственно и менее интересно, поскольку полностью контролируется правительством. Передачи насыщены рекламой, и не представляет особого труда угадать, кем оплачена та или иная передача. Если передача о животных предваряется рекламой мотоциклов, значит она оплачена автомобильной корпорацией. Если телефильм сопровождается рекламой лосьона и спрея, значит, он оплачен парфюмерной компанией. Когда передача выходит в эфир без рекламы, значит, в ней заинтересовано правительство. Художественные фильмы показывают по ТВ редко: кинопромышленность не желает терять даже части своих доходов.

Что же до самого индийского кино, то об индийских коммерческих фильмах лучше всего сказал один актер: это все, что угодно, только не кино. Любой индийский фильм, что мы можем увидеть и на советском экране, - это дикая окрошка из трагедии, комедии, водевиля, оперетты и балета, густо замешенная на мелодраматическом сожете. Таково основное требование к индийскому фильму. Он ставится в основном для безграмотных или малограмотных людей, желающих увидеть на экране то, чего никогда не будет в их жизни. Они требуют ярко раскрашенную сказочку с искусственными страстями, роскошными машинами и виллами, морем крови и потоками смеха.

И - песни, песни, танцы, танцы! Тут герои плачет и поет, там он танцует и смеется, а здесь - умирает и поет.

Индийская интеллигенция потешается над этими фильмами. Особый сарказм вызывает тот факт, что все индийские кинозвезды похожи на перекормленных игривых младенцев. Худая и некрасивая публика, подобно ~~перекормленным~~ Ильфу-Петровской Эллочке, желает видеть на экране "толстого и красивого парнишу". Показывая квартиру учителя, режиссер норовит обставить ее как гнездышко кинозвезды. Для тех, кто живет в лачуге, а то и вовек под открытым небом, разница между домом учителя и "гнездышком" совершенно незаметна. Для режиссера же незаметна разница между домом учителя и лачугой. Но для самого учителя эта разница волюща!

Совершенное отсутствие чувства меры, безвкусица и беспроблемность индийского коммерческого кино делают его не просто бесполезным, но даже вредным. Поэтому удивительно, что среди отнюдь не полуграмотных советских людей наблюдается тенденция к восторженному приятию этих поделок, отдающих откровенной профанацией. А то, что среди них много молодых людей, особенно девушек, говорит о тревожном состоянии вкуса народа, который должен бы быть, как многие считают, врожденным. Но где этот врожденный вкус? Надо, по-видимому, все-таки воспитывать его, а не вызывать из глубины народной души дудочкой, как заклинатель - кобру.

Индийская классическая музыка настолько же отличается от европейской классической музыки, насколько, например, английские фольклорные мелодии непохожи на фольклор Индии. Индийская классика настолько же своеобразна, насколько и непроста для нашего восприятия. Во-первых, в индийской музыке не существует гармонии, обязательной для музыки европейской. Во-вторых, индийские исполнители никогда не играют вместе, хотя и исполняют одно и то же произведение одновременно и на одной сцене. Одни ведут

ритм, живущий своей собственной жизнью, а другие — мелодию, которая тоже как бы ничем не связана с ритмом. Изредка, к вящему удовольствию слушателей, они сходятся в одной точке, чтобы потом опять разойтись в стороны. Записать такую музыку нотами почти невозможно: импровизация заложена в самой ее природе. Великий скрипач-американец Иегуди Менухин говорил, что индийская музыка отличается от западной так же, как индийское общество — от европейского: с одной стороны — группа индивидуалистов, лишь изредка, в какие-то стихийные или хорошо продуманные моменты объединяющаяся в одно целое, а с другой стороны — группа сотрудников, каждый из которых поступает частичкой личной свободы ради общей гармонии. По-моему, очень метко сказано.

Индийский танец разделен на четыре основные школы. Наиболее популярна школа бхаратнатьям — классический танец, рассказывающий о событиях из жизни Кришны. Танец этот экспрессивен, но весьма статичен, и танцуют его только женщины. Школа катхакали родилась в штате Керала. Этот танец, наоборот, очень драматичен и динамичен, и исполняется только мужчинами. Он повествует об эпических битвах богов и героев, причем танцоры надевают на себя не только маски, но и огромное количество разнообразного танцевального "снаряжения". Школа манипури пришла из штата Манипур. Этот танец танцуют женщины в живописных нарядах и головных уборах повествуя различные эпические истории в основном при помощи рук. Танец катхак родился на Севере страны и иллюстрирует мусульманское влияние на индийскую музыку. Это наиболее "светский" танец, самый понятный для непосвященного зрителя. В его основе — совершенно фантастическое мастерство своеобразной чечетки, и танцуют его в специальных ножных браслетах с бубенчиками.

Несомненно, мусульманская культура оказала огромное влияние на развитие индийского искусства. Достаточно вспомнить форты Агры

и Дели, Чарминар и Тадж Махал. Века британского господства мало что добавили к тому, что уже было создано в Индии прежде. Живопись стала имитировать европейскую манеру письма, здания возводились в так называемом "викторианском" стиле. Известное оживление в искусстве наступило лишь теперь.

Индийская литература многоязычна, как и советская. Но если у нас это — источник богатейшего опыта, то в Индии — еще одна проблема. Я с удивлением обнаружил свое неожиданное превосходство перед некоторыми индийскими друзьями в вопросе о современной литературе народов Индии. Случилось это потому, что еще до поездки в Индию я прочитал немало произведений современных индийских писателей на русском языке. Мне было совершенно все равно, с какого языка переводили переводчики. А вот моим друзьям, довольно хорошо знающим литературу на своем родном языке, это совершенно не все равно. Ведь многие индийские языки не только абсолютно непохожи, но и пользуются разными алфавитами.

Книжный рынок Индии испытывает сильное влияние западной масс-культуры. Магазины, лотки и стенды на улицах переполнены второсортной бульварной литературой и попросту чепухой, не имеющей ничего общего с литературой. Миллионными тиражами выпускаются комиксы и душещипательные книжонки. Стеллажи гнутся от книжного мусора, которого, впрочем, и у нас предостаточно — только другого типа. Книжные полки Дели и других индийских городов пестрят искусно нарисованными на обложках красотками, завывающе глядящими на покупателя. Эти обложки не оставляют никакого сомнения в том, что западные фотохудожники умеют мастерски прикрыть или приоткрыть привлекательные груди и ноги моделей. Впрочем, ничего "такого" под этими соблазнительными обложками нет. Красавица может попасть на обложку, даже если героиня книги — престарелый ученый, и вся книга посвящена его работе, а эту кра-

сотку он увидел мельком на улице. Так что не стоит соблазняться даже самыми соблазнительными обложками.

Порнография в Индии запрещена, что абсолютно правильно, как правильно и то, что все тысячелетнее искусство Индии насыщено здоровой эротикой. Вспомним хотя бы комплекс храмов в Кхаджурахо. Кроме того, любой магазин или даже лоток на автостанции может предложить вам с десятков книг, написанных ведущими сексологами Запада и Индии. Они посвящены вопросам взаимоотношений между супругами и пользуются большой популярностью. Это естественно: в Индии очень мало браков по любви, и искусство супружеской жизни призвано каким-то образом компенсировать недостаток "платонических" чувств.

Думаю, что и нам давно пора занести такую литературу в ряд "нужных". Чувства чувствами, но они должны быть подкреплены, что называется, всесторонне. Да и сами интимные отношения должны быть не табу, а объектом внимания ученых, чтобы, "поставив их на научную основу", мы могли избежать множества глупостей, свойственных невеждам. В стране, которая по количеству разводов уступает лишь США, замок "нравственности" на этих вопросах сильно смахивает на самое дубовое ханжество. Да и не спасли нас никакие замки ни от проституции, ни от гомосексуализма, ни от СПИДа, ни даже от супружеских измен. При нищете наших познаний об интимной жизни откуда молодоженам знать, что супругов, "не подходящих" друг другу, вообще не бывает? При этой нищете познаний любой мало-мальски умелый "третий" способен разрушить семейное счастье двоих. Вот вам и разводы, вот вам и физическая неудовлетворенность вплоть до психической неуравновешенности.

В Дели есть несколько магазинов, мимо которых я просто не мог пройти, чтобы не полистать хоть пару книг. После трехлетней плавания по книжному рынку Индии я убедился, что он стоит сейчи

перед той же дилеммой: Запад или Восток? Завтра или Вчера? Американизация или возвращение к истокам?..

В одной стороны - высокоразвитый капитализм, футурологические прогнозы, спутники, собственные компьютеры и электроника. С другой - помещики и закабаленные крестьяне, несчастные жены, обливающие себя керосином и пылающие неугасимым пламенем промлого. Все это - Индия. Студент, спорящий со мной о возможностях компьютерного общества и затем садящийся в коляску велорикши - двенадцатилетнего больного мальчика. Футурологическая конференция в БИТН о науке XXI века, прерванная из-за перебоев с электричеством. Льющаяся из соседнего окна "материальная девочка" Мадонна и старуха-нищенка, вылетающая свои пророчества о нашем многодетном будущем в рваный ритм рока. Вневременные фантазии Рави Шанкара... Индийский бизнесмен, беззастенчиво ограбивший своего конкурента... Вся женская половина деревушки, усевшаяся у железнодорожного полотна на свой утренний ритуал - обнажив зады и закрыв лица поднятыми юбками - и великолепный "Тадж-Экспресс", несущийся мимо них в новый век...

Что победит? Каким должно быть будущее Индии? Будет ли оно синтезом Вчера и Завтра? Расчетливость, жесткость, инициатива, изобретательность, деловитость - ныне такие "собственные" черты многих индийцев, как, скажем, мечтательность, отчужденность, коварство, совершительное безразличие. Поэтому я от души мечтаю, чтобы в своем дерзком рывке в Завтра Индия не растеряла жемчужины своего духа, корни которого - во Вчера. Итак, да здравствует Сегодня, в котором встречаются Вчера и Завтра! Пусть они сражаются и мирятся, пусть даже Завтра будет отчасти выглядеть, как Вчера. Но это завтра делается сегодня. Так да здравствует индийское Сегодня!

Глава УП

Н О В Ы Е Д Р У З Ь Я

Лето 1985 года было у нас насыщенным впечатлениями. Во-первых, мы возвратились в Союз в конце мая, так что интересно было, что же нового принесли стране апрельские изменения в Кремле. А индийская и западная печать уже успели вселить в нас достаточно радужные надежды. Мы, покинув страну, дергающуюся в предсмертных конвульсиях застоя, возвратились домой уже при новом лидере, уже шестом за мои тогдашние 33 года жизни. Сталина, впрочем, я и не мог помнить: мне было лишь семь месяцев, когда он умер. Помню лишь, как в детском саду, указывая на висящие на стене портреты Ленина и Сталина, говорил: "Этот дедушка - хороший, а тот - не очень". По-видимому, у меня уже в детском возрасте было какое-то чутье на сволочей. Наследников усача помню хорошо - и Хрущева, и Брежнева, и Андропова, и Черненко.

Особых перемен, однако, мы не заметили. Разве что фантастические очереди за водкой. Новый лидер решил всерьез отрезвить страну. Понимания, однако, в народе он не встретил. Отметив, что все в основном по-старому, мы решили поехать по стране. Наметили ^НТаллин, Ленинград и Москву. Обещали ведь сыну - кстати, тоже Сергею - показать Таллин и Ленинград, значит, надо выполнять. В ^НТаллине у нас были наши коллеги по Индии, они обещали поспособствовать с номером в гостинице. В Ленинграде тоже был некий знакомый наших запорожских друзей, имеющий возможности устроить нас хоть и без особого шика, но надежно.

Наши Таллинские друзья, действительно, приняли нас прекрасно, устроили в гостинице и показали город. Впрочем, я бывал там и в студенческие годы - в 1972 и 1973, так что для меня это была встреча с полюбившимся и хорошо знакомым городом. Что же касается

Альбины, то она была моей спутницей еще в 1973 году, и лишь Сережа с восторгом знакомился с прекрасным и на всю жизнь запоминающимся городом. Наши таллинцы были очень рады, что мы так любим их город, и проводили с нами почти все свое свободное время. Тогда же, кстати, они и рассказали нам о своих встречах со Святославом Рёриком. Я знал, что он живет в Бангалоре, на юге Индии, но совершенно не мог поверить тому, что возможна встреча и даже встречи со всемирно известным соотечественником простых советских преподавателей, работающих в бангалорском Индийском Институте Науки. Это не укладывалось в мозгу так же, как, скажем, встреча с Петром Первым в Ленинграде.

Ленинград встретил нас белыми ночами и совершенно остереженно кусающимися клопами в какой-то ведомственной гостинице. Совершив положенный ритуал экскурсий в Эрмитаж, Петергоф и прочие славные места и должным образом просветив Сережу, который никак не мог прийти в себя от восхищения, мы отбыли домой. Предстояла головоломная операция по включению сына в нашу семейную делегацию в Индию.

Операция прошла успешно. Нам повезло: Сережа оказался вписан в паспорт Альбины еще при нашем оформлении, которое началось еще тогда, когда он не ходил в школу. К моменту же нашего выезда он уже был третьеклассником. Мы доказали, что сможем учиться с ним сами, поскольку оба — педагоги по образованию. А ежемесячные поездки в Дели сможем использовать для сдачи зачетов и получения новых Заданий.

Трудности ждали нас в другом месте, а именно в агенстве "Аэрофлота", куда нас послал референт Минвуза, не желающий возиться с нами, "опоздавшими". А ведь опоздали мы потому, что никто в нашем посольстве не помог нам получить при выезде из Индии "возвратную визу". Теперь же надо было получать новую визу в

Москве, в посольстве Индии. А это могло растянуться на несколько месяцев. Индийский бюрократизм не знает себе равных. Но и с ним пытаются конкурировать наш, доморощенный: уже когда визы были получены, очередная задержка произошла именно в "Аэрофлоте" — с билетами на рейс Москва-Дели.

И вот в начале октября /а не августа, как положено было!/ мы, наконец, прилетели в Дели. Расположились на три дня в гостинице ГКЭС, уладили дела с Сережиной школой. Договорились следующим образом: школа выдает нам учебники, мы занимаемся по ним самостоятельно, но не реже двух раз в четверть, то есть каждый месяц, приезжаем в Дели, в городок советского посольства, где расположена восьмилетка для детей советских дипработников. В Дели мы получаем задания по всем предметам и сдаем контрольные по предыдущим заданиям. Программа четвертого класса не была особенно сложной, и мы с энтузиазмом согласились на такие условия обучения сына.

Мы ходили с ним по центральным улицам Дели, с интересом наблюдая за тем изумлением, которое светилось в его глазах: мы знали по собственному опыту, что первые дни знакомства с Индией всегда будут помниться ярче всех остальных. Вель тут — столкновение с совершенно иной цивилизацией. Заклинатели змей на улицах, нищие, спящие прямо на тротуаре, подчеркнуто заинтересованное отношение к нам со стороны торговцев и продавцов, невиданное богатство и разнообразие товаров... Настоящий шок в небольшом магазине игрушек, где можно увидеть то, что не приснится даже в самом фантастическом сне... Да и вообще — другая одежда, совершенно другие лица людей, сознание собственного веса и значимости — кстати, чувство, которое невозможно сравнить ни с чем: удовлетворенное честолюбие и властолюбие слишком мелки в сравнении с ним. Все это уже было пережито нами, и теперь переживалось сыном.

На четвертый день рано утром нам надо было ехать на вокзал в Старый город. Шеф являл готовность помочь нам добраться туда и подвезти на своей машине. Это было очень кстати, потому что вещей у нас было порядочно. Шеф подвез нас к вокзалу и немедленно ужал: он еще раньше говорил нам, что недолюбливает Старый город. Так или иначе, но нам пришлось срочно разыскивать носильщика, который, конечно же, тут же появился перед нами. Осмотрев наш багаж, он пересчитал места на хинди: эк, до, тин, чар, панч! Это не считая небольших кожаных сумок у меня и Альбины. Он спокойно указал на меня, а потом на свою голову. Я оказался сообразительным и взвалил ему на голову четыре тяжелых чемодана. В руки брать носильщик ничего не стал, и все продолжал показывать на пятый чемодан. Но я усомнился в том, что можно как-то удержать на голове даже четыре чемодана, и взял оставшийся сам. Он оказался, к тому же, самым тяжелым.

Я сказал, какой поезд нам нужен! "Биканер-Экспресс". И носильщик тронулся в путь, с завидным мастерством лавируя между людьми и предметами, хаотически усеявшими платформу. Я за ним не поспевал с моим тяжелым чемоданом, и поэтому послал за ним вдогонку Альбину и Сережу. Но беспокойство было излишним: носильщик благополучно прибыл к нашему вагону и ожидал нас там. Убедившись, что наши имена написаны на дощечке у двери вагона, мы решили расплачиваться с носильщиком, который все порывался затащить чемоданы в вагон. Мы не позволили ему, но за рвение я дал ему денег не за четыре места, а за пять, чем чрезвычайно обрадовал его.

В вагоне мы разместились уже сами: заняли отдельное купе, разложили вещи, и поезд, как будто дожидавшийся этого момента, сразу же тронулся. Ехали мы недолго - всего четыре часа. Но за это время Сережа успел увидеть не только фешенебельные здания

отелей, но и землянки и хижины предместий, невольно наводящие на сравнение с жилищами первобытного человека. Для нас с Альбиной, однако, эта поездка была мало интересной. Нас гораздо больше увлекал вопрос — как мы доберемся от станции до Пилани? И вот мы уже приехали в Лохару и "выгрузились" на перрон. В Лохару иностранцы бывают, по-видимому, раз в тысячелетие, поэтому пришлось придумывать что-то, чтобы избавиться от назойливого любопытства аборигенов. Мне надо было позвонить в Пилани и найти какой-либо транспорт туда — а это около тридцати километров, и местный автобус, как мы понимали, мало подходил для этой цели, поскольку он обычно был забит битком, включая крышу. С нашим багажом и вполне понятными чувствами Альбины по отношению к тесной толпе людей, никогда не видевших живого "белого" — автобус сразу отпадал.

Я нахально провел Альбину и Сережу в комнату ожидания I класса для дам и спокойно объяснил непонимающему английского дежурному, что гостей надо уважать и делать для них исключения, после чего все так же спокойно показал ему двадцать рупий, указал на его телефон и произнес несколько раз: "Пилани, 79". Он кивнул, долго что-то говорил в трубку, а потом отдал ее мне. Я услышал голос д-ра Виджая Мандке. После краткого разговора мне стало понятно, что нас уже почти не ждали, а потому наш дом не готов и надо ехать прямо к коттеджу Мандке. Я расстроился и забыл попросить совета насчет транспорта. Но это было излишним: дежурный по вокзалу уже показывал мне какого-то наглого типа, который, как стало понятно из бурного разговора жестами, может довезти нас до Пилани за сто рупий.

Я с облегчением согласился, и наглый тип тут же схватил пару чемоданов и поволок к подъезду. Я поскорей захватил еще два и, бросив своих, устремился за ним. У подъезда стоял "джип".

Мы кое-как уложили вещи и увидели, что к нам приближается дежурный по вокзалу, уверенно руководимый Альбиной и несущий оставшийся багаж. Я сразу полез за обещанной ему еще за телефон "двадцаткой", но он благородно отказался, очевидно, поняв суть моих слов о гостеприимстве, даже не зная английского языка. Не знал он, конечно, и русского, но Альбина умело объяснила ему, что надо делать. Итак, мы расселись в "джип". И тут все оставшееся свободное пространство в машине заняли какие-то невесты откуда взявшиеся парни с радостными улыбками на лицах. "Джип" тронулся. Эти попутчики весело болтали с водителем и все косили глазами в нашу сторону, что через некоторое время стало мне не нравиться.

Когда же "джип" вдруг свернул с шоссе и пошел прямо по пустыне, я всерьез заволновался и стал пытаться что-либо разузнать у водителя. Наглый тип выразительно показал мне дугу рукой и презрительно покачал головой, а затем так же выразительно показал прямую линию и радостно осклабился. Ну, дай-то Бог, если они все-го-навсего решили сократить путь! И действительно, уже через 20 минут мы опять выехали на знакомое шоссе, а через еще пять минут вдали показались дома. Пилани! Мы въехали в Кемнас, показали сыну наш дом, мимо которого мы проехали, и направились прямо к коттеджу Мандке.

Там нас уже ждали. Мы быстро выгрузили вещи, причем Виджай запретил мне помогать наглому парню и его друзьям. Затем он сказал, что сто рупий — это вдвое больше, чем следует платить. Но тут я его не стал слушать: договор дороже денег. "Джип" поехал обратно в Лохару, а мы расположились на втором этаже коттеджа Виджая, где он предоставил нам отдельную комнату, пока не закончится ремонт в нашем коттедже. Виджай и его семья были явно рады нашей встрече, были очень гостеприимны, и мы пользовались их гостеприимством целых пять дней.

Познакомились мы с семьей Мандке в декабре 1984 года, уже через два месяца после приезда в Пилани. Произошло это не так, как знакомства с другими индийцами: обычно нас представляли либо Людмила и Анжан Кунду, либо Гуру. Однажды я ехал на велосипеде из института в кафе — попить кофе. Там меня ждал Гуру. Но на полдороге у меня прокололась шина, и мне пришлось вести велосипед. Тут около меня остановился большой мотоцикл с симпатичным смуглым человеком, обладателем богатой седой шевелюры и одетым в потертые джинсы. Он неожиданно представился мне: "Декан Практической Школы, доктор Виджай Мандке". Естественно, я тоже представился, и у меня не было причин отказываться, когда Мандке пригласил меня с женой к себе в гости. Мы побывали у Мандке, познакомились с его женой Паримал и сыном Химауншу, который лишь на полтора года старше Сережи. А потом пригласили их к себе. К концу же нашего первого года в Индии наша дружба окрепла настолько, что мы уже запросто, без приглашений приходили друг к другу.

Доктор Виджай Васантрао Мандке родился в 1943 году. В разговоре со мной он шутил, что родился как раз вовремя, и напоминал слова Ленина перед октябрьским переворотом: вчера было рано, завтра будет поздно. Родился Виджай как раз 25 октября. Отец его, брамин из Махараштры, был крупным полицейским чиновником в Бомбее. В Бомбее Виджай закончил колледж Святого Ксавьера, получил степень бакалавра в Индийском Институте Технологии, а затем переехал в Канпур, где получил сначала степень магистра в другом Индийском Институте Технологии, а затем там же — степень доктора технических наук по электронике. Защитив в 1970 г. диссертацию, он стал работать в БИТИ, Пилани, ассистентом-профессором кафедры электроники. Однако уже в 1976 г. он круто меняет область деятельности, становится основателем факультета Практическая Школа, профессором и занимается вопросами связи науки, образования и производства.

Он одним из первых в Индии начинает заниматься тем, что у нас называется "производственная практика студентов". Это принесло ему широкую известность, его имя включено в американский "Кто есть кто в образовании", его выступления на Конференции по проблемам высшей школы в Эдинбурге /Шотландия/ и в Париже, в ЮНЕСКО, не прошли незамеченными в западном мире.

Уже в нашу бытность в Пилани начался бурный рост Виджая: его карьера делала новые крутые витки. Сначала он стал деканом-консультантом БИТН по вопросам образования, затем - консультантом министра Индии Нарасимхи Рао, и в конечном итоге - заместителем директора БИТН.⁺ Он стал настоящим "мозговым трестом" института и открытым начинателем всех наших инициатив. Мысль об учебнике по русскому языку специально для БИТН и идея о создании хореографической мастерской впервые появились именно в его голове. Таким образом, Виджай вольно или невольно был участником нашей широкой кампании "борьбы за студенческие мозги".

Д-р Мандке, с одной стороны, пользуется авторитетом среди таких политических деятелей, как Нарасимха Рао, а с другой стороны, хорошо известен целому ряду ведущих промышленников и ученых Индии и Запада. Это и не случайно: студенты БИТН проходят практику на десятках крупнейших промышленных предприятий, банков, газет и научных учреждений Индии, и эта система приносит бизнесменам немалую выгоду.

Миссис Мандке - тоже доктор наук. Она теперь тоже декан-консультант и занимается проблемами развития науки и техники, является специалистом по музейному делу. Оба Мандке - Виджай и Паримал - весьма "вестернизированные" люди. Достаточно сказать, что Паримал не раз представляла перед нами не в сари, а в платье или даже в брюках. Часто ее можно было видеть и без неперемной

⁺ В настоящее время Мандке переехали в Дели.

точечки на лбу - "кум-кум". Виджай, подстать профессорам западных университетов, демонстративно демократичен: ходит на работу в джинсах, может часами спорить со студентами за чашкой чая в кафе. Оба Мандке, да и их сын Химауншу, с интересом и уважением относятся к СССР и выписывают множество советских изданий на английском языке. Виджай далеко не коммунист, но с симпатией относится к марксизму. В его личной библиотеке я видел произведения Маркса, Ленина, Сталина и Мао. Интересно, что он обычно обижался, когда я называл его космополитом. Он считает себя "индийцем со всеми своими потрохами", по его выражению.

У Мандке жила уже достаточно "пожилая" девушка лет 35-ти, Камла. Она была их кухаркой и служанкой, но также, по индийским традициям, и членом семьи. Если правда то, что простые люди гораздо ярче показывают свою привязанность и свою антипатию, то как раз по Камле мы вначале и определили, как мы стали близки этой индийской семье. Она никогда не отпускала нас без чая, даже если мы не заставали дома никого из "хозяев". Кстати, ее чай был необыкновенно вкусным - такого я никогда не пил ни до Камлы, ни после нее. Особенным же почетом и даже любовью пользовался у нее Сережа. Она просто души в нем не чаяла. Может быть, потому, что Химауншу был довольно груб с ней, за что частенько получал выговор от отца.

Сережа весь год пользовался своими привилегиями и свободно ездил сам к Мандке, где даже в их отсутствие Камла обязательно потчевала его чаем, кофе, сладостями, фруктами и прочей вкуснятиной, пока он смотрел телевизор - какие-нибудь мультики Уолта Дисней. Иногда же играл с Химауншу в шахматы или боролся. Некоторое время он зачастил в соседний кемпас Центрального научно-исследовательского института электротехники - играть в шахматы с сыном директора, д-ра Лахири.

Таким образом, кроме Туру, у нас появились еще друзья - на этот раз целая семья. Мы до сих пор с теплым чувством вспоминаем о них и всерьез надеемся, что нам удастся еще раз увидеть их всех.

✓ Октябрь и начало ^{ноября} октября у Сережи прошли под знаком "вживания" в незнакомый быт и окружение. А тут подоспел и один из самых красивых индусских праздников - Дивали, совпавший в 1986 г. с днем рождения нашего сына - 13 ноября. На день рождения мы пригласили семью Мандке. Организовали развлечения для детей - Сережи и Химауншу: купили множество ракет, шутих, игрушечных бомбочек, бенгальских огней - благо, все это в неограниченном количестве продается накануне Дивали. И, пока дети устраивали во дворе фейерверки, мы любовались ~~ше~~ ими с веранды, на которой Альбина накрыла столик для аперитива. В качестве аперитива служила знаменитая украинская горилка с перцем. Мандке весьма заинтересовали ^{сь} перчинками, плавающими на дне бутылки, и с восхищением наблюдали, как я показывал им процесс "пития", не разбавляя спиртного водой. Ведь даже те индийцы, которые не отказывают себе в удовольствии выпить, всегда разбавляют спиртное водой, содовой, тоником или просто "Колой".

Однако "аперитив на веранде", хоть и был оригинален, но задуман был без учета "местных факторов". А таковыми факторами были предрассудки тех, кто мог нас видеть с улицы, и нежелание открыто выступить против предрассудков - у тех, кого могли видеть с улицы. Проще говоря, нам пришлось перейти внутрь коттеджа, где Альбина угостила наших индийских друзей во всю ширь славянской природы. Там были и русские, и украинские, и даже итальянские национальные блюда. По западной традиции, за едой ничего не пили. А после последнего блюда пересели в диван и кресла и попробовали армянский коньяк, вызвавший не только интерес гостей, но и неподдельное восхищение.

Однако наш рассказ о том, что теперь в нашем посольстве не будут продавать спиртное, вызвал у Мандке удивление: неужели же работники посольства все сплошь алкоголики? Да и как это выглядит на фоне взаимоотношений с индийскими и другими партнерами - американцы угрожают своим бренди, англичане - своим виски, итальянцы - своим вином, а русские - индийским тодди? Мы вкратце рассказали об очередной насильственной кампании у нас на Родине, отметив, что нас всегда насильно чему-нибудь учили: то Петр учился бриться и пить по-европейски, то теперь нас учат не пить...

На следующий день пришел студент Шами Джакоб и стал устанавливать на веранде нашего дома свечки. Оказывается, праздник Дивали отмечается целым морем огней: свечек, шутих, разрывами бомб, светильниками у порога. Даже Шами - христианин по вероисповедованию - и тот с удовольствием отмечал Дивали. Затем пришли мой студент Арвинджит с невестой и увезли на своей машине в кемпас Института электроники. Там мы были гостями его отца - бывшего директора этого института. Интересно, что тут мы праздновали Дивали вместе с сикхами. А ведь праздник-то индусский! Квартира д-ра Сингха была украшена разноцветными лампочками, перед порогом стояли светильники и свечечки, а Арвинджид, выйдя с Сережей во двор, продемонстрировал взрыв довольно большой бомбы и зажег фонтанирующие искрами пирамидки.

Потом он отвез нас обратно в наш кемпас, так как мы обещали прийти в гости к д-ру П.Д.Чатурведи. Здесь празднование Дивали закончилось просмотром фильма "Триллер", в котором Майкл Джексон необычайно понравился Сереже. Кроме того, он впервые видел видеофильм, да и сам видеомагнитофон - тоже. Это позже, когда Виджай стал брать "видик" напрокат, мы почти каждую неделю смотрели программу из трех фильмов: один - "для всех", включая детей, другой - индийский, в котором мы обычно ничего не понимали

Виджай отпускал язвительные шутки, а Паримал, Камла и Химауншу смотрели на экран, как замороженные. Третий фильм обычно бывал европейским и предназначался чаще всего только для взрослых. Хотя иногда и Сережа смотрел эти фильмы — например, знаменитый американский "Доктор Живаго" по роману Пастернака.

Дивали кончился, началась работа. Я работал со студентами, Альбина — дома и со студентами /она опять согласилась вести мастерскую хореографии/, и оба мы работали с Сережей, разделив предметы поровну. Ежемесячно, как и было договорено, ездили в Дели, в посольский городок.

Жили мы в Старом городе, в гест-хаусе Делийского университета, но бывали чаще всего именно в Нью Дели. Там особенно интересен с точки зрения архитектуры оказался нам целый ряд зданий: например, Дворец президента — Раштрапати Бхаван, который ранее был резиденцией вице-короля Индии. Рядом с ним — здание Парламента, а прямо напротив — по проспекту Раджпатх — триумфальная арка "Ворота Индии". Этот проспект, связывающий арку с президентским дворцом, — традиционное место парадов. Проспект Джанпатх пересекает Раджпатх перпендикулярно и связывает дипломатический район Чанакьяпури с ансамблем делового и торгового центра Коннот-Плейс. Чанакьяпури и район Раджпатха — немногие места Нью-Дели, которые сильно отличаются от Старого города: там нет базаров, а улицы чисты и широки. Так же аккуратны лишь некоторые кварталы богачей, например, Ладжпатх Нагар и Хауз Кхас.

Остальные районы Нью-Дели отличаются от Старого города только архитектурой и характером застройки. Улицы там немного чище и прямей, а дома немного новей. Но общее впечатление многолюдности, шума, нечистоплотности не покидало нас ни в том, ни в другом Дели. Индийская общественная психология крайне индивидуалистична. Если у нас строят новый или ремонтируют старый дом, то благоу-

раивается и весь прилегающий участок, чтобы все это имело вид ансамбля. В Индии же зачастую новое или только что отремонтированное здание утопает в горах мусора и выглядит, как заплатка из тончайшего шелка на мешковине. Почти все улики Дели — бесконечный, разноцветный, шумный и не очень аккуратный базар.

Иногда меня сбивало с толку впечатление, что торгует вся Индия: настолько много в Дели и в других индийских городах всяких базаров, базарчиков, магазинов, магазинчиков, лавок, лавчонок, лотков и просто торговцев, не имеющих постоянного места торговли. Продают всё — от комбайнов до дамских шпилек. И иногда все это можно купить в одной и той же лавке. Государственная торговля есть, но она совершенно подавлена стихией частного предпринимательства. Одну и ту же вещь можно купить за очень большую сумму в ~~мешковине~~ фешенебельном магазине и буквально за гроши — в маленькой лавчонке, если вы умеете торговаться. Торговаться индийцы, как я уже говорил, любят до самозабвения, делают это искусно и не терпят скарденности и мелочности. Правда, в магазинах центральной части Нью-Дели — на Коннот-Плейс и Джанпатхе — все чаще стали появляться предостерегающие надписи "здесь не торгуются" — но почему-то только на русском и польском языках. Очевидно, и индийских торговцев уже вывела из себя наша знаменитая нищета и тяга "оправдать дорогу".

Базар, конечно, — неотъемлемая часть образа Индии. Но не определяющая. Дели — это еще и город прекрасных памятников прошлого. В Старом городе, наряду с одним из величайших базаров Азии — Чандни Чоук — туристов обычно привлекают находящиеся по соседству с ним мечеть Джама Масджид и знаменитый Лал Кила — Ред Форт, как на хинди и по-английски звучит название Красной Крепости. Он был построен императором Шах Джаханом, который прославился созданием еще двух жемчужин индийского искусства — мавзолея Тадж Махал и

несчастливого Павлиньюго трона. Над Красным Фортом Джавахарлал Неру впервые поднял флаг независимой Индии. С тех пор эту церемонию ежегодно 15 августа повторяют премьер-министры Индии. Неподалеку от форта находится одно из самых больших в Индии культовых сооружений - мечеть Джама Масджид. Это огромная мечеть и сейчас подавляет своим величием и размерами.

Если ехать от Красного форта по Ринг-роуд в Нью-Дели, то по левую сторону открывается вид на футуристический комплекс выставочных павильонов Прагати Майдан. Там мы побывали в дни Всемирной книжной ярмарки 1986 года. Все павильоны этого комплекса, чем-то напоминающего наш московскую ВДНХ, мы обойти так и не успели. Однако общее впечатление было очень сильным - особенно от архитектуры павильонов, похожих на жилища каких-то неземных существ. Да и ярмарка книг была великолепна. Мы обошли все залы ярмарки, не исключая даже китайского и корейского, хотя читать по-китайски мы отнюдь не собирались.

Когда мы попали в итальянский зал, мы поняли, что нашу маму оттуда скоро не дождешься: там оказалась распродажа итальянских и французских журналов мод. Поэтому я оставил Альбину в зале, Сережку усадил в том же зале смотреть мультфильмы по "видику", а сам вышел на воздух покурить. И тут же был атакован симпатичной девушкой с целой кипой каких-то плакатов. Оказалось, что она итальянка, но живет в Индии и занимается здесь религиозно-просветительской деятельностью. Итальяночка приняла меня почему-то за американца и немедленно попросила помощи своему обществу. Я сказал, что я русский. Она не смутилась, предположила, что в Штатах очень много русских и снова попросила денег. Тогда я сказал, что я русский из СССР и что денег не дам. Тогда она решила просто поболтать со мной о том, какой религии я придерживаюсь. Я указал на уже выходящих из павильона жену и сына и ответил, что не при-

держиваюсь никакой, если не считать своей любви к ним. Итальянка спросила, не боюсь ли я умереть без Бога и во грехе. Я улыбнулся ей, следуя лучшим традициям Марчелло Мastroяни, и сказал, что иногда даже люблю грешить. Девушка рассмеялась и простилась с нами, подарив Сереже плакатик, призывающий ко вселенской любви.

Вообще ~~к~~ иностранцев в Дели более чем достаточно. Больше всех — скучающих по экзотике богачей с Запада. Есть и неряшливо одетая молодежь. Но по внешнему облику этих молодых американцев, немцев или французов не стоит судить об их бедности: живут они во вполне уважаемых и очень дорогих отелях. наших туристов — гораздо меньше, но индийские торговцы моментально распознают их, предлагая по-русски: "Давай, посмотрим, посмотрим, хорошо!" Наши заметны не только по разговору. Они ходят обязательно стаиками, во главе со старшим, говорят чуть ли не шепотом и всегда очень спешат. Времени на "свободный осмотр" дается очень мало, и они полностью используют его на то, чтобы вихрем пронестись по лавчонкам. Кроме того, они резко выделяются среди других еще и одеждой и, мягко говоря, упитанностью. Интересно, что вездесущие валютчики, постоянно мучающие меня своим вечным вопросом "чейндж долларз?" /"меняете доллары?"/, — никогда не останавливают наших туристов, развев какое-то чутье на них.

Слава Богу, что мы знакомимся с Индией не в составе такой группы, а самостоятельно! Однако тут у нас были и определенные трудности. Если советские специалисты, работающие в Индии по 2-3 года, хотят получше узнать страну, то это отнюдь не приветствуется. Отпуск у них — обязательно в СССР, а другого времени попросту нет. Правда, у преподавателей есть зимние каникулы, но никто не считал нас вправе использовать каникулы таким способом. Вот и получается, что наши туристы, проводящие в Индии лишь пару недель, видят гораздо больше мест, чем специалисты за пару лет.

КРАСНЫЙ ФОРТ

Фигурку Шивы Натараджа в танце
увидел я на пыльных полках Форта,
в котором население — иностранцы:
юнцы в косичках и старухи в шортах.

Ах, разрушитель Шива! Разрушая,
ты снова этот мир воссоздаешь,
и все это — танцуя и играя...
Какая сладкая и тягостная ложь!

Торгаш обманывал. Богач скупился.
И нищие дрались в зловонной луже.
А разрушитель Натарадж резвился,
от долгой медитации разбужен.

Базар орал. Шумели иностранцы,
бай-сабы брызгая торговой слюной.
И я купил фигурку Шивы в танце,
чтоб увезти из Индии домой.

Дели, 1985.

Я знаю людей, которые за три года вообще нигде в Индии, кроме Дели и своей "точки" не побывали. Иногда это определялось их собственным нежеланием входить в лишние расходы или попросту недостатком любознательности. Но в основном так было из-за того, что наше посольство не поощряло любознательность специалистов, даже если у них появлялась реальная возможность поехать по Индии. В таком положении находились специалисты очень немногих стран, и СССР тут был в не очень славной компании с Албанией, КНДР и Кубой. Трудней всего было объяснить это индийцам: приходилось отговариваться загадочным для них словом "не положено".

Однако нам все-таки удалось повидать несколько индийских городов. Естественно, в результате этого наши "материальные завоевания" оказались гораздо меньше, чем могли бы быть. Но ни я, ни Сережа, ни даже Альбина совершенно не сожалеем об этом. Теперь мы можем совершенно честно сказать, что не только побывали в Индии, но и видели ее. Секрета нет. Просто надо было очень хотеть этого и не скупиться, предпочитая непреходящие ценности материальному благополучию.

Мы дважды побывали в Джайпуре, ездили в Агру, в Бангалор, в Майсур, в Бомбей, были в командировке в Хайдарабаде. Путешествовать по Индии весьма накладно. Расстояния там - не чета европейским. Тут уж, скорее, более подходит сравнение с расстояниями внутри СССР. Поэтому одни дорожные расходы способны были расстроить любой семейный бюджет. Первый раз в Джайпур мы ехали по поводу обратной визы - по приглашению д-ра Чатурведи, как я уже упоминал. Второй раз - по тому же поводу, но уже на специально для нас заказанной машине, что было наградой Альбине за хореографическую мастерскую. В остальные города мы добирались сами, однако часть расходов по поездкам в Агру и Бомбей предоставлялась институтом в награду за созданный мной комплекс учебных пособий.

Мы "испытали" в Индии почти все виды существующего там наземного транспорта, начиная от весьма комфортабельного купе I-го класса AC до велорикши. В купе IAC - санузел, два дивана, трюмо, столик, кондиционер. Всего в вагоне два купе, один проводник и один слуга. Ездили мы и в обычном первом классе - нечто вроде нашего купейного вагона. Сидячий вагон AC понравился нам даже больше, так как там есть кондиционер. Но на большие расстояния сидя ехать очень утомительно. Вагон второго класса похож на наши плацкартные вагоны, только там между верхней и нижней полками - еще одна полка, днем служащая мягкой спинкой для сидящих на нижней полке. Поезда ^и довольно точно следуют расписанию, чего не скажешь об автобусах.

Автобусы, курсирующие между Пилани и Дели, ужасны: там тесно, грязно, шумно, накурено. Когда в автобусе нет мест, пассажиры располагаются на крыше. Автобусы в южной Индии гораздо лучше, там есть даже видеомagnитофоны. Внутригородские автобусы обычно без дверей, так как люди садятся и выпрыгивают из автобуса чаще всего на ходу: шоферы редко останавливают машину полностью. В Дели, где очень много маршрутов, автобусы все равно не спасают. В Бомбее, где гораздо больше весьма вместительных двухэтажных автобусов, их движение организовано лучше. В Бангалоре автобусное движение почти идеальное.

Такси имеют счетчик снаружи - он устанавливается на капоте перед лицом водителя. Иногда таксисты сами называют цену и не включают счетчик вообще. Авторикши делают это намного чаще, а в Хайдарабаде они вообще не пользуются счетчиками. Авторикша - это водитель скутера, то есть трехколесного мотороллера с одним местом впереди /для авторикши/ и другим сзади /обычно для двух пассажиров, но иногда туда втискиваются и четверо/. Есть и велорикши - трехколесные велосипеды с седлом для рикши и сиденьем

для двух пассажиров. Видели мы и рикш, везущих коляску "на своих двоих", но пользоваться их услугами нам запрещало элементарное чувство сострадания.

Несколько слов об индийских гостиницах. Я уже обронил пару фраз, рассказывая о наших первых днях в столичном отеле "Джанпатх", но и огромная ванная комната, и цветной телевизор, и кондиционер, и прочее - это лишь внешние атрибуты роскоши. Настоящая роскошь начиналась тогда, когда дело касалось сервиса. Кофе или чай в номер приносились через 5-10 минут после звонка, коридорный приходил вечером расстелить постель, а утром - застелить ее, положить новое мыло, полотенца и принести газеты. Где бы мы ни жили в Индии, гостиницы различались лишь мебелью и внешним видом, но зато сервис всегда был на высоте. В небольшой джайпурской гостинице, сказав однажды коридорному, что мы будем просыпаться в восемь утра и пить кофе или чай, мы потом буквально страдали от его точности, с которой он ровно в восемь каждый день стучался в дверь и неизменно спрашивал: "чай или кофе?" В принципе, любое уважающее себя заведение в Индии стремится прежде всего к качественному обслуживанию. Это оборудование зависит от имеющихся в наличии средств - сервис должен быть везде одинаково хорош. Конечно, за него надо платить деньги. Но нам никогда не жаль было денег, ибо мы знали, на что их тратим.

XX

Глава УШ

СТРАНА ПРАЗДНИКОВ

Первые два года мы приезжали в Индию накануне восхитительного праздника - Дивали. Я уже немного рассказал о нем. Сейчас же мне хотелось бы дополнить этот рассказ некоторыми сведениями о других праздниках.

Однако сначала несколько слов о том, как нас встретили в Пилани во второй наш приезд. Пока мы жили у Мандке, я готовился читать ускоренный курс русского языка - ведь мы опоздали к началу учебного года на целых два месяца. Нас уже, как видно, почти не ждали. А наш старый коммунист, "верный друг СССР" профессор Банерджи даже высказал предположение, что нас не пускают индийские власти из-за моей принадлежности к КГБ. Этот слух, конечно, очень быстро распространился по Кемпасу. Но профессор Банерджи был неожиданно посрамлен уже самим фактом моего возвращения в Пилани.

Банерджи был одним из первых, кто пришел к нам в первую же неделю нашего знакомства с Пилани. Потом он оказал нам не очень тонкую услугу, пригласив представителей посольства СССР на Неделю советской культуры, о чем я упомянул в пятой главе. Вообще же он никогда не был близок нам. Судя по тому, что он сделал неплохую карьеру в таком отнюдь не "левом" вузе, трудно предположить, что Банерджи проявил как-нибудь свою коммунистическую активность. Возможно, что когда-то он вступил в партию по убеждению, но никогда далее разговоров не шел. От своей принадлежности к КПИ, как мне показалось, он ожидал лишь бесплатной поездки в СССР. Ведь за деньги он мог бы поехать куда угодно - хотя бы в Англию, где живет его старшая дочь /замужем за англи-

чанином/ или в Штаты, где живет его младшая дочь /замужем за американцем/.

Второй коммунист - Муруган Гурусами, или Гуру, как мы его звали, был нам гораздо ближе. Во-первых, после отъезда Кунду в Пилани не ^{ст}сталось ни одного человека, кроме Гуру, кто мог бы общаться с нами по-русски. Во-вторых, он показал себя человеком очень искренним. Когда-то Гуру был членом подпольной левацкой организации в штате Тамилнаду, но после учебы в Москве примкнул к КПИ/м/. Он постоянно был захвачен жадой деятельности и борьбы, всяких вооруженных восстаний и переворотов. Боюсь, он иногда переходил от идей к делу. Вполне возможно, Гуру каким-то образом влиял на описанную мной забастовку студентов. В том же году он организовал кружок по изучению марксизма, но через месяц-другой кружок прекратил свое существование. Муруган понял, что в Пилани просто нет условий для создания коммунистической организации: население слишком забитое и темное, к тому же говорящее на хинди /а Гуру на хинди говорил очень плохо, и даже свой родной тамильский язык уже почти забыл/, а владеющие английским языком студенты и преподаватели слишком далеки от марксизма просто в классовом отношении.

Сын бедняков-тамиллов, Гуру сумел получить образование и мечтал о грамотном и просвещенном народе своей страны. Он, знающий от своих родителей лишь год своего рождения /да и то приблизительно/, прекрасно понимал, что ускорить социальную справедливость необходимо. Даже в БИТН он пытался бороться за права преподавателей и вспомогательного персонала. Он был избран секретарем профсоюза работников института. Однако Гуру слишком откровенно пошел против администрации института, и от него избавились под благовидным предлогом. Нам было очень жаль расставаться с этим немного ~~ф~~збалмошным, но очень неплохим человеком.

Был в БИТН и другой "оппозиционер" директора и его администрации - д-р Джакоб Джордж. Это умнейший человек, великолепный рассказчик, знаток английской литературы. Христианин из штата Керала, он был близок также с Дэвидом Уорке. Его дети - необычайно талантливые люди: сын - прекрасный художник-самоучка, а дочь - великолепный музыкант. Д-р Джакоб Джордж весьма резко выступал против авторитаризма д-ра Митры, директора БИТН, и ратовал за демократизацию института.

"Оппозиционеры" в БИТН были всем так же хорошо известны, как и сторонники администрации. К ним, в частности, принадлежали уже названные мной Джакоб Джордж, Дэвид Уорке, Муруган Гурусамы, а также профессор Куруп. Интересно было наблюдать, как общались представители этих двух группировок. В частности, Гуру и Виджай Мандке, частенько встречавшиеся у нас дома. Конфликтов, конечно же, не было, ^{но} тон беседы непременно становился напряженным. Хотя, наедине со мной, Гуру не раз высоко отзывался о профессиональных качествах Виджая. Виджай же в свою очередь не упускал возможности как-нибудь похвалить Муругана.

Мы постоянно бывали на людях, встречались с представителями обеих группировок, но демонстративно отказывались от пристрастности к той или другой из них. Как настоящие дипломаты, мы были "нейтральны", не вмешивались во внутренние распри института. Может быть, именно поэтому нас уважали представители обоих лагерей.

Поскольку я рассказал об "оппозиционерах", необходимо несколько слов сказать и об их противниках. Кроме Мандке, к лагерю администрации принадлежали профессор Награтх, Баргава, мистер Сен и, конечно, сам директор и его семья.

Я уже знакомил читателя с профессором Награтхом. Остается лишь дополнить портрет несколькими штрихами. Награтх - пожилой, редко улыбающийся, весьма жесткий человек. От своих предшествен-

ников я знал, что он весьма холоден и даже высокомерен с нашими специалистами. По своему опыту знаю, что это не совсем так. Награтх, действительно, совершенно нечувствителен к сувенирам, которые почему-то непременно должны быть вручены "начальству". Зато он прекрасно относится к людям, которые работают по-настоящему, так же, как и он сам. Он успевает заниматься и административной деятельностью, и наукой: Награтх - автор нескольких трудов по электронике. Именно он, узнав от Виджая Мандке о моем согласии поработать над учебником для БИТН, официально предложил мне этим заняться. Именно он, преодолев известную индийскую косность и заручившись поддержкой директора, согласился удовлетворить просьбу студентов об открытии хореографической мастерской под руководством Альбины. Надо сказать, что он постоянно оказывал мне помощь во всем, что касалось практической работы и ее обеспечения. Да и идея о премировании нас за работу тоже была его идеей.

Я не считал, что он просто с выгодой использует наше присутствие в Шилани на благо БИТН. Кстати, и в этом я не вижу ничего плохого: всем бы нашим администраторам вести себя так! Думаю, что это было также и в наших интересах, хоть и никак не отражалось на зарплате. Правда, Награтх не раз спрашивал, можно ли нам заплатить за работу в мастерской и над книгой. Но это могло быть и просто позой, поскольку он, скорее всего, знал, что советским специалистам это не положено.

К третьему году нашего пребывания в Шилани мы уже довольно близко сошлись и с директорской семьей. Ближе всех нам был, конечно, сын директора Амитава Митра, или Баби, как его звали близкие друзья. Баби учился в Америке, а теперь, под крылышком отца, решил работать над диссертацией. Баби рассказывал нам много интересного о Соединенных Штатах, куда он собирался ехать после защиты диссертации.

О самом д-ре Митре я уже рассказывал. Это был один из немногих индийцев, обладающих поистине энциклопедическими познаниями, включая и область западной культуры. Он ценил и любил европейскую классическую музыку, а на новогоднем вечере у Мандже даже показал с Альбиной "высший класс" танго. Его жена, д-р Сандхья Митра, тоже оказалась высокообразованной женщиной. Несмотря на свой возраст она оставалась весьма энергичной и, в отличие от мужа, распространяла свой демократизм даже на периодические обеды в студенческих столовых в окружении студентов. Ее усилиями в БИТН была создана одна из наиболее оснащенных биологических лабораторий в Индии. К нам она иногда приезжала и просто так, и за консультацией — например, как варить русские щи. При этом она непременно вспоминала своих друзей — американских русских.

Семья Митра — бенгальская семья. Эти люди обладают кое-какими отличительными особенностями в сравнении с другими индийцами. Во-первых, бенгалцы — весьма просвещенный народ, можно даже сказать, что этот народ в абсолютном большинстве предпочитает духовные ценности любым другим. В Калькутте, столице Западной Бенгалии, даже с таксистом можно поговорить, например, о романе Горького "Мать". Во-вторых, бенгалцы даже на фоне других индийцев выглядят не очень опрятными. Женщины за разговором могут бросать булочки от конфет прямо на пол, а в пище у них иногда можно увидеть какую-нибудь живность. Так случилось, например, с Олегом Шамановым из посольства СССР: бедный Олег, и без того весьма брезгливый и запуганный посольскими врачами, вообще не прикоснулся к еде и пошел обедать к нам. Пунктуальных индийцев, по-моему, вообще нет. Но бенгалцы выделяются своей непунктуальностью даже среди остальных индийцев. Вообще же семьи бенгалцев — очень гостеприимные: это относится и к Митра, и к Лахири, и к Банерджи. Кроме того, бенгальские женщины чаще всего образованнее других индианок.

Пришлось нам побывать и в гостях у регистратора БИТН мистера Баргавы. К счастью, были мы у него всего один раз. Почему к счастью? Ну посудите сами, приятно ли сидеть за столом с крайне неаккуратным стариком, который может и чавкать, и отрыгиваться в вашем присутствии, и даже издавать другие звуки, отнюдь к столу не подходящие. А после обеда на виду у всех снять и помыть вставную челюсть. Баргава получил от нас с Альбиной желанный сувенир и подарил написанную своей женой брошюрку "Шаги к семейному счастью". Согласно брошюре, Альбина теперь обязана говорить полупотом в присутствии родителей мужа и его самого, а также спрашивать у них разрешения, если надо куда-то выйти из дома.

Почетными преподавателями БИТН являются два выдающихся индийских музыканта - Устад Али Акбар Хан и Рави Шанкар. Они не живут в Пилани, а лишь наезжают туда ненадолго, чтобы дать концерт и провести консультации для музыкально одаренных студентов. Рави Шанкар говорил о музыке так, как о своей любви говорит гениальный поэт. Молодежь часто спрашивала его и о ливерпульской четверке "Битлз", которые брали у него уроки игры на ситар. Оказывается, особенно преуспел в этом Джордж Харрисон. Однако, как считает Рави Шанкар, для того, чтобы по-настоящему оценить ситар, необходимо, чтобы он был основным, а не вспомогательным инструментом. Вообще же он охарактеризовал музыкальных идолов 60-х годов как очень простых и очень талантливых парней.

Весной 1986 года в Пилани неожиданно появилась делегация советских женщин. Приехали две женщины в сопровождении ~~индийской~~ девушки из Комитета индийских женщин. Конечно, нас с Альбиной пригласили на встречу с ними. Оказалось, что их пригласил в Пилани сам Бирла, у которого были какие-то связи с женским движением. Мы показали им дом Бирлы, парк Пачавати, музей и храм в Кемпасе, и разочаровали их тем, что в Пилани мало что могло вызвать их

покупательский интерес. К сожалению, я не записал их имен и не смог выполнить своего обещания — послать в Комитет советских женщин сделанные мной снимки, на которых обе женщины изображены у храма и в парке Панчавати.

Сразу же за их отъездом последовал новый праздник — Холи. По совету Мандке, мы вывесили на двери своего дома записку, гласящую, что мы в Холи не играем и просим приходить завтра. Это было не просто желание, но и весьма дальновидное действие, как мы убедились: в Холи все индийцы обсыпают друг друга цветной пудрой и обливают водой, так что наша одежда вполне могла очень серьезно пострадать.

Но теперь, наконец, о праздниках. Международные праздники, например, 8 марта, 1 мая и даже Новый год, — в Индии не очень популярны. Менее, чем в Европе, распространена традиция отмечать день рождения. Зато традиционные религиозные праздники отмечаются очень широко. Индия — страна многих религий. Этим объясняется огромное количество праздников: вся страна празднует христианские Рождество и Пасху, буддийский "трижды святой день" /т.е. день, когда Гаутама Будда родился, познал истину и умер/, сикхские дни рождения святых, индуские праздники и так далее.

Остановлюсь на наиболее популярных. Кстати, популярность может меняться в зависимости от места: в одном городе или штате популярны одни праздники — в другом популярны другие. В октябрь-ноябре празднуется Дивали — "Гроздь огней". Это праздник в честь супруги бога Вишну — богини семьи и богатства Лакшми. Индийцы зажигают свечи, фонарики и лампы у своих жилищ, а юноши пускают шутихи, взрывают хлопушки и игрушечные бомбы. По одной версии, таким образом они показывают Раме путь домой из изгнания, а по другой — просто стараются, чтобы богиня благополучия и семейного счастья увидела и благословила их.

В январе-феврале празднуется Васант-Панчми, праздник весны. В Пилани в этот день обычно проводятся спортивные состязания в честь богини учебы Сарасвати, спутницы Брахмы. Храм, посвященный ей, в этот день особенно многолюден.

В феврале празднуется Маха Шиваратри, посвященный богу Шиве. В этот день индусы с особым усердием поклоняются священным лингамам - животворящим членам в виде каменных столбиков различных размеров с надетым на них до самого корня йони - олицетворением женского начала. Культ мужской воссоздающей мощи является одним из самых популярных в Индии.

Рама Навами отмечается в марте-апреле. Это праздник в честь одного из воплощений бога Вишну - Рама, героя древнего эпоса "Рамаяна". Этому же богу, но уже в аватаре Кришны, посвящен другой мартовский праздник - Холи. Некий царевич Прахлад, несмотря на козни своей злой тетки Холики, остался верен своему богу Вишну. И бог спас царевича из огня, в котором его задумала сжечь Холика. В результате злая тетка сгорела в костре сама. Вечером перед праздником на костре сжигают чучело Холики, а утром начинается праздник в честь Вишну. В память о его проделках в образе пастушка Кришны, который затем стал героем многих преданий и эпоса "Махабхарата", люди разных каст обсыпают друг друга цветной пудрой и обливаются водой.

В июле-августе чествуют змея Ананту, на котором бог Вишну возлежит между миров Вселенной. Праздник называется Нагпанчми. В этот день самые красивые девушки в праздничной одежде несут змеям в храмы или водоемы угощение - рис и молоко.

На август-сентябрь приходится праздник в честь Ганеша, слоноголового пухленького малыша, олицетворяющего здоровье и благополучие. По преданию, Шива был отвлечен от углубленной медитации своим маленьким сыном Ганешем. Разъяренный Шива отрубил мальчику

голову. Однако жена Шивы, богиня Парвати, сумела смягчить всемогущего бога и упростила его воскресить сына. Шива так и сделал, но, не найдя головы Ганеша, приставил ему голову проходившего мимо слоненка. Во время Ганешвары люди носят фигурки божка к водоемам и топят их там.

Последний популярный праздник - Дассера. Он бывает в сентябре-октябре, за две недели до Дивали. Этот праздник посвящен победе Рамы над царем демонов Раваной. Равана украл у Рамы его жену Ситу, когда они находились в лесу Панчавати. Рама последовал за Раваной и настиг его на Ланке /остров Цейлон/, где состоялась грандиозная битва и добро восторжествовало над злом. В дни Дассеры на площадях устанавливаются огромные чучела демонов, которые затем подвергаются "расстрелу" хлопушками и сжигаются ко всеобщему удовольствию.

Праздники обычно сопровождаются коллективными богослужениями, хотя для того, чтобы следовать дхарме, вовсе не обязательно в них участвовать: достаточно и формальной домашней молитвы. Никаких совместных выпивок индийцы не устраивают.

Индийцы вообще в массе своей почти не пьют спиртного. Многие курят тонизирующую жвачку "пан", составленную из корней и пряностей, завернутых в лист какого-то растения. От пана вся полость рта надолго становится красной. Другие курят "биди" - туго скатанной в виде маленькой сигары лист. Широко распространено употребление наркотиков. Спиртное же не очень популярно. Пьют чаще всего так называемый "кантри ликер" - индийский спиртной напиток, весьма похожий на самогон, но производимый заводами. И лишь небольшая часть - самая верхушка общества - употребляет "индиан мейд фореин" - иностранные напитки, сделанные в Индии. Сюда входит пиво, также крепкие напитки: виски, ром, бренди, водка. Их обычно пьют в разбавленном виде, о чем я уже упоминал.

Несмотря на то, что единственный на весь Пилани "спецмагазин" торгует почти круглосуточно, я видел за три года в Пилани лишь одного пьяного. Да и то, вероятно, было действие наркотика, а не алкоголя. В Кемпасе есть 3-4 маленьких ресторанчика, но ни один из них не торгует спиртным: для этого нужно купить лицензию, а стоит она немало. Поэтому "монополюшка" в Пилани действительно имеет монополию и продает спиртное по совершенно неправдоподобным ценам. Но пьянства нет, пожалуй, не из-за дороговизны: в конце концов, можно было бы обойтись и без магазина, покупая у "подпольных" торговцев "кантри ликер". Однако в Индии просто всегда мало пили, хотя индуизм, в отличие от ислама, не запрещает этого.

Весна 1986 года запомнилась нам не только из-за визита наших соотечественниц и праздника Холи. Очень глубокое впечатление оставило у нас появление в индийском небе знаменитой кометы Галлея. Я уже писал, что нам удалось посмотреть на нее в телескоп с крыши института, и помог нам в этом президент студенческого астрономического общества Шами Джакоб. В марте в Пилани случайно "забрел" некий голландец, с удовольствием принятый студентами БИТИ в качестве гостя. Студенты представили его и нам, и наша беседа продолжилась так долго, что пришлось оставить его ночевать у нас. Мы были рады, что появился человек, с которым можно попить черный кофе, безо всякого там молока. Царень оказался студентом-историком. Он использовал свои студенческие каникулы, чтобы на автобусах /так дешевле/ проехать через всю Европу, а затем через Турцию, Иран, Пакистан и Индию - в Японию, откуда уже на самолете возвратиться в Нидерланды.

Мы говорили с ним не только об истории и Индии: поговорили и о литературе. Я, как мог, перевел ему некоторые свои стихи об Индии, а он почитал мне свои, написанные на английском для какой-то студенческой рок-группы. Встреча была приятной.

КОМЕТА ГАЛЛЕЯ

Мы не спали — не ели:
два часа до рассвета
в телескоп мы глядели
на Галлея комету.

Небо ярко и звонко
и торжественно тихо.
На востоке — ребенка
золотая шутиха.

А в зените бездонном,
жуткой бестией томной —
над чуть видимым домом —
мертвый хвостт Скорпиона.

И Сатурн свою тайну
завивает в колечки,

опустившись случайно
Скорпиону на плечи.

Всё знакомо и сонно.
Будни мрака и света.
Мы же смотрим влюбленно
На Галлея комету.

Золотая шутиха
в темноте проплывает,
не желая нам лиха,
но — добра ли желая?

Как шедевр музыканта,
живописца, поэта,
как явление Таланта —
золотая комета.

Пилани, 1986.

10 апреля мы отмечали день рождения Альбины. Честно говоря, мы никак не ожидали, что у наших индийских друзей есть такая же способность к широким и красивым жестам, которые свойственны нам, русским. Тем не менее Индия продолжала удивлять нас: Мандке пригласили нас к себе, чтобы устроить "парти" /вечеринку/ в честь Альбины. Много приятных слов было сказано в наш адрес в доме Виджая. А участвовавший в вечеринке Баби сказал, что просто теряется - кто же из нас внес больший вклад в пробуждение интереса к СССР в Пилани: я или Альбина. Впрочем, миссис Мандке заявила, что нас будут долго помнить обоих.

К слову сказать, такого рода вечеринки в честь дня рождения человеку, не входящего в семью, - большая редкость в Индии. Тем приятней нам было узнать, что Паримал с помощью служанки Камлы и при "непосредственном участии" самого Виджая приготовили много блюд - индийских, британских, итальянских и прочих. Мне, например, очень понравился томатный суп /уж и не помню, чье это блюдо/, а Альбине - вкуснейшая пицца. И в завершение этого великолепия на стол прибыл пирог, лично изготовленный Паримал. По традиции, Альбина потушила свечи и нарезала пирог кусочками. Наш совершенно неподдельный восторг Мандке приняли как признание своих кулинарных способностей, но абсолютной неожиданностью для нас был вопрос Виджая: он понял наш восторг как свидетельство близости пирога к русской национальной кухне. ~~И~~ Мы были так признательны своим друзьям за внимание, что не стали уверять их в очень отдаленном сходстве их пирога с русским национальным блюдом.

Но удивительное не закончилось на пироге. Мы остались одни с хозяевами, и Виджай мне секрету сказал, что д-р Митра изыскивает способ премировать Альбину за работу в мастерской. Кроме того, к Альбине подошла Камла и вручила ей свой скромный подарок:

это были "простонародные" бусы из каких-то черных камешков. Она не смогла сама объяснить, так как не могла с нами общаться ни на английском, ни на русском. Но Паримал сказала, что в народе жены носят такие бусы в знак вечной верности своему мужу. Альбина, конечно, растрогалась и обняла Камлу, чем весьма ее смутила, поскольку даже у таких демократичных хозяев, как Мандке, подобное панибратство не было принято. Но разве есть место соблюдению условностей, когда два женских сердца вдруг притянуло друг к другу, несмотря на абсолютное отсутствие какого бы то ни было общения. Чудо — оно всегда непредсказуемо.

Но, пожалуй, самым неожиданным стало то, что именно Виджай, а отнюдь не наше посольство, помог мне с оформлением обратной визн. Читатель помнит, что после первого года я ее так и не дождался, наивно полагая, что при всем чудовищном бюрократизме в Индии все-таки уважают иностранцев. Оказалось, что индийские бюрократы, как и наши, родные, не обладают никакими человеческими чувствами за пределами собственной квартиры или машины. На второй год я стал бить тревогу еще с января. Наш шеф в ГКЭС не отвечал мне довольно долго, но потом пришло такое стеснительное письмо, в котором мне объяснялось, что посольство почему-то не вправе добиваться виз для советских граждан. Помню, меня это поразило.

Я, конечно, понимаю, что так защищать интересы своих граждан, как это делает Америка /имеется в виду десант в Иране с целью защиты американского посольства и эрмада американского средиземноморского флота у берегов Ливана с целью защиты горсточки соотечественников/ — не совсем соответствует международным нормам. Зато, наверное, как приятно было той же горсточке американцев узнать, что на защите их жизни и интересов стоит вся военная мощь родины! Нет, это — из области фантастики для страны, привык-

шей жертвовать миллионами своих сынов и дочерей. И пусть говорят, что США лишь используют своих граждан как предлог для вмешательства, что это только повод прикриты политику "большой дубинки". Я ставлю себя на место одного из тех, кого мы называем с присутствием нам презрением к отдельной личности - "поводом" или "предлогом", и не могу избавиться от чувства, что это все равно здорово: знать, что за тобой - не только твои слабые руки и несовершенный мозг, но и могущество твоего Отечества!

Одним словом, мне опять приходилось самому браться за дело. Я объяснил Виджай всю систему прохождения моего прошения, и он, с присущей ему энергией, вызвался мне помочь. Во-первых, мы поехали в Джунджуру, где власти дистрикта показали нам, что письмо давно ушло в Джайпур. Тогда Виджай поступил по-азиатски хитро и по-европейски делово. Суть его идеи заключалась в том, что мне надо ехать в Джайпур, в столицу штата, по визовым делам. Однако по контракту для такой цели транспорт мне не должны были предоставлять. Но ведь существует решение администрации наградить миссис Кирюту за организацию хореографической мастерской! Таким образом, мы не получали от института ни копейки денег, но в наше полное распоряжение предоставлялась машина, шоферу были даны средства на бензин, а в Джайпуре нам уже был оплачен номер в небольшой, но довольно удобной гостинице.

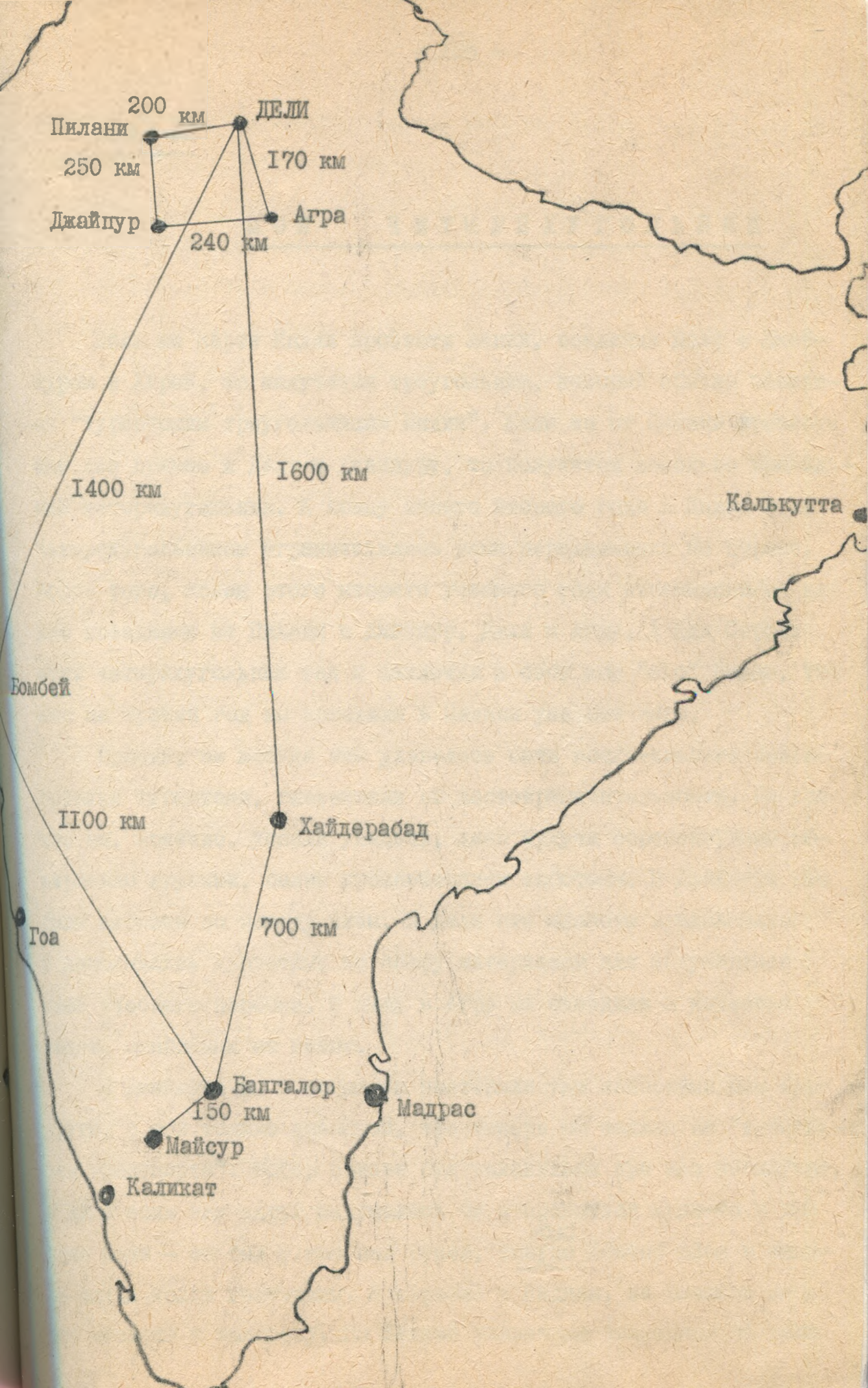
Вот каким образом мы поехали в Джайпур во второй раз. С нами, конечно, был Сережа. Решил проехаться с нами и Виджай. Это было просто великолепно. Дорога была совсем неинтересной, за исключением длительной стоянки посреди пути, когда дорогу переходило огромное стадо "кораблей пустыни" - верблюдов. Они шли неторопясь, величественно вскинув головы, и пересечь этот красновато-коричневый гордый поток было совершенно невозможно.

Приехали в Джайпур мы уже к вечеру. Пока сторож гостиницы

медленно просыпался, медленно приводил в порядок наши два номера, мы стояли около институтского "Амбассадора" и наслаждались прохладой вечера. Валошь, появившаяся в дороге, когда раскаленный ветер врвался в окна автомобиля, постепенно проходила. Но вдруг я увидел вытянутые лица Альбины и Сережи, и их взгляды, прикованные к моему левому плечу. Я поглядел на плечо и машинально смахнул какой-то не то значок, не то лист дерева, покоившийся на ключице... Сказалось, однако, что это не огромный значок и не лист - гигантских размеров летающий таракан! Я даже не успел испугаться, и инстинктивное движение спасло меня от шока. Конечно, эти тараканы совершенно безвредны, но поди поверь этому утверждению, когда у тебя перед глазами такое чудовище.

Впрочем, начало этой второй поездки в Джайпур - особенно встреча с тараканом - обещало какие-то новые впечатления, которых не было в наш первый приезд.

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

200 км
Пилани
250 км
Джайпур
ДЕЛИ
170 км
Агра
240 км

1400 км
1600 км

Калькутта

Бомбей

1100 км
Хаидерабад

Гоа

700 км

Бангалор
150 км
Майсур
Мадрас

Каликат

Глава IX

М О И Ч Е Т Ы Р Е Х У Г О Л Ь Н И К

Если на карте Индии провести линии, соединив Дели с Джайпуром и Агрой, то получится треугольник, который обычно называют "туристским треугольником Индии". Если же от Шилани провести еще две прямые к Дели и Джайпуру, то получится довольно правильный четырехугольник. К концу нашего второго года в Индии этим четырехугольником ограничивались наши передвижения по стране. Более того, конец этого второго учебного года ознаменовался для нас поездками из Шилани в Джайпур, Дели и Агру. А для Сережи этот четырехугольник так и заключил в себе всю "его" Индию, так как на третий год мы приехали в Шилани уже без него.

Правда, не всегда нам удавалось быть всего-навсего беззаботными туристами, глазющими на достопримечательности. Но кое-что мы, конечно, успели увидеть, даже будучи обремененными совершенно другими, более прозаическими заботами. В Джайпуре это были хлопоты по поводу визы. В Дели эти хлопоты продолжились и дополнились хлопотами по сбору материалов для задуманного мной учебного пособия. И лишь в Агру мы съездили в качестве людей, свободных от забот.

В Джайпуре мы в основном повторяли уже известные нам маршруты, с той только разницей, что теперь мы ездили на "собственном транспорте". Шофер обязан был находиться при нас неотлучно, и даже если нам вдруг вздумалось бы отправиться куда-то в три часа ночи — он был у нас под рукой, так ^{как} по обычаю спал в машине или в холле гостиницы. Я спросил у Виджая, не слишком ли это жестоко к человеку. Но Виджай удивленно покосился на меня

и ответил, что это выгодно самому шоферу, потому что ему не надо искать жилье и платить за него.

Наш номер состоял из двух примерно одинаковых комнат, соединенных таким широким проходом, что впору было говорить об одной комнате, а не о двух. В первой комнате стоял диван, на котором спал Сережа, а рядом с диваном — два кресла и журнальный столик. Во второй комнате стояли кровати с тумбочками, а также письменный стол и стулья. Вот и вся мебель. Ко второй комнате примыкала большая ванная с туалетом. Номер Виджая был поменьше и состоял из одной комнаты и ванной.

Поднимались мы обычно рано, пока не так жарко на улице. В дверь стучал тот самый коридорный со своим чаем или кофе, о котором я уже рассказывал. Мы пили чай или кофе в одиночестве, потом проходили в столовую, где кроме нас и Виджая обычно никого не было. Там Виджай заказывал завтрак, предварительно посоветовавшись со мной, и после десяти-пятнадцати минут ожидания мы уже завтракали.

Затем мы ехали либо на осмотр города, либо в министерство внутренних дел штата Раджастан. Что касается министерства, то мои документы никак не обнаруживались. Это продолжалось дня два-три. Но наконец какой-то чиновник, доведенный до отчаяния настойчивостью Виджая, открыл лежащую прямо перед ним папку и предположил, что документы уже ушли в Дели. Он поискал в папке отметки о делах, переправленных в центр, и очень скоро нашел: мое прошение, сопровождаемое письмом администрации БИТН, письмом из полиции дистрикта Джунджуну и письмом из Джайпура ушло в Дели уже в феврале.

Поскольку был уже май, мы поинтересовались, когда же придет ответ из Дели. Однако вразумительного объяснения нам не дали: все, мол зависит от центральных властей. И мы поняли, что теперь

придется добиваться правды только в самом Дели. Виджай утешил меня тем, что сказал: "Главное - знать, где находится документ, а мы это знаем. Теперь наша задача упростилась".

Остаток времени в Джайпуре мы употребили на показ достопримечательностей Сереже и на встречи с родственниками Виджая, проживающими в Джайпуре. Родственниками оказались два молодых врача - муж и жена, которые приняли нас весьма радушно и никак не хотели, чтобы мы ехали ночевать к себе в гостиницу. На другой день мы снова встретились с ними - на этот раз, по просьбе Альбины, они повели нас к своему знакомому ювелиру. Он почему-то определил, что серебро джайпурского кольца Альбины отнюдь не фальшивое, а просто низкопробное, и сделал ей комплимент за выбор камня. Альбина, конечно, была польщена и немедленно решила купить у "своего" ювелира что-нибудь еще. Но денег оказалось маловато, и пришлось ограничиться серебряной цепочкой со священным знаком индусов "ОМ".

Из знаменитых мест мы показали Сереже Дворец Ветров Хава Махал, Обсерваторию Джантар Мантар, Городской дворец махараджи. Там с нами с удовольствием сфотографировались на память стражи у ворот в дом махараджи, но повкольку у нас не было мелочи, чтобы заплатить за эту экзотику, стражи остались нами недовольны. Побывали мы и у храма Солнца - одного из древнейших храмов на территории Раджастана. Наиболее интересной была, конечно, поездка в Амбер Форт. Сережа долго будет вспоминать слонов, на которых надо добираться от шоссе до форта.

Была у нас еще одна интересная встреча. Виджай привел нас к своему знакомому - хозяину книжного магазина, занимающемуся популяризацией и продажей советских книг и периодики. Хозяин был счастлив и подарил Сереже какую-то детскую книжку - правда, на английском языке.

Хотя Сереже повезло, и погода в мае 1986 года была относительно хорошей, мы уставали уже к часу или двум дня. Сравнительно не жарко — это около 37 градусов в тени! Поэтому послеобеденное время мы обычно проводили в гостинице, спали, чтобы вечером совершить еще одну поездку куда-нибудь. Таков был наш второй и последний визит в столицу Раджастана — розовый город Джайпур.

Обратная дорога не была богата событиями. Разве что огромный базар на въезде из Джайпура, где продавались фрукты и овощи со всего штата. Мы остановились, так как Виджай непременно хотел привести своим хотя бы один арбуз. Мы тоже купили арбуз. Индийские арбузы обычно огромны и очень сладки. Белой мякоти в Индии я вообще не видел — все арбузы, попробованные нами, были красными внутри. И, что самое главное, — никаких нитратов и нитритов! Где-то на полпути в Пилани мы увидели стоящий у дороги баньян. Это удивительное дерево, от веток которого вниз спускаются специальные сучья, может занять большую территорию, имея всего один главный ствол. Дело в том, что, спустившись до земли, сучья баньяна врастают в почву и становятся как бы еще дополнительными стволами. При благоприятных условиях из одного баньяна может разрастись целая роща. Виджай также рассказал, что с баньяном в Индии связаны какие-то мрачноватые предания — что-то вроде теней умерших, которые бродят вокруг баньянов.

Я переводил рассказ Виджая и видел, как горели глаза сына. Думаю, что решение взять его с собою на год было правильным. Мы исходили из того, что за один год в одиннадцатилетнем возрасте он не успеет отвыкнуть от коллектива, не станет замыкаться в себе. А это — самое главное в той ситуации, в которой мальчишка оказался в Пилани. За качество обучения мы почти не волновались: у нас были полноценные уроки, домашние задания, и все это — для одного ученика! Не думаю, что он остался без внимания.

Впрочем, были и накладки, как любят выражаться советские бюрократы. Однажды в марте Сережа разбудил нас каким-то сдавленным криком. Выяснилось, что его мучит жесточайшая резь в желудке. Было уже три часа ночи, телефона у нас в коттедже нет, и я принимаю решение бежать в соседний гест-хаус, чтобы позвонить в больницу. Но "скорой помощи" в Чилани нет, да и телефона больницы я не знаю. Тогда я стал звонить Виджаю, чтобы он либо приехал на своем мотоцикле, либо как-то иначе устроил дело. Но телефон Виджая не отвечал: Мандке, конечно, спали.

Тогда пришлось возвращаться в коттедж: сын совершенно пошел, стал бредить, а Альбина с безумными глазами ждала, что я немедленно прекращу ~~свои~~ его страдания, вылечу его, найду волшебное средство. Я понял, что уж кому-кому, а мне паниковать никак нельзя. Быстро вскипятил большой чайник воды, разлил кипяток в бутылки и поставил их в ванной под кран с холодной водой. Через несколько минут почти три литра кипяченой теплой воды были выпиты сыном, и его немедленно стало тошнить. Мы с Альбиной обрадовались и разделились: она осталась около сережиной постели и ~~заставляла~~ ставляла его пить, а я кипятил новую порцию воды, охлаждал ее и приносил ей. К утру Сережа заснул.

То было, конечно же, обычное отравление какой-нибудь нечистой пищей или напитком "Гасна", который готовится из химикатов в порошке и пользуется большой популярностью у детей. Но в Индии любое отравление, даже самое незначительное, грозит бедой и ~~переносится~~ ^{переносится} очень тяжело. Мы нашли верный способ борьбы с отравлением, и нам просто повезло, что мы не впали в панику. А уже после этого случая стала сомневаться, надо ли было брать с собой. Я, хоть и разделял ее беспокойство, но сомнений не испытывал: конечно, не любой ценой, но побывать в Индии — это хорошая школа для парня.

Были и другие издержки. Сережа не сразу смог понять, что в Индии дети не совсем такие, как у нас. Когда он играл во дворе коттеджа, к ограде иногда собирались дети бедняков, пришедшие из Пилани. Грязная одежда и чумазный вид этих ребят вызвали у него такое брезгливое чувство, что даже индийские мальчишки уловили это — несмотря на то, что он никак не выражал своих чувств. Ощущение ущербности и стайный инстинкт пацанов быстро довершили дело, и иногда в Серезу летели из-за ограды камни. Он — надо отдать ему должное — довольно долго не жаловался нам, и лишь когда камень немного поранил ему колено, он расплакался и рассказал все нам. Я увидел, что плачет он не от боли, а от обиды и бессилия: мальчишек всегда было около десятка, а он — один.

Мне пришлось делать то, чего не хотелось делать. Я попросил директора, чтобы стоящие у ворот Кемпаса сторожа либо вообще не пропускали мальчишек в Кемпас, либо следили за их поведением у ограды нашего коттеджа. И "каменные обстрелы" прекратились. Но у Серези уже сложилось отношение к индийским детям, и нам стоило большого труда "свести" его с сыном д-ра Лахири и с сыном Виджая. Через некоторое время у них уже сложились вполне дружеские отношения, что нас, конечно, обрадовало. Такой вот "неклассовый" подход к делу мы обнаружили в Индии.

Я не хочу прослыть ретроградом, но в Индии меня часто не оставляло чувство, что мы можем нормально общаться лишь с представителями высших слоев общества. И дел^о тут, конечно, не только в языке. В конце концов, выучить хинди — не такая уж сложная проблема. Но вся психология простого индийца, весь уклад его жизни, все эти мелкие детали, определяющие его поведение, настолько отличаются от того, что нам близко или просто понятно, что тут я даже затрудняюсь... Вот почему все индийцы в этой книге — из высших слоев общества. Хотя, с другой стороны, я понимаю, что это — недостаток.

К концу второго года в Индии у меня полностью созрел план учебного пособия, и я решил начать с простейших материалов, чтобы посмотреть, как пойдет дело. Прежде всего я обратился к профессору Награтху: мне нужны были машинка с латинским шрифтом, кое-какие канцелярские мелочи и огромное количество стенсилов /особый трафарет, состоящий из листа папиросной бумаги, находящегося под ним листа копрки и самого нижнего листа плотной направляющей бумаги/. Награтх все это мне выдал и даже послал "мальчика", нагруженного всеми этими принадлежностями, ко мне домой.

Теперь вкратце о технике работы. Стенсил закладывается в машинку, причем между плотным листом и копркой помещается обычный чистый лист. После окончания работы над трафаретом на русской машинке я вынимал трафарет из нее и вставлял в машинку с латинским шрифтом, ~~после чего~~ ^{затем} впечатывал пропущенные слова и предложения. Бывало и наоборот - в зависимости от того, какого текста больше на странице - русского или английского. ^{потом} ~~затем~~ из стенсила извлекались копрка и второй экземпляр из-под нее, а остальное шло на барабан, производя такое количество экземпляров, какое нам нужно было. Печатаются стенсилы без ленты - лишь бы сделать углубления в папиросной бумаге.

Таким образом, мне предстояла работа не только над текстом учебника, над справочными материалами, упражнениями и текстами для чтения, но и работа машинистки: кто еще мог бы печатать одновременно на русском и на английском? Но мне необходимы были и кое-какие материалы, которых в Цилани не было. Поэтому мы отправились в Дели, в дом советской культуры, где шефом библиотеки была наша знакомая - Венера Нурматова. Взяв там нужные книги, я решил начать с грамматического справочника: студентам-технарям гораздо ближе знакомство с таблицами, чем с обычным повествовательным и не очень захватывающим текстом.

Как и в первый год, в Дели мы жили в гест-хаусе Делийского университета. Но на этот раз нашей хозяйкой была уже не Галина, а Елена из Ростова. И по сей день мы сохраняем благодарные воспоминания о Лене. Кроме того, что она отличный специалист, гостеприимная хозяйка и большая умница, она еще постоянно удивляла нас своей самоотверженной борьбой за избавление от лишних килограммов. Нельзя сказать, что у многих советских женщин это удастся, но Лена, приехав в Индию таким колобочком, через два года уезжала стройной, подтянутой, помолодевшей и очень красивой женщиной.

Чаще всего нам приходилось бывать в Нью-Дели, где расположены посольство, Дом культуры, школа и прочие нужные нам места. Университет же находится в Старом городе, и ехать туда довольно далеко и долго. Поэтому, когда в Дели приехал Виджай и предложил нам перебраться в Нью-Дели, мы жалели только об одном - о расставании с Леной. В остальном же это предложение нас вполне устроило. Занятия в Цилани уже закончились, стояла середина мая, и до нашего отпуска, до отлета в Союз оставалось еще около месяца. Я мог заняться книгой и одновременно показать Сереже Дели и Агру.

Мы переехали в Нью-Дели, где у Практической Школы Виджая Мандке была так называемая "стейшн"^е. Впрочем, это слишком громкое название: на самом деле это просто дом со внутренним двориком, состоящий из четырех комнат, кухни и подсобных помещений. Живет там некий д-р Арора, заведующий этой самой "стейшн": он занимается делами всех студентов БИТН, проходящих практику в Дели, на самых различных предприятиях. Когда в Дели приезжает начальство в виде Виджая, Арора занимает одну из комнат, предоставляя остальные гостям. Поскольку за дом платит БИТН, это его не угнетает, тем более, что такие наезды не очень часты, и в основном весь дом в распоряжении д-ра Ароры, его жены и детей.

Следует также подчеркнуть, что "стейши" находится в одном из престижных районов Нью-Дели, который называется Ладжпатх Нагар. Здесь рядом - в пяти минутах ходьбы - и большой базар, и - в нескольких минутах езды - Саут-Экстеншн, район богатых магазинов. Гораздо ближе отсюда и до посольства, и до Дома культуры с его библиотекой, и до другого делийского университета - имени Д.Неру. Единственное, чем "стейши" на Ладжпатх Нагар невыгодно отличается от университетского гест-хауса, - это отсутствием кондиционера. А это довольно существенно, если принять во внимание майско-июньскую жару.

Итак, мы стали себе жить да поживать на Ладжпатх Нагар, я работал в библиотеке, намереваясь к приезду Мандке в Дели закончить черновик грамматического справочника. А Виджай, приехав в середине мая, обещал привезти теперь всю свою семью в последних числах месяца. Когда выпадали не очень жаркие деньки, мы выбирались в город, посмотреть достопримечательности Нью-Дели.

О центральной части индийской столицы я уже писал. Но на территории Нью-Дели было еще несколько точек, о которых хотелось бы рассказать. Старый Форт, или Пурана Кила, разрушен настолько, что кроме каких-нибудь романтических поэтических чувств не вызывает у зрителя ничего. Пышный мавзолей императора Хумаюна - один из центров туризма в Дели, и за многолюдностью мы не смогли разглядеть чего-то такого, что нам надолго запомнилось бы.

На южной окраине Нью-Дели находится архитектурный комплекс Кутуб Минар. Там семь веков назад был построен самый высокий минарет Индии. Несмотря на то, Дели существует уже пять тысяч лет, самым древним памятникам города "всего лишь" около двух тысяч лет. Такова, например, знаменитая железная колонна, отлитая в начале нашей эры, но установленная в комплексе Кутуб Минар только семьсот лет назад.

Эта колонна — поистине загадочный памятник: как, не зная современных технических приспособлений, древние индийцы смогли отлить колонну из железа такой дьявольской чистоты? Почему это железо совершенно не подвержено коррозии? Загадочная колонна имеет свою легенду. Согласно этой легенде, человек, сумевший обнять колонну, стоя к ней спиной, вправе ожидать исполнения своих желаний. Сейчас я иногда посматриваю на фото, на котором я запечатлен именно в тот момент, когда совершаю этот "подвиг". Поглядываю — и не теряю надежды на то, что легенда не врет. Кстати, ни Альбина, ни Сережа не смогли обнять колонну, и тогда я предложил им выход, совершенно недоступный индивидуалистам-индийцам: они взялись за руки и таким образом обняли колонну. Пусть им будет одно счастье на двоих!

Побывали мы и в вычурном, помпезном храме Лакшми Нараян, построенном в тридцатых годах на средства всемогущего Бирлы. Это одно из самых больших индуистских сооружений в столице, и его иногда называют также Бирла-храмом. Ничего интересного в храме не оказалось, и лишь позабавил нас мальчишка-заклинатель перед воротами храма. Едва увидев нас, он тут же приоткрыл крышку корзинки и заиграл в свою дудочку. Из корзины медленно, лениво поползла какая-то доходная кобра, еле живая от голода и, по-видимому, давно лишенная смертоносного зуба. Я мгновенно среагировал и сфотографировал паренька с его коброй. Тут мальчишка среагировал не менее быстро и сразу же захлопнул крышку, беззастенчиво стукнув свою скользкую подругу по голове, и протянул руку за гонораром. Я с удовольствием дал ему двухрупиевую бумажку, и он остался доволен таким "экспресс-концертом" змеи.

Делийская средневековая обсерватория Джантар Мантар и по названию, и по своему виду, и даже по имени создателя напомнила нам Джайпур. Новым было лишь то, что она была обсажена пальмами.

ЖЕЛЕЗНАЯ КОЛОННА БЛИЗ МИНАРЕТА КУТУБ

Я давно уже где-то читал о колонне,
из железа отлитой столетья назад.
Хоть приметам я верить нисколько не склонен,
но об этой колонне вот что говорят:
коль обнимешь колонну, к ней стоя спиною,
то исполнится точно желанье твое,
но зато ни за что не свершится такое,
если ты, попытавшись, не обнимешь ее.

Я достаточно гибок в суставах и планах,
и, приметам не веря, загадал себе я:
коль рука за колонною руку достанет —
пусть, колонна, откроется тайна твоя!

Над тобою уж двадцать веков прошумело,
но железо твое — чище нет и нежней —
никогда, никогда, никогда не ржавело,
словно золото или надежды людей.

И едва мои руки сошлись за колонной,
я постиг всю премудрость, я тайну узнал:
не ржавеет она от надежд и от стонов
тех, кто двадцать веков ее здесь обнимал!

Дели, 1986.

Еще одна живность встретила нас на Ладжпатх Нагар: там по улицам старик водил гималайского медведя, которого и предложил нам накормить. Сережа с восторгом дал мишке конфетку, а я дал старику несколько монет.

Но наконец приехали Мандке, заняли еще одну комнату, потеснив д-ра Арору, и мы решили сходить куда-нибудь поужинать. Однако это нам не удалось, потому что у Паримал с дороги разболелась голова, и пришлось ограничиться домашним ужином. На следующий день решено было с раннего утра отправиться в Агру, на свидание со знаменитым Тадж Махалом.

Неподалеку от Ладжпатх Нагар есть станция железной дороги, через которую проходит экспресс на Агру. Именно на эту станцию мы и приехали утром на двух скутерах-авторикшах. Взять билет не составило проблемы, и уже в 8.00 мы мчались в экспрессе к Агре - бывшей столице могольских императоров. Так как поездка не была долгой, мы взяли места в сидячем вагоне. И уже в вагоне увидели сервис, о котором нам приходится пока только мечтать. Начать с того, что не успевшим утром позавтракать был предложен завтрак: проводник разнес по вагону пластиковые подносы с пластиковой же крышкой, в которых были сделаны углубления для различных блюд: для риса, специй, бобов, еще чего-то... Мы, конечно, не отказались попробовать индийскую "казенную" кухню. Показалось вкусно. Единственное, о чем нам пришлось просить, так это о ложках и вилках. Но все это было нам тут же принесено.

Позавтракав, мы решили было понаблюдать за местностью через окно. Но это удалось сделать лишь детям и женщинам, поскольку Виджай тут же нашел какую-то тему для разговора, и мне пришлось беседовать с ним до самой Агры. Виджай сказал, что собирается завтра повести меня в офис министерства, занимающийся визами для иностранцев. Я безо всякой надежды согласился.

Уже подъезжая к Агре, мы услышали, что по вагону ходит некто, приглашающий на экскурсию "от поезда до поезда". Гарантируется знакомство с городом, окрестностями, Тадж Махалом, а также сразу же выдаются билеты на обратный экспресс до Дели вечером того же дня. Мы выбрали экскурсию в кондиционированном автобусе, с англоязычным гидом, и этот самый некто выдал нам квитанции на экскурсию и обед в ресторане, а также билеты на поезд Агра-Дели. Таким образом, еще только подъезжая к Агре, мы уже были устроены на ближайшие несколько часов.

На привокзальной площади Агры стояли несколько автобусов. Мы предоставили Виджаю право найти наш и с удовольствием расположились в прохладном салоне. Автобус был заполнен чуть более половины, но вошел гид и заявил, что время экскурсии жестко ограничено рамками железнодорожного расписания, так что он просит всех экскурсантов не мешкать ни на объектах, ни за обеденным столом, ни в кресле автобуса. Мне это сразу же понравилось. Затем гид объявил, что сначала мы направимся в пригороды Агры, в мертвый город Фатехпур Сикри, затем возвращаемся в город, обедаем в ресторане и едем к Тадж Махалу, после чего несколько минут нам даются на посещение эмпориума, где мы сможем купить себе сувениры на память.

Автобус тронулся, и за стеклами прохладного салона поплыли пыльные, грязные, многолюдные и жаркие улицы Агры. Город, который мы видели только из окна автобуса, не оставил о себе особенно приятных воспоминаний. Он показался мне самым грязным из всех индийских городов. Впрочем, не буду судить лишь по однодневной экскурсии — просто я пишу о том, что мне вспоминается. Мы ехали довольно долго, пока не прибыли в Фатехпур Сикри, или мертвый город, как его часто называют.

✓ Когда-то ^{иМ} один из императоров государства Великих Моголов решил заложить новый город и сделать его своей столицей. Город был построен довольно быстро, но прошло совсем мало времени, и он опустел. Столицы из него не получилось, потому что в колодцах города совсем не осталось воды. Так и стоит Фатехпур Сикри, совершенно целый, не разрушенный войнами или пожарами, но совершенно мертвый. Лишь туристы оживляют его мертвую скуку камня. А туристов довольно много: архитектура мертвого города, действительно, достойна внимания.

Причудливые башни и башенки, похожие на шатры, пятиэтажные здания из колонн, абсолютно без стен, прекрасно обработанный камень-песчаник, стеклянно-мраморный белый мавзолей... Да, Фатехпур Сикри мертв только как жилой комплекс. Живая жизнь великого искусства старых мастеров уверенно дышит нам в лицо горячим дыханием раскаленного камня.

✓ Обратная дорога в город, как нам показалось, заняла гораздо меньше времени, чем дорога в Фатехпур Сикри. Впрочем, это чувство несоответствия времени, занимаемого дорогой в неизвестное, и времени на обратную дорогу, наверняка знакомо не одному мне. Я рад, что Фатехпур Сикри теперь вышел для меня из мрака неизвестности, и дорога от мертвого города теперь всегда будет короче, чем дорога в любой незнакомый мне город.

Нас подвезли к отличному ресторану, и экскурсанты во главе с гидом дружно вывалились из автобуса. Гид уже успел приучить своих подопечных к пунктуальности. Как это ему удалось, интересно? Но Виджай и Паримал сделали нам знак не спешить с выходом. Когда же все вышли, Паримал открыла свою сумку, и там оказался неплохой /для жаркого сезона/ обед. Индийцы не стесняются экономить, даже если занимают видный пост. Так что талоны на обед нам не понадобились.

После обеда нас повезли в Агра Форт. Этот форт, с необычайно мощными стенами, узкими бойницами и прекрасными дворцами внутри, очень хорошо сохранился. Его история связана прежде всего с судьбой могольского императора Шах Джахана. Этот знаменитый просветитель, много средств отдавший на строительство самых знаменитых сейчас сооружений "туристского треугольника Индии", известен как инициатор постройки Красного Форта в Дели, Форта в Агре, Тадж Махала и Павлиньего трона.

Из всех этих шедевров лишь Павлиний трон, выполненный из драгоценных пород дерева с инкрустацией из драгоценных камней, не дошел до нас - говорят, погиб у берегов Южной Африки, когда англичане пытались вывезти его в Лондон, но попали в страшную бурю у Мыса Доброй Надежды. Остальные шедевры напоминают нам о судьбе самого императора. Шах-Джахан очень любил свою жену Мумтаз, которая родила ему четырнадцать детей. Ее смерть, несмотря на отнюдь не девичий возраст царя, повергла императора в такую горе, что он решил выстроить для Мумтаз ~~мавзолей~~ мавзолей, равного которому нет и не будет нигде на Земле. И он выполнил это свое решение: был построен беломраморный Тадж Махал, до сих пор высящийся на берегу реки Джамны /или Ямуны/. А там, за Ямуной, на другом берегу, Шах Джахан задумал построить точно такой же мавзолей для себя, но уже из черного мрамора.

Дерзкой и красивой мечте императора не суждено было осуществиться. Сын императора, царевич Аурангзеб, лишил отца власти и заточил во дворце Форта. Единственное, о чем просил сына Шах Джахан, было его желание жить в той комнате, с балкона которой виден стоящий вдалеке мавзолей любимой жены - Тадж Махал. Аурангзеб сжалился над отцом и позволил. Шах Джахан, по легенде, так и умер, сидя на балконе и глядя на Тадж Махал. Сын похоронил его рядом с Мумтаз ~~мавзолей~~ - в мавзолее Тадж Махал, где отец, наконец, соединился с женой.

В Агра Форте мы, конечно, побывали в исторической комнате, последнем земном жилище великого императора, откуда, действительно, виден белеющий вдалеке Тадж Махал. Не могу передать своего чувства, но то, что еще не видел Тадж Махал вблизи, мы увидели его из такого скорбного и вместе с тем одухотворенного места, как-то необычайно сильно меня поразило. Гид уже торопил нас к автобусу, а мы все любовались Тадж Махалом с балкона дворца. Правда, это не помешало Альбине запечатлеть нас с сыном, присевших на скамью, сделанную из глыбы черного метеорита. За нашими спинами виднелся все тот же Тадж Махал, к которому мы и направились прямо из Форта.

Я мало что могу добавить к тому, что восторженные путешественники всех веков и народов сказали о Тадж Махале. Меня просто поразило чувство императора к уже немолодой /вспомним - все-таки четырнадцать детей!/ жене и тот факт, что и сам он навеки упокоился в том же мавзолее. Что можно сказать нового о Соборе Парижской Богоматери, о Парфеноне, о церкви Покрова на Нерли? Вот и о Тадж Махале... Скажу лишь, что для меня этот мавзолей - не только символ несравненного совершенства архитектурных форм, но и символ бессмертия любви и верности. Пусть это была даже любовь царя, пусть это была даже верность по отношению к немолодой спутнице жизни - так ли это все важно? Важней всего, что бессмертный Тадж Махал обессмертил не только гений зодчего, но и красоту любви и верности. Кстати говоря, долгое время шли споры - кто же был зодчим мавзолея. Назывались имена французов, итальянцев и персов, которых, якобы, приглашал Шах Джахан. Но сейчас все чаще в индийских источниках утверждается, что мавзолей был построен по индийскому проекту, и руководили стройкой индийцы. Не знаю - так ли это важно? Важней всего то, что безымянный мастер, имевший плоть, избавился от нее, дав плоть бесплотному - любви и гению.

ШАХ-ДЖАХАН

С тех пор, как сын лишил меня престола
и жить заставил в крепости моей,
вокруг меня все пусто, грязно, голо,
и я не вижу смысла моих дней.

Не трона жаль: Аллах мне власть доверил,
и Он же отнял — что же тут роптать?
Но я пытался сам, не лицемера,
на этом свете что-нибудь создать.

И я мечтал о паре Тадж-Махалов,
но был построен мной лишь один.
Как это мало, как безмерно мало, —
неужто ты не понимаешь, сын?

Вокруг меня все пусто, голо, грязно,
и я не вижу смысла дней моих...

Один лишь вид — как между будней праздник,
когда мой взгляд спокоен, добр и тих,

один лишь вид из крепости унылой
изгнанник трона сам себе избрал...

Мои глаза навек на нем застыли
и видят только белый Тадж-Махал.

Так и уйду из жизни, созерцая
созданье не Аллаха, но свое.
Всё в жизни тлен — лишь Красота сияет,
коль возведешь ты зданье для нее!

Агра, 1986.

Вводя в повествовательную ткань стихи, я вовсе не претендую на признание моего поэтического дарования. Считаю, что стихи могут дать какие-то дополнительные штрихи к тем образам Индии, которые являются предметом изображения. Кроме того, многое из того, что здесь воссоздается в моем повествовании, воссоздается по памяти, тогда как стихи зачастую писались под непосредственным впечатлением, а это тоже важно.

Не могу в одной главе совмещать поразительную красоту Тадж Махала и поразительный мир индийских чиновников и бюрократов. Поэтому закончу пока на лирической ноте: мы ехали обратно в Дели, переполненные самими священными чувствами — чувствами гордости за гения человека, способный создавать шедевры, подобные Тадж Махалу. Впрочем, нет! Подобных ему шедевров просто нет. На следующий день мне "грозил" поход с Виджаем в офис, к индийским чиновникам. Но я старался не думать об этом...

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

ТАДЖ-МАХАЛ

На берегу Ямуны - белый факел
любви бессмертной, верности живой.
Сюда приходят, чтоб увидеть знаки,
оставленные Вечностью самой.

Кому поставлен памятник, кто зодчий -
перс из Ширази, итальянец или француз?
А может, двадцать тысяч тех рабочих,
что на плечах несли той стройки груз?

Не ты ль, Мумтаз-царица, - этот мрамор?
Ты Шах-Джахану всех была милей,
хоть не была ты юной, скажем прямо,
родив ему четырнадцать детей.

Но что любовь покорная царицы
и мастерство строителя - пред тем,
что белым факелом нам светит в лица,
принадлежа одновременно всем?

О памятник Любви! - не Шах-Джахана,
но всех по силе чувства равных с ним!
Гори, восторг, гори, святая драма
Любви и Верности под куполом одним!

Агра, 1986.

Глава X

П Р И Т Я Ж Е Н И Е И Н Д И И

После волшебной сказки Тадж Махала, после чудесной колонны и сноровистого малыша-заклинателя — кто может сказать, что я был не очарован Индией? И сейчас не в счет все то, что я когда-то дома читал об этой стране. У нас публиковалось далеко не все, что могло бы дать полное представление о нашем великом соседе. Не секрет, что наше представление об Индии во многом зависело от беспроблемно-гладких сообщений советской прессы. Господствовало мнение, что об Индии и ее правительстве следует давать в основном позитивную информацию. Стидливые заметки о нищете, безграмотности и забастовках в Индии обычно приглаживались патетическими уверениями, что правительство дружественной Индии "делает все возможное", "обеспечивает неуклонный прогресс" и так далее.

Один индийский коммунист с обидой говорил мне, что советские люди почти ничего не знают о тяжелейших внутренних проблемах Индии, так как наши средства массовой информации постоянно твердят лишь о "нашем великом соседе и друге" и о страстной любви индийского народа к СССР. Ничего не известно было о крутых мерах, принятых Индирой Ганди, граничащих с установлением диктатуры. Благополучно получивший власть по наследству сын Индиры точно так же по наследству получил нашу симпатию и поддержку. О сложнейших неурядицах в кабинете нынешнего премьера Раджива Ганди⁺ и о коррупции в верхних эшелонах власти — молчок.

⁺ К моменту переработки чернового варианта книги у власти уже находился бывший соратник Ганди — В.П.Сингх.

Да и страстная любовь индийского народа к СССР — тоже еще должна быть увидена. И что такое индийский народ? "Прогрессивная общественность"? Бедняки? Богачи? Если говорить о большинстве, то я, честно говоря, не замечал в Индии никакой страстной любви. Это как раз тот случай из практики "застойных" лет, когда частное выдавалось за общее, а желаемое — за действительное. На самом же неимущие видели в нас не братьев по классу или представителей великой социалистической страны, а просто "белых", от которых можно ждать подаячки. Имущие же заявляли, что наш коммунизм — утопия, а дружит с нами лишь правительство Индии.

Да, нельзя стричь всех индийцев под одну гребенку. Это у нас, благодаря казарменному социализму, выведена такая порода — "мы все, как один". В Индии такого нет и никогда не будет, несмотря на пророчества Маркса. Но ведь это же правда, что у нас воспитали чувство глубокой симпатии к Индии, и мы действительно, все, как один, симпатизируем великому народу-соседу. Есть такие люди и в Индии. Многие там понимают, что Советский Союз никогда — даже в период самой страшной во мире диктатуры — никогда не был врагом своего южного соседа.

Обе наши страны сейчас как бы в строительных лесах: идет глубокая перестройка здания, спроектированного неправильно. И теперь особенно важно честно и откровенно сказать обо всем, что мы увидели и узнали в Индии. Даже если я в чем-то не прав — любая информация об Индии очень нужна нашему народу. Слишком дорога нам Индия, чтобы по-старому подходить к отношениям с ней. Мы просто обязаны видеть в этом громадном калейдоскопе людей, идей и событий все маленькие и большие колесики, приводящие в движение гигантский механизм, имя которому — Индия.

Перестройка уже началась в Москве, а наше посольство в Дели все еще не жило под ласкающими лучами застоя.

Мне почему-то постоянно казалось, что наши дипломаты недостаточно активно защищают интересы своей страны, ведут с индийцами дела по-старинке, как с "апатичной азиатской страной", тогда как в Индии давно уже созрели другие силы, появились динамичные и гибкие деятели, с которыми СССР почему-то не ведет диалога, предпочитая излюбленную "преемственность" в лице насквозь коррумпированного Индийского национального конгресса и его лидера с такой привычной нам фамилией Ганди.

А между тем даже мне, отнюдь не политику, было видно, что партийно-государственная бюрократия Индии все больше теряет поддержку народа. Индира Ганди, как вспоминают многие индийцы, пробовала бороться с коррупцией в среде партийно-государственной бюрократии, но далеко уйти ~~ни~~ в этом направлении так и не смогла. Сейчас же создается впечатление, что правительство не только не способно бороться с бюрократами, но и вообще не желает делать этого. В самом Конгрессе в период нашей жизни в Индии назрел глубокий кризис. Рабочий президент партии К.Трипатки, пользующийся огромным уважением в стране, был вынужден отказаться от политической деятельности. Даже кузен премьер-министра, Арун Неру, сейчас "не в фаворе". Влиятельный министр финансов В.П. Сингх был ^епер_аброшен на министерство обороны, когда оказалось, что он расследует финансовые махинации некоторых друзей премьера. А затем и вовсе был удален из правительства.⁺

В прессе появлялись материалы о том, что некоторые индийские политики держат свои капиталы почему-то не в индийских, а в швейцарских банках. Я понимаю, когда так поступает горячо любимый у нас индийский актер Амитабх Баччан, но когда это делает близкий друг Раджива, член индийского парламента Амитабх Баччан,

⁺ В настоящее время, с ноября 1989 г., - премьер-министр Индии.

это по меньшей мере странно. Очень большой шум вызвала сделка правительства с одной шведской фирмой, продающей оружие.

Но почему-то именно эти люди вызывают уважение нашего посольства, почему-то именно с ними хотят иметь дело наши посольские во главе с послом /теперь уже бывшим/. Когда я говорю так, обычно многие удивляются: о чем это ты? Да ведь состояние советско-индийских отношений прекрасное, а партия Ганди все-таки у власти. Еще раз повторяю: я не специалист, чтобы заявлять о чем-либо безапелляционно. Однако уже сама парадоксальность моих суждений при так называемом "прекрасном" состоянии индо-советских отношений, казалось, бы, могла вызвать какой-то интерес.

Нет, это никого не интересовало. Наши посольские - люди высокопрофессиональные. Я бы сказал даже - наследственно профессиональные. Еще со времен Генуэзской конференции они носят свои галстуки гордо и неподкупно, как своеобразный знак принадлежности к особому клану. Если где-нибудь в Дели вы увидите страстно торгующегося человека в галстуке, надетом даже на сорочку с короткими рукавами - смело подходите и говорите по-русски. Не ошибетесь: больше в галстуках там никто не ходит.

Об отношении посольских к специалистам, работающим в Индии, я уже немного писал ранее. Совершенно нам непонятное высокомерие по отношению к соотечественникам, однако, сочетается со слишком "демократическим" подходом к контактам с индийскими торговцами. Правда, это характерно было и для некоторых наших специалистов. Но такое разграничение трудно понять. Наши коллеги рассказывали однажды, что их здорово "отбрили" посольские, когда они попытались воспользоваться автобусом, везущим женскую половину городка на один из делийских маркетов. С другой стороны, с индийскими торговцами мужчины из посольства говорят мягкими, бархатными голосами, которых у них никогда не бывает в рабочем кабинете.

Их жены умильно улыбаются и с удовольствием позволяют торговцам надевать на них одежду и разглаживать ее в разных местах. Никто не возмущается: за это торговец может сделать скидку. Особенно это характерно для находящегося в районе Чанакьяпури маркета "Яшвант-Шлейс".

Но этот маркет - один из дорогих. А как прекрасны наши ценные работники на самых дешевых ренках Дели! Они с удовольствием роются в кучах тряпья на Вини-маркете, где товар вываливается прямо на землю.

С другой стороны, они весьма замкнуты: никогда нигде не едят и не пьют, боятся инфекции. Разве что в самых шикарных ресторанах - но только за счет посольства. Пьют только кипяченую воду, ибо дезинфекцию проводить нечем. Как я уже писал, наше посольство подало другим оригинальный пример - не продает в своем магазине спиртное. Кстати, этим актом косвенно было подтверждено, что продававшаяся в Индии контрабандная водка - отнюдь не всегда контрабандный товар: иногда она служила кое-кому и средством наживы.

Многие индийцы, зачем-либо обращавшиеся в посольство СССР, жаловались, что встречали там самый махровый бюрократизм, волокиту, неумение быстро и четко решать вопросы, а иногда и пренебрежение. С особенным неудовольствием встречались индийцы, обратившиеся в посольство по собственной инициативе. Это не приветствовалось: а от какой вы организации? а кто вас рекомендует? а почему вы обращаетесь к нам в обход своего правительства? А ведь это только у нас гражданин - непременно "представитель" чего-либо. В ~~стальном~~ стальном мире как-то обходятся иногда и личными контактами, и граждане представляют прежде всего самих себя. Но посмотрите, кто, например, пользуется "режимом наибольшего благоприятствования" при въезде в СССР на учебу или с другими

целями? Прежде всего индийские бюрократы и члены их семей, а затем уже представители организаций и бизнесмены. Не знаю, как формировалась индийская делегация на фестиваль молодежи в Москве, но известно, что большая часть делегации воспользовалась бесплатным проездом до Москвы и обратно отнюдь не для участия в фестивале, а для того, чтобы из Москвы наведаться в Западную Европу - оттуда это ближе и дешевле. А тем временем сколько действительно интересных, полезных людей, искренне заинтересованных в контактах с Советским Союзом, так и не смогли к нам приехать!

Городок СССР в районе Чанакьяпури частенько был "закрыт". Это означало, что в него нельзя входить, а выходить очень трудно. Случалось это по самым разным поводам. Я не стану вспоминать сейчас действительно серьезные причины, как, например, чрезвычайное положение в Дели после убийства Индиры Ганди. Но иногда было так: где-то за пять километров от посольства разорвется "террористическая" бомба - "мы закрыты"; годовщина афганских событий 1979 года - "мы закрыты"; ожидается демонстрация против шведских концернов - "мы закрыты". Это стало любимой фразой посольских. Очень удобно - меньше беспокойства за безопасность сотрудников, да и сотрудники меньше отлучаются в город. Но как бы мы не оказались закрыты и от самой Индии!

К сожалению, к этим критическим замечкам придется добавить и несколько слов о наших специалистах - не только преподавателях - приехавших в Индию в кратковременную или долгосрочную командировку. Многие из них с удовольствием отбывали из Индии в компании с нашими преподавателями по простой причине: у преподавателей, следующих группой, всегда оставался неиспользованный бесплатный дополнительный вес. Вес считался суммарный - по всей группе. Вот к таким группам и присоединялись специалисты - инженеры, ученые и другие - у которых вес был избыточный.

xxx

xxx

xxx

Я звезд таких не видел никогда
в тех городах, чьим светом я отмечен.
А тут пожалуйста: простые, как вода,
безмолвные и яркие, как свечи.

Созвездия танцуют старый вальс,
кружатся надо мной, как танцевали
над динозаврами... и как мне, право, жаль,
что я ничем не лучше древних тварей!

Мне некогда и голову задрать,
и посмотреть на звезды долгим взглядом,
и лучше, проще, чище, выше стать,
освободившись от забот и яда...

Пилани, 1986.

Не говорить о плохом недопустимо. Чего греха таить, Индия и ныне для многих наших людей - все та же тайна за семью печатями. И повинны в этом прежде всего "стыдливая пресса" недавних лет и те люди, которые, находясь в Индии, больше работали на самих себя, чем на свою страну. А ведь Индия необычайно ценна для нас!

Начиная с Афанасия Никитина, русские люди ощущали на себе неослабевающее притяжение далекой сказочной страны. Есть немало попыток искренне понять душу этого края, навести мосты между двумя великими народами. Но совершенно недопустимо просто объявить, что Индия - наш друг, и успокоиться на этом. Прежде всего, не следует смешивать то, что мы называем народной любовью, и то, что в Индии соответствует ей. Да, у себя мы можем найти сколько угодно примеров уважения к Индии и ее народу. Но ведь это у нас, где все население, худо-бедно, но грамотно, где каждый человек изучал Индию хотя бы в школе, где нет никакой антииндийской пропаганды.

В Индии все по-другому. Знаменитые "хинди-русси бхай-бхай!", то есть "инди-советская дружба и братство" годится лишь для лозунгов. Большая часть индийцев не имеет никакого представления об СССР, и если и знает что-нибудь о коммунизме, то относится к нему с подозрением, поскольку коммунисты не отвергают насилие. О дружеских чувствах нашего народа эта часть индийцев информирована очень мало. Да и традиционная замкнутость индийского сознания лишь на своей стране мало способствует интересу к чему-то далекому. Другая часть индийцев информирована об СССР с избытком, но эта обильная информация обычно поступает с Запада, поскольку нашей прессе с ее вечным супероптимистичным тоном давно уже перестали доверять. Эта часть населения к коммунизму относится враждебно, а чувства нашего народа воспринимает как проявление геопол-

литических интересов "империи зла".

Но есть и люди, искренне заинтересованные в развитии дружеских и деловых связей между нашими странами. Сейчас, с перестройкой в СССР и с изменениями в характере советской прессы, а особенно в связи с мирными инициативами Советского Союза и со значительным улучшением в области прав человека, таких друзей нашей страны становится все больше и больше. Не следует забывать и тех, кому просто нужно подать больше объективной информации об СССР, очищенной от антисоветизма. Да и у нас настало время более объективно осрещать все индийские проблемы.

А их - множество. Уровень жизни беднейших слоев населения крайне низок. Мне приходилось уже рассказывать о крайней отсталости многих районов страны. И дело не только в отсутствии там электричества. Страшный бич Индии - разорение крестьянства и нищета городских "низов". Добавьте к этому ужасающую безграмотность и вы получите весьма неприглядную картину.

Разоряясь, крестьяне толпами идут в города, где большинство из них обречено на голодное или полуголодное существование. Множество людей в городах вообще не имеет крыши над головой. Другие живут в лачугах, которым не позавидовал бы даже человек из каменного века. Эти несчастные пополняют и без того огромную армию нищих на улицах индийских городов. Иногда нищих объединяет какой-нибудь местный "мафиози", и тогда те гроши, которые доброхотные туристы подают полуодетым детям или тощим женщинам с младенцами на руках, попадают к "шефу", а нищим достается лишь крошка на обед да две крошки на ужин. Сами индийцы подают своим нищим очень редко.

Очень серьезна проблема перенаселенности. При нынешних темпах прироста населения и абсолютной беспомощности правительственной политики контроля над рождаемостью Индия в недалеком будущем

может стать самой населенной страной в мире, обойдя даже Китай. Уже сейчас в Индии живет больше людей, чем в Северной и Южной Америке, вместе взятых, ~~или~~^и гораздо больше, чем в Африке.

Правительство вырабатывает меры, принимает решения, но нищета, безграмотность и безработица все равно растут. Не бывает так, чтоб и волки были сыты, и овцы целы, - говорят индийские коммунисты. Правительство же Конгресса, похоже, хочет именно этого. А что же классовая борьба? Безусловно, существует в Индии и рабочий класс, но он крайне ослаблен постоянным притоком в его ряды отсталого крестьянства, которое все еще находится под сильнейшим влиянием тысячелетних предрассудков. Плохую службу сослужил и раскол коммунистического движения: существуют две компартии, КПи и КПи/м/. Несмотря на то, что коммунисты Индии все чаще выступают единым фронтом, их разделение на две партии сохраняется до сих пор.

До сих пор не решена в Индии и языковая проблема. Только по конституции страны там более десятка официальных языков, совершенно непохожих друг на друга. Очень остро стоит вопрос о языке межнационального общения. Такими языками признаны хинди и английский. Однако очень отчетливо ощущается оппозиция "хиндизации" государственного аппарата. Языковые конфликты весьма остры и не раз приводили даже к кровопролитию.

Язык хинди - родной язык для трети жителей Индии, а около половины владеет им в достаточной мере. Английским владеет еще меньшее количество людей. Так что, например, к жителям островов в Индийском океане премьер-министр Раджив Ганди обращался по-английски через переводчика. Боюсь, некоторые слои в СССР хотят добиться того же: чтобы глава государства у нас обращался к гражданам СССР через переводчика. Кроме того, на хинди почти не существует научной литературы, да и общий уровень развития этого

языка — отнюдь не самый высокий. Хиндиязычные народы находятся еще в состоянии консолидации, и язык имеет множество диалектов, существенно отличающихся друг от друга.

Межобщинная вражда, религиозные распри — пожалуй, центральная проблема. В основном наблюдается незатухающий конфликт между сикхами и государством в Пенджабе, вспыхивающий время от времени конфликт между мусульманами и индусами и более мелкие конфликты на национальных "окраинах" Индии. Мы были свидетелями мусульманско-индусского конфликта в Майсуре, о чем я еще сообщу далее. А в июне 1987 г. еще более масштабные беспорядки вспыхнули между теми же общинами в Мератхе близ Дели. Затем они, подобно пожару, перекинулись и на саму столицу.

А терроризм, связанный то с чисто политическими аспектами жизни страны, то носящий религиозно-общинный характер? Одно время мы даже опасались ездить из Пилани в Дели, потому что на автовокзале в столице прокатилась целая серия взрывов: террористы оставляли в автобусах мины, закамуфлированные под транзисторные радиоприемники. А в том же июне 1987 г. двое террористов свободно разъезжали по Дели на мотоцикле, на ходу стреляя в прохожих без разбора. Они так и не были задержаны, хотя на их совести жизни десятка людей. Осенью 1986 г. на премьер-министра было совершено почти анекдотическое покушение. Стрелявший в него из самопала полусумасшедший крестьянин промажнулся. Но смешно, конечно, не это. Крестьянин после выстрела был с большим трудом обнаружен и обезврежен. С трудом — не из-за особой опасности преступника, а из-за полной неспособности полиции и ГБ обеспечить безопасность даже премьер-министра.

К более мелким проблемам Индии можно отнести бесконечные дразги в парламенте, связанные с очередными разоблачениями по части коррупции. Решать бы парламентариям другие вопросы!

Конечно, коррупция - дело неприятное, даже отвратительное. Но у меня иногда появлялось чувство, что оппозиция борется с кабинетом Р.Ганди только ради власти. Естественно, это субъективное мнение, и я могу ошибаться. Да и сам кабинет, честно говоря, не вызывал у меня такого энтузиазма, как у нашего правительства. Правда, существуют общепринятые международные нормы и этикет, и согласно этим нормам я не вижу ничего плохого в контактах СССР даже с ЮАР, скажем, или с Израилем. Но вопрос не в поведении правительства, а в общем тоне высказываний как политиков, так и средств массовой информации.

Мы часто читаем о нехорошем поведении израильской военщины на оккупированных территориях, о противозаконных действиях США в различных регионах земного шара. Но как-то сдержанно и скупо проникает в нашу печать негативная информация из так называемых "дружественных" стран. Мне же кажется, что объективность должна быть во всем. Не следует гласность делать неким "орудием классовой борьбы".

Тем более, что вовсе не обязательно сглаживать углы и осветлять темные стороны, когда речь идет о таком колоссальном феномене, как Индия. Ее притяжение не зависит от правительств и общественных формаций. Это как бы трансцендентальное притяжение - вечный зов Духа, Мудрости, Красоты. Наша западная цивилизация /я имею в виду европейскую, в отличие от восточной цивилизации/, если, конечно, мы можем себя с полным правом к ней себя причислять, построена на некоторых христианских идеях, весьма близких к восточной мудрости индийцев. Но нас характеризует также примат материального, практического, сущего, коллективного. А ведь человек не может развиваться однобоко. Я не верю, что нам совсем чуждо и нечто идеальное, духовное, недосказанное, сугубо личное. И если это нам не чуждо, то мы всегда будем ощущать притяжение Индии.

Но разве только это? Разве только духовные богатства, накопленные Индией, привлекают наши взоры и помыслы? Ведь не надо забывать, что Индия - одна из десяти наиболее мощных экономически развитых стран мира. Достижения Индии в сельском хозяйстве в последнее время просто поражают: страна, вынужденная еще недавно ввозить продовольствие, чтобы победить голод, теперь обеспечивает себя полностью. Другое дело, конечно, что распределяется продовольствие без учета социальной справедливости. Есть и другие достижения - в науке, в промышленности. Индия выпускает сейчас высокотехнологичную электронику, компьютеры, имеет на околоземной орбите спутники, запущенные с помощью СССР и США. И, наконец, это самая крупная демократическая страна в мире: ~~если не считать постепенно демократизирующийся Китай~~, Индия обладает уже солидным опытом демократического развития, смены правительств, парламентской борьбы /со всеми ее издержками/, и здесь тоже может послужить примером для тех стран, которые только выходят на путь демократии и парламентаризма. Кстати говоря, в Азии не так уж много истинно демократических государств, а в Индии никогда не было диктатуры.

Многое в индийской культуре, в образе жизни индийцев, в их национальном характере, в поведении каждого конкретного индийца настолько далеко от того, что привычно представителям западной цивилизации /тут я снова употребляю весьма спорный термин и причисляю нас к Западу, в противоположность азиатскому Востоку/, что это вызывает у нас не только неприятие, но протест или даже презрение. И совершенно напрасно. Еще раз повторяю: это не просто другой народ - это иная цивилизация. И наша нетерпимость, более всего характерная для неинтеллигентного в своем большинстве народа, не позволяет нам обогатиться нравственно и духовно. Индеец же настолько индивидуалистичен, что чаще всего весьма терпим.

А поскольку терпимость к иному мнению, образу жизни и поведению является одним из главнейших признаков интеллигентности, то получается парадокс: безграмотное в своей массе население Индии более интеллигентно, чем народ нашей страны. Из таких вот парадоксов и складывается, на мой взгляд, основа наших взаимоотношений с Индией. Мы мерим своими мерками, мы требуем от иной культуры того, что ей чуждо, вместо того, чтобы подойти с пониманием, попытаться понять, встать на "их" точку зрения...

Уже тогда, когда мы находились в Индии, появились первые признаки нового подхода к развитию советско-индийских отношений. Я имею в виду первый визит в Индию М.С.Горбачева в 1986 г. Несмотря на краткость, визит оставил у многих индийцев неизгладимое впечатление. Пишу так не по инерции былых времен, когда визиты наших марзматических лидеров неизменно и повсеместно вызвали беспредельное восхищение и "глубокое удовлетворение". Пишу как объективный свидетель. На этот раз иного мнения просто быть не могло. Перед индийской общественностью не просто предстал совершенно новый тип советского руководителя - динамичный, интеллигентный, полный сил и обаяния, способный и остроумно пошутить, и колко ответить на двусмысленный вопрос. Но было и большее: индийцам была предложена качественно новая политика, основывающаяся на таком близком им понятии ненасилия. Декларация, подписанная в Дели Горбачевым и Ганди, обладает значением никак не меньшим, чем документы, подписанные лидерами СССР и США.

Что же касается личности нашего нового лидера, то, признаюсь, мне было приятно, когда в дни визита Горбачева в Индию профессор БИТН подходил ко мне, хватал вдруг мою руку и тряс ее со словами: "Ваш лидер - это как раз то, что нужно такой стране, как Россия. Поздравляем!" И я совершенно искренне благодарил их и соглашался.

Какое мужество должен иметь лидер-коммунист, чтобы заговорить вдруг о ненасилии! Коммунистическая идеология, полная призывов к ниспровержениям, отрицающая саму возможность существования совершенно иных цивилизаций и абсолютно иных путей общественного развития и провозглашающая единое, под копирку, будущее для всех народов Земли, призывающая пролетариев всех стран соединяться и разделяющая людей по классовому принципу - эта идеология наконец не станет оказывать влияния на международные отношения. Деидеологизация внешней политики - явления, сравнимое с созданием Объединенных Наций в 1945 г.

Таким образом, к концу нашего пребывания в Индии стали намечаться новые пути развития советско-индийских отношений. Очень большое значение имел фестиваль дружбы, проведенный в 1987/88 гг. Целый год в Индии проводился фестиваль советской культуры, а в СССР - фестиваль индийской культуры. Его значение трудно переоценить. Это как раз тот путь, по которому надо идти, чтобы сблизить, наконец, не только правительства, но и наши народы. Правительства могут поссориться, но если дружат народы - межгосударственный конфликт становится почти невозможен.

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

Глава XI

В Г О С Т Я Х У М Е Ч Т Ы

Однако пора вернуться к нашим баранам, как говаривал сатирик. Мы взвились в эмпирей, едва успев посетить Агру и великолепный Тадж Махал, даже не успев познакомиться с великолепными бюрократами из министерства внутренних дел Индии. Пора исправить эту ошибку.

Итак, возвратившись из Агры, мы решили на следующий же день отправиться в офис по визам для иностранцев. Наутро мы поехали туда, предварительно пригласив с нами также некоего Арджуна Бадлани, бывшего студента БИТН, а ныне работника Практической Школы в Дели. Зачем понадобился Арджун, мне было пока неизвестно. Но очень скоро я понял: меня необходимо было сопровождать, а Виджай должен был непременно быть на совещании у министра.

И вот мы с его подчиненным торжественно появляемся в офисе. Я докладываю начальнику ситуацию с моей визой и убедительно прошу выдать мне визу. Начальник очень слагосклонно отвечает мне, что он ничего не имеет против выдачи мне визы, но подобными делами не может заниматься, поскольку у него нет никаких документов. Я утверждаю, что документы уже давно ушли из Джунджуру в Джайпур, а оттуда — направлены в Дели. Начальник сладко улыбается и разводит руками: ну, что, мол поделаешь! И добавляет, что министерство снимет с него голову за незаконную выдачу виз. Ведь этим должен заниматься дистрикт. Вот получит он документы, даст "добро" и пошлет вниз по инстанции.

На протяжении всего этого милого разговора Арджун почему-то молчал. Я, по правде говоря, стал уже поглядывать на него с

неприятно. На кой черт, простите, Виджай дал мне в помощники этого немого? Но, оказывается, решение вопроса только начиналось. Выйдя из офиса, Арджун спокойно сказал, что сейчас он отвезет меня прямо в министерство внутренних дел.

Я подумал было, что мне надо там пожаловаться на бюрократов из Джунджуна, Джайпура и делийского офиса. Но Арджун спокойно возразил, что жаловаться ни на кого не надо - надо только изложить суть дела и не упоминать, что мы уже были в офисе. Так я и сделал. Какой-то высокий чиновник министерства расплылся в улыбке и спросил у Арджуна, не является ли он работником того института, в котором я якобы работаю. Арджун подобострастно подтвердил и, преданно глядя на дядю, подал ему бумажку, в которой значилось, что такой-то является профессором БИТН. Чиновник еще более радостно осклабился и сказал, что никаких проблем нет. Чуть отсупая в сторону, замечу в скобках, что выражение "ноу проблем" - одно из самых любимых в Индии. Его знают там даже те, кто не говорит по-английски.

Арджун попросил его поглядеть, есть ли документы на меня. Чиновник сделал по телефону распоряжение и попросил подождать несколько минут. Арджун не стал ждать и сообщил, что сам он - тоже работник БИТН, который ведет кое-какие дела в Дели, имеет свою контору и так далее. Очень преданно глядя прямо в глаза чиновнику, он сказал, что мог бы быть ему полезен в случае необходимости. Чиновник подумал и важно покивал головой /естественно, покачивая ею на манер нашего отрицания, как читатель, наверное, помнит/. Тогда Арджун подал ему свою визитную карточку и попросил его визитку. Чиновник важно подал свою визитку, и тут же зазвонил телефон. Выяснилось, что документы, конечно, пришли, но сам чиновник ничего не может сделать: это компетенция специального офиса, который находится там-то и там-то.

Когда мы вышли, у меня было такое чувство, что все тщетно, а сам Арджун — всего лишь лизоблюд и собиратель клиентов для своей конторы. Поэтому я с ним и говорить не хотел. Однако Арджу опять очень спокойно заметил: пусть, мол, теперь попробуют нам отказать в офисе! Но в офисе нам немедленно и очень любезно отказали, как только я заявил, что мы побывали в министерстве, там не имеют ничего против, и офис должен выдать мне визу, так как документы вроде бы в порядке.

И совсем было отчаялся, но начальник офиса обещал поторопить своих подчиненных с отправкой документов обратно по инстанциям, чтобы уже через какой-нибудь месячишко виза была у меня в кармане. Тогда-то, наконец, и вступил в действие мастер бюрократической интриги Арджун. Он сказал, что мне нужно уезжать еще раньше, и потом ждать визн в Москве так долго, что придется опять опоздать к началу учебного года. Начальник понимающе мотал головой, не ожидая, что Арджун вводит в бой "тяжелую артиллерию": мой спутник нежно заявил, что сам чиновник министерства просит начальника сделать для меня исключения ввиду крайней ценности V меня для дела образования Индии. Тут он патристически возвышенно повернул голову к национальному флагу Индии, висевшему на стене и показал ненароком визитную карточку чиновника.

Ну, да что там говорить! Уже через пятнадцать минут в моем паспорте и паспорте Альбины красовался штамп "возвратная виза" с пустым местом для дат: даты я мог проставлять сам, по своему желанию. Имеются в виду дата выезда из Индии и срок действия визы. Вся эта операция, конечно, возмутила меня. Но и восхитила тоже. Подумать только, сколько ненужных действий надо предпринять для достижения в общем-то мизерной цели! А мастерство Арджуна, вне всякого сомнения, было виртуозным.

Я с удовольствием согласился побывать у Арджуна дома. Он

выстроил себе великолепный дом в восточной части Дели, в районе Бэнк Энклав. У него очень милая и образованная жена и двое детей Арджун и потом несколько раз встречался с нами, и мы даже как-то раз ночевали у него, так что наша встреча по "бюрократическим делам" дала мне возможность познакомиться еще с одним интересным человеком.

✓ Решив вопрос ^с визами, мы возвратились в Пилани, где я очень быстро отпечатал на машинке весь грамматический справочник. Мало того, за какую-то неделю его успели уже и размножить, и сброшюровать, а я, уезжая домой, смог увезти пару экземпляров своего труда. Прибыв в Дели, мы ожидали даты вылета уже в гостинице ИКЭС. С нами были наши таллин^нские друзья, но они остановились в "Джанпатхе", так как решили больше не возвращаться в Индию. А по контракту, как я уже упоминал, при окончательном отъезде преподаватели живут в отеле за счет индийского министерства образования. Мы поехали с ними по Дели, показали им некоторые интересные места, так как знали уже индийскую столицу довольно хорошо. Встречались мы и с Арджуном Бадлани.

✓ Наши таллин^нские коллеги опять рассказывали нам о своих встречах со Святославом Рёрихом, дразня мое воображение уже одной возможностью таких встреч. Они сдружились с жившими поблизости от Бангалора - в Каликате - свердловчанами Юрой и Юлей. Оказывается, Юра и Юля за год раз пять не поленились перенести девятичасовую тряску на автобусе из Каликата в Бангалор для того, чтобы встретиться с великим художником и мыслителем.

✓ Мы покидали Индию всего на полтора-два месяца, а таллин^нцы прощались с ней совсем. Надо сказать, что я не видел у них особой печали по этому поводу. Так же, как и у нашего Сережи, которым мы решили больше не рисковать. Конечно, ему жаль было расставаться с нами еще на один год, но уж лучше ждать нас дома.

xxx

xxx

xxx

Как скорпион, пробравшийся в наш дом,
ночь пряталась в углах, весь день лежала,
чтобы напасть на нас потом,
вонзить отравленное жало.

Она обрушится тоскливой духотой,
тяжелым запахом жасмина,
когда ты станешь сам не свой,
и станет всё тебе едино.

И переварит тебя ночь в своем
огромном чреве — жарком, душном...
И вдоль стены крадется скорпион,
и гильотиной пахнет от подушки...

Сидим безвольно, безучастно, и глядим
без тени страха вновь на скорпиона,
а ночь, как агарбати пряный дым,
качает нас на грани сна и стона.

Пилани, 1987.

С такой перспективой на ближайшее будущее мы и прибыли в Москву. Тут мы решили немного задержаться, поскольку нам хотелось купить кое-что в "Березке", благо чеки мы получили довольно быстро. Мы купили одежду для сына, магнитофон и некоторые другие мелочи и, нагруженные сувенирами и покупками, приехали в Запорожье. Тут нас ждали некоторые испытания.

Ну, во-первых, нам сообщили, что теперь в Союзе иногда публикуется такое, чего раньше "ни в жисть" не опубликовали бы. И мы своими глазами увидели, что это действительно так. Состав правительства и высшие органы партийного аппарата меняли свой состав с обнадеживающей быстротой. Или разговоры об "ускорении". Правда, я понимал ускорение как быстрые темпы демократизации, поскольку в экономике можно было ускорять только полный развал. Как это, в общем-то, и произошло.

Во-вторых, невероятно выросли очереди и список дефицита. Я уж и не знал, что с приездом домой мы будем так раздражаться, стоя в очереди. Нас избаловала Индия: к хорошему привыкаешь быстрее, чем к плохому. И поэтому мы даже представить себе не могли, что покупка самых простых вещей требует нервов и времени. Больше же всего нас уязвило не то, что продавцы, кассиры, технички и другие строят из себя начальство и невероятно грубят, а то, что в сберкассе, где мы хотели заплатить за квартиру, нам пришлось ждать не менее часа. Это не укладывалось в голове: мы хотим не взять, а отдать государству деньги, государство же заставляет нас стоять и терпеливо ждать своей очереди. Ну, ей-Богу, все могу понять, даже дефицит. Только это почти умышленное унижение — очереди за недефицитным товаром или в кассу с квартплатой — никак до сих пор понять не могу.

Мы пробыли в Запорожье чуть больше полутора месяцев, и уже в первых числах августа приехали в Москву. В Индию мы летели с

нашими друзьями—свердловчанами, Юрой и Юлей. Ребята еще в Москве стали приглашать нас к себе в гости, в Каликат. А оттуда, как известно, всего девять часов до Бангалора, да еще на пути в Бангалору находится город Майсур. Таким образом, говорил Кра, мы сможем показать вам и штат Керала /г.Каликат/, и самые интересные города штата Карнатака — Бангалор и Майсур. Мы, конечно, приглашали их к себе в Раджастан, но все эти приглашения казались нам только обычными выражениями дружбы.

В аэропорту Шереметьево-П, проходя досмотр, мы были удивлены необычной его строгостью. Наш чемодан, например, несколько раз пропускали через "телевизор", а затем предложили его раскрыть. Мы раскрыли, но ничего криминального таможенная девушка так и не нашла. Она спросила, не везем ли мы какой-нибудь ценной цепочки. Цепочки мы не везли, но на альбином платье оказались декоративные цепочки на карманах, о чем Альбина и сказала таможенному стражу в юбке. Та облегченно вздохнула и дала нам добро на вылет. Интересно, как мы "проскочили" досмотр с этим же платьем, когда въезжали в Союз? Ведь тогда никаких эксцессов с цепочками не было. И вот через полтора месяца зоркость таможни значительно повысилась.

Впрочем, и тогда, при въезде, у нас произошел казус. Наш шеф в Дели дал мне письмо своим друзьям, которое я должен был просто бросить в ящик в Москве. Конверт он, как назло, заклеил. И вот таможенник в Москве, спросив у меня, везу ли я обратно советские деньги /а я имел право вывезти 90 рублей — по 30 на каждого въезжающего/, увидел в моем бумажнике не только 90 руб. в полной сохранности, но и какое-то письмо. Он сказал, что письмо провозить не положено и потребовал вскрыть письмо, что я и сделал. О содержании письма я ничего не знал, а таможенник, читая, уже делал довольно гадкое лицо. Он спросил, везу ли я ко-

жаные вещи. У нас было два кожаных плаща - мой и Альбинин. Так я и ответил, поскольку это было гораздо меньше той нормы, которая установлена была для кожи. Но таможенник сказал, что ему придется задержать наши плащи, так как мы везем их не для себя, а это не положено. Мы так и обомлели. В письме, действительно, было написано, что ребята привезут два плаща и оставят их по такому-то московскому адресу. Те, кому письмо было адресовано, должны приехать в Москву и получить плащи. Нам показалось, что это какое-то дьявольское наваждение, но таможенник, к счастью, заметил, что в письме указаны размеры 52 и 54, а ребята названы не нашими именами. Он проверил размеры: у нас были 48 и 46. Это-то и спасло наши плащи от неминуемой "экспроприации".

На этот раз все тоже обошлось нормально. Только у Юры изъяли третью бутылку водки - на двоих положено только две. Облегченные таким образом, мы уехали, поминая наших таможенников не очень добрыми словами.

В Дели, в ИКЭС, я сразу же спросил у шефа, что же такое с письмом. Он посмеялся и ответил, что плащи для его челябинских знакомых он переслал с другими моими коллегами, а письмо им отдать забыл. Вот он и попросил нас опустить это письмо в Москве, с тем, чтобы его друзья приехали к его матери в Москву и забрали плащи. Чепуха, конечно, ничего серьезного, но и это стоило нам нервов.

В гостинице ИКЭС в августе 1986 г. собралась довольно большая компания наших коллег, многих из которых я не видел с того памятного октября 1984 г., когда мы впервые ступили на индийскую землю. Там были москвичи Саша и Наташа, свердловчане Юра и Юля, москвичка Валентина и новички - ленинградцы Сергей и Ольга. Мы довольно тепло встретились, но уже через пару дней по очереди разъехались, причем с клятвенными обещаниями писать друг другу.

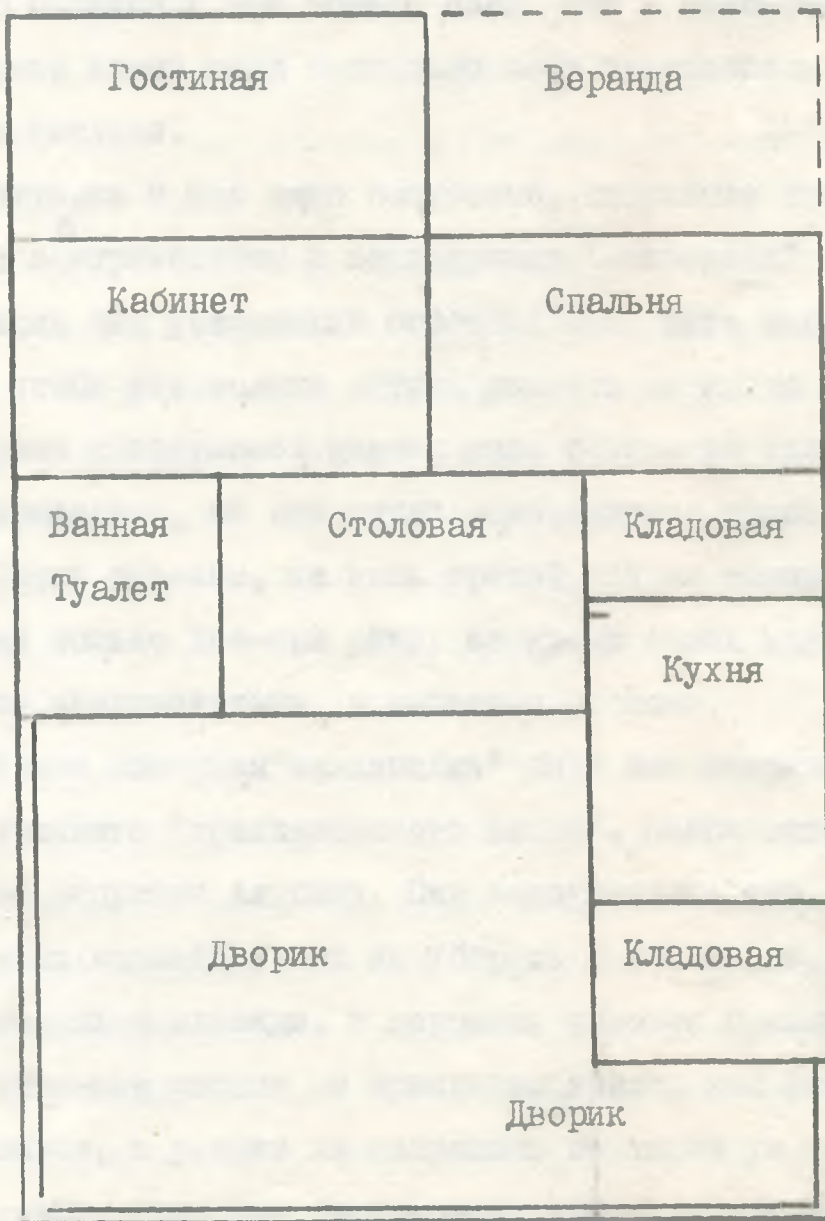
Пришла и наша очередь уезжать в Пилани, куда я направил телеграмму с просьбой встретить нас на железнодорожной станции Лохару. Шеф на этот раз с удовольствием отвез нас в Старый Дели. Не могу не отметить, что на третий год этот совершенно далекий от филологии и вообще от гуманитарных вопросов человек как-то потеплел к нам, стал чаще писать, даже "зауважал" нас за описанную нами акцию "возвратные визы". Его жена, в отличие от него, не скрывала своих дружеских чувств к нам и иногда говорила, что шеф даже ставил нас с Альбиной в пример другим нашим коллегам.

Мы благополучно погрузились в поезд, благополучно доехали до Лохару, а там нас уже ждала институтская машина. Мы с Альбиной смеялись: с каждым годом мы все ближе подходим к тому, что должно было быть исходным пунктом. Ведь, если читатель помнит, именно так мы должны были добраться до Пилани в первый же год. Но мы учились на собственных ошибках и приобретали при этом бесценный опыт. Если подумать, то, может быть, наше знакомство с Индией и не было бы таким близким, если бы все шло как по маслу, и мы были бы застрахованы от неожиданностей. Но, с другой стороны, ведь мы были присланы туда не изучать и наблюдать, а преподавать, и не более того.

Машина нас доставила в Пилани, в Кемпас, но почему-то не в наш коттедж, а к дому Мандке. Нас встречали Виджай и Паримал, радостно сообщая, что нам выделили другой коттедж поблизости от их дома. Вообще-то и прежде расстояние было нам не помехой, хоть мы жили на двух противоположных концах Кемпаса. На велосипеде это приблизительно семь минут одному и минут десять - с Альбиной в качестве пассажира. Теперь же наши дома разделял только один коттедж, и пешком можно было дойти за пару минут. Но дело было не в расстоянии, а в моей просьбе, о которой я писал в главе III. Но этот профессорский коттедж опять не успели приготовить, и мы

дня три жили, как и год назад, у Мандке. Впрочем, они были очень рады этому, а нам было удосно руководить ремонтом нашего нового жилья, не въезжая пока в коттедж.

Коттедж представлял собой прямоугольник, ограниченный стенами дома и забором двора, а сам дворик был пустой квадратной площадкой за домом, засеяной травой. Дом - прямоугольный, с небольшой верандой /фасад/ и пристройкой для кухни и кладовой сзади. Поскольку такая планировка весьма характерна для современной индийской архитектуры коттеджей, привожу примерный план.

Масштаб приблизительно 1:100

Новый коттедж был, конечно, гораздо удобней старого: здесь было пять комнат /гостиная, столовая, спальня, кабинет и кладовая комната, примыкающая к кухне/, кроме того, была довольно приличная кухня, ванная с туалетом и веранда под общей с домом крышей. Правилось нам и то, что задний дворик был обнесен высокой стеной, соединяющейся с домом — там мы могли спокойно отдыхать и даже загорать, скрытые от посторонних взглядов. Комнаты были гораздо меньше прежних, и поэтому охлаждались быстрее. Этому способствовали и не такие высокие потолки, как в старом доме. Правда, кондиционер остался у нас только один, как и было раньше. И поэтому в жаркое время года нормально себя чувствовать можно было только в спальне.

Было в этом коттедже и еще одно новшество, спасавшее нас во время перебоев с электр^ечеством и последующих "безводных" часов. На крыше коттеджа был установлен огромный бак, куда сначала поступала вода, чтобы уже только оттуда попасть на кухню или в ванную. Бак во время непрерывной подачи воды оставался полным, а когда подача прекращалась, мы еще могли пользоваться водой почти целый день. Таким образом, за весь третий год мы оставались совсем без воды только два-три раза, во время самых крупных поломок — да и то не энергосистемы, а насосной системы.

Естественно, такая обширная "жилая площадь" была нам непривычна даже после нашего прежнего "средневекового замка". Количество комнат поначалу даже испугало Альбину. Она недоумевала: что, мол, мы будем делать в этих комнатах, как их убирать и так далее. Однако, как я уже обмолвился однажды, к хорошему человек привыкает быстро. Уже через один-два месяца мы прекрасно знали, как использовать каждую из комнат, и уборка их оказалась не таким уж трудным делом. Другой вопрос стал нас беспокоить: как мы после этого привыкнем снова к нашей однокомнатной квартирке?

А между тем мы продолжали работать. Альбина решила начать занятия в мастерской лишь со второго семестра, мне же никто, конечно, такого права дать не мог. Я с головой ушел в работу над учебником, намереваясь закончить его вчерне /основную часть/ к весне следующего года, нашего последнего года в Шилани. Занятия со студентами не занимали у меня много времени, и оставалось его еще достаточно для работы со справочной, методической и теоретической литературой, для набросков к учебнику и прикидок принципов, по которым следует построить книгу. Иногда работа занимала меня настолько, что я просиживал в своем институтском кабинете часов пять, а потом еще столько же времени сидел в домашнем кабинете. По существу, весь мой день был рабочим, за исключением немногих часов для отдыха, сна и приема пищи.

Но так, конечно, было не каждую неделю. Иногда я вдруг на несколько дней охладевал к учебнику и работал над ним лишь по два-три часа в день, насильно приковывая самого себя к столу. А бывало и так, что я по два-три дня и вовсе не мог себя заставить работать. В целом же такой характер труда меня вполне устраивал. В Дели мы стали ездить реже, поскольку отпала необходимость возить туда Сережу. Ездили лишь за мясным провиантом — на пару-тройку дней, не больше.

Стали чаще принимать у себя студентов. Кемпас для нас немногочислен: уехали Анжан и Людмила Кунду, Омвир и Рину Чаудри, Муруган Гурусами, Дэвид Уорке и некоторые другие наши знакомые. Правда, остались Мандже, Чатурведи, Джакоб Джордж, но из них постоянные контакты мы поддерживали лишь с семьей Мандже. Почти каждый день мы проводили у них час или два, сидя перед телевизором /а надо сказать, что Альбина серьезно страдала от отсутствия ТВ/ и болтая о том — о сем. Со студентами же у нас наладился прекрасный контакт. У нас каждую неделю бывало не меньше четырех посетителей — моих и Альбининых студентов.

✓ Чаше других у нас бывали мои ребята - Джасвиндер Сингх^а Савита Айя, Прабха, и прочие. Был среди них и некий внук бывшего раджи, то есть принц. Принц отличался невосприимчивостью к языкам, но и веселым и добродушным нравом. Однажды он, узнав, что Альбина /в отличие от меня/ - большая любительница рыбы, притащил две здоровенные рыбины и собственноручно очистил их от чешуи на нашем заднем дворе. Затем он сделал распоряжения, как надо готовить рыбу, и лишь за столом сообщил нам, рискуя заставить нас подавиться костью, что он "секретно" изловил рыбу в священном пруду, посвященном Шиве, где ловля рыбы строгайше запрещена.

Мы регулярно получали письма от наших свердловских друзей из Кералы. Они расписывали красоты этого южноиндийского штата и приглашали в свой город Каликат, известный как первый город, куда ступила нога европейца-завоевателя. По-моему, это был португалец Васко да Гама. Ко всему прочему, они соблазняли нас возможностью побывать в Бангалоре и навестить Рериха. Это, честно говоря, была очень серьезная приманка. И мы стали настаивать в ответных письмах, чтобы такая встреча состоялась прежде всего, а уж потом - все остальное...

Я со студенческой скамьи был поклонником искусства Николая Рериха. Много слышал и читал также и о его сыне Святославе Николаевиче. Еще в 1973 году в одной из областных газет был помещен большой очерк студента филфака Сергея Кирюты "У человека одна Родина", посвященный великому русскому композитору Игорю Стравинскому. Потом я послал в газету очерки о других деятелях русского искусства, но редакция, очевидно, сочла, что одного очерка об эмигрантах /Стравинский эмигрировал в 1916 г./ для газеты достаточно, и статья о Н.Рерихе "не прошла". Забраковали, кстати, и статью о моем нынешнем "кумире" Петре Яковлевиче Чаадаеве, хотя он и не был эмигрантом.

С тех пор мечта о встрече с Рёрихом — пусть сыном, а не отцом — стала своеобразной "идеей фикс" — навязчивой идеей вашего покорного слуги. Понимая всю ее несообразность, весь волюнтаризм, так сказать, я ничего не мог поделать с собой: мне представлялось, что мы беседуем с седовласым Святославом Рёрихом, что я читаю ему свои стихи, что он их одобряет... Если говорить совершенно честно, этого мне хотелось даже больше, чем увидеть свои стихотворные опусы опубликованными в самых престижных советских изданиях. Признание Рёриха стоило для меня гораздо больше, чем признание "специалистов" по поэзии наших "толстых" журналов.

И — представьте себе — наверное, недаром я так нежно обнимал железную колонну в делийском комплексе Кутуб-Минар. Я побывал в гостях у своей мечты! Меня и Альбину целых пять часов принимал в своей бангалорской резиденции Святослав Николаевич Рёрих. Для того, чтобы вкратце описать эту встречу, я даже специально выбьюсь из ритма повествования, забегу вперед, опережу время. Ибо разве может время властвовать над нами, когда мы встречаем на своем пути человеческий гений, окутанный тайной и поражающий всех простотой и сложностью одновременно?

Нас встретил индеец-служка, спросил наши имена. Юра и Юля стали бить себя в грудь, надеясь, что он узнает их. Но служка еще раз переспросил имена и ненадолго исчез. Потом провел нас через сад и двор в дом, где нас уже встречал, наверное, самый великий из ныне живущих на Земле художников. Святослав Николаевич был в просторной сине-зеленой рубашке навыпуск, одновременно напоминавшей и индийское "кхади", и русскую толстовку. Совершенно сед, крепок в кости. Движения плавные, но точные и уверенные — никакой старости. Борода клинышком, острый взгляд из-под густых нависших бровей. Чем-то напоминает портреты Чайковского, еще больше — своего отца, но в то же время — совершенно своеобразен.

В ГОСТЯХ У ПЕРИХА

Скажите, кто я? Говорите всё:
веселое, хорошее, худое.

Скажите даже, мол, ни то - ни сё,
но все-таки скажите, кто я?

Я верю в проник^емость души
и в проникательность чужого взгляда.
Скажите - все ответы хороши -
пусть будет мед в них или же досада.

Скажите... впрочем, что за мысль!
Я догадался. Прочь с души оковы!
Но неужель возможно - зная жизнь,
чтоб Вы не знали, мастер, - кто Вы!

Бангалор, 1986.

Мы пили прекрасный душистый чай, ели изумительные пирожные домашнего приготовления. Потом долго гуляли по саду, где Святослав Николаевич разрешил нам пофотографировать себя. Вернувшись в дом, мы снова фотографировали, причем мне показалось, что такой прославленный человек даже польщен нашим вниманием, даже немного кокетничает, даже с какой-то юношеской дерзостью поглядывает на Альбину и Юлю. Да и то сказать: наши жены - не то чтобы "пушки заряжены", но уж действительно, фьоры дали бы многим индианкам. Так что тут, скорее, был чисто профессиональный интерес художника с острым и наметанным взглядом.

Ненадолго приезжала жена живописца, Девика Рани-Рёрих. Она когда-то была звездой индийской сцены и кино, ее даже окрестили индийской Гретой Гарбо. Маленькая и энергичная, она присела за чайный стол всего на пять минут. За эти минуты она не давала нам сказать ни слова. Спросила по-английски, все ли у нас хорошо, все ли слуги принесли на стол, не требуется ли еще чего. Узнав, что у нас нет машины, все порывалась отдать нам свою, чтобы доставить нас домой. Когда же мы отказались, она приказала дворецкому вызвать для нас такси, когда мы соберемся уезжать. Бывшую актрису выдавало всё: взгляд, резкость и точность движений, целая гамма чувств в одной фразе. Она никому не давала говорить. Рёрих спокойно сидел, поглаживая свою бородку, и в конце концов мы с Юрой занялись тем же.

Приезжала и директор основанной на средства Рёрихов школы - полноватая женщина-индианка средних лет, спокойная и уверенная, с явно выраженным чувством вассального уважения к Святославу Николаевичу. Она очень кратко рассказала о проблемах школы и попросила - думается, не в первый раз - финансовой помощи, которая тут же ей была обещана. Ее визит, впрочем, никоим образом не помешал нашей беседе с художником. А говорили мы о многом.

Запомнилось - о творчестве: в нем смысл и предназначение жизни. Где бы ни работал человек, он должен в меру своих сил быть творцом. В этом - самое естественное стремление человека к бессмертию, к вечности. Творчество возможно в любой профессии, и, творя, человек становится подобным Богу.

Рёрих говорил о необходимости предотвратить всемирную ядерную катастрофу. Его слова, отчетливо закругленные дореволюционным выговором, были как-то одинаковы по весу: не было слов выделяемых интонацией, но все были равно весомы и значительны. Это был необычайно выразительный, вкусный русский язык. Улыбался Святослав Николаевич редко, но его улыбка была настолько симпатична и проста, что мне он запомнился именно улыбающимся.

Улыбнулся он в ответ на мой вопрос: в чем он видит задачу русской интеллигенции в связи с предотвращением мировой катастрофы? Он ответил, что ~~интеллигенции нет~~^{интеллигенты у нас}, возможно, и есть, но интеллигенции нет. Очень высоко Рёрих оценивал гласность, зарождавшуюся тогда в СССР. Был серьезно обеспокоен Чернобылем. Но основное внимание уделил настоящей проповеди ненасилия. При всей своей политической терпимости - продолжая линию своего отца - он опять подтвердил, что не считает политическую идею моральной, если она допускает насилие.

Немного забавным мне показалось его плохо скрытое удовольствие, когда Юра попросил его нам попозировать. Мы снимали Святослава Николаевича с нашими женами во дворе, где очень интересным оказался сам дом - на окнах что-то вроде наличников, на крыше - нечто, напоминающее петуха, а весь дом в резьбе, раскрашенной какими-то веселыми и задорными красками. Мы сделали несколько фотографий, причем Рёрих постоянно спрашивал нас, как ему стоять - не повернуться ли в профиль, не поднять ли голову и так далее. В доме я попросил его позволения снять скульптурные портреты

Николая Рёриха и его жены, то есть отца и матери Святослава Николаевича. Он засуетился, зачем-то притишил скульптурный портрет жены и, установив между головами родителей, сказал, что можно фотографировать.

Рёрих рассказал нам о дружбе, которая связала его семью с семьей Неру. Она началась со встречи Н.К.Рёриха и Джавахарлала Неру, затем сам Святослав Николаевич был очень дружен с индийским лидером, с его дочерью Индирой, а теперь и с семьей внука - Раджива Ганди. Очень тепло отзывался о его жене Соне и о детях - сыне и дочери.

Встреча с Рёрихом оказалась для меня одним из самых значительных моментов жизни. Если когда-то мимолетная встреча в Москве с Андреем Тарковским стала для меня своеобразным толчком в эстетическом развитии /а был я тогда девятнадцатилетним студентом/ то беседа в Бангалоре ошутимо укрепила меня в моих философских исканиях, дала импульс к развитию всего мировоззрения и мироощущения.

И дело ~~даже~~ не в том, что я оставил Святославу Николаевичу машинописные листы со своими стихами. И не в том, что на мою просьбу - ознакомиться с моими опусами и разрешить посвятить ему сборник стихов, который я собирался издать в Индии - он ответил согласием. И даже не в том, что через несколько месяцев, уже перед самым нашим отъездом из Пилани, я получил телеграмму с "добром" на публикацию стихов с посвящением. Дело в другом: мне стали очевидны многие скрытые до тех пор стороны собственного сознания.

Великий Николай Рёрих, чьим именем был назван знаменитый пакт о защите культуры, был одним из первых, кто осознал разрушительную силу материалистической цивилизации. Какова бы ни была идеологическая окраска материализма, он в любом случае может

привести к полному духовному обнищанию страны. Что мы, кстати, и получили за годы насильственного атеизма и презрения к истинной культуре и к ее носителям - интеллигентам. Не случайно интеллигента Сахарова - совесть и честь нашей страны - "захлопывают". Не случайно "реликт" нашей русской интеллигенции академик Лихачев призывает к гуманизации и гуманитаризации, в чем он видит важнейшее условие выживания/!/ нашей цивилизации. И я с ним не могу не согласиться.

Еще Пастернак мучился проблемой "обескультуривания" страны в процессе ее мощного порыва ко всеобщему счастью. Не может быть счастливым человек, которому счастье "прописывают" по чьему-либо рецепту, пусть это будет даже рецепт Карла Маркса. Счастье человека - внутри него самого, и до него надо только докопаться. Я успел прочитать "Доктора Живаго" Пастернака еще в Индии - правда, в английском переводе. Не могу до сих пор отделаться от мысли, что многие страницы как бы написаны мной самим, конечно, если допустить, что я обладаю подобным талантом.

Читал я в Индии и "Август Четырнадцатого" Солженицына. И там многое созвучно моим представлениям. Так что же у нас случилось, почему нам приходится уже кричать, взывать к благоразумию, ужасаться предстоящей катастрофе, до которой уже, по-видимому, рукой подать? И не атомный гриб грозит нам, не экологический Апокалипсис, а духовная смерть.

Вот почему я с такой радостью воспринял Делийскую декларацию, подписанную Горбачевым и Ганди. Ведь это - первый шаг на пути к спасению человечества от смерти. Признание возможности сосуществования и взаимообогащения не только двух политико-экономических структур, но и двух различных /и даже полярных/ идеологий! Ненасилие как инструмент взаимодействия, как принцип отношений между мирами, странами, народами, людьми.

А если насилие отвергнуто как аргумент во взаимоотношениях народов, людей между собой, меньшинства и большинства, то есть надежда, что мы все-таки выживем. Если то, что исповедует один человек или народ, не будет считаться помехой в отношениях его с другим человеком или народом, исповедующими нечто иное, то может наступить эра взаимообогащения, крушения всех "истин в последней инстанции", пусть даже они самые "научно обоснованные" и верные, поскольку выработаны "вождями".

XX

Глава XII

Ч Е Т Ы Р Е Т Ы С Я Ч И

К И Л О М Е Т Р О В

Собственно говоря, наша поездка в Бангалор была только частью довольно обширной программы, предпринятой нами на зимних студенческих каникулах в декабре 1986 года. В первоначальном плане эта программа выглядела так: на поезде из Дели в Бангалор, затем на автобусе в Каликат к нашим милым свердловчанам, оттуда на поезде в Гоа — курорт на берегу океана, а из Гоа на корабле в Бомбей. Средств, скопленных за полгода, должно было в самый "обрез" хватить на транспортные расходы и еду, проблему жилья мы надеялись решить в Бангалоре и Каликате с помощью наших коллег, в Бомбее — с помощью Виная Мандке, брата Виджая, а в Гоа собирались побыть лишь сутки и вообще не устраваться в гостинице. Так, по крайней мере, выглядел первоначальный план.

Но жизнь, естественно, внесла свои коррективы. Все-таки мы были в почти незнакомой стране и многого не могли предугадать. Расчеты наши были верны лишь отчасти. И, хоть нам очень хотелось побывать в штате Керала, в знаменитом порту Каликат /или Кожикодде/, это не удалось осуществить. Великолепный курорт Гоа, бывшая португальская колония, тоже манил нас, но и там нам не суждено было побывать. Зато мы посетили другой замечательный город — Майсур. Однако все по порядку.

Мы приехали в Дели, остановились на "стейшн" Ладжпатх Нагар, у доктора Мурлидара Арора. Как мы и рассчитывали, нам без особого труда выдали зарплату за истекший ноябрь и даже за только на-

чавшийся декабрь. Мы ужасно мерзли по ночам в нашей комнате на Ладжпатх Нагар - отопление в Дели не предусмотрено, а ночью температура иногда опускалась до $+5^{\circ}$. Пришлось сделать непредвиденные расходы и купить кое-какую теплую одежду и даже великолепную теплую шаль, что было отнюдь не лишним в дороге, ожидавшей нас. Приехал ненадолго Виджай и обрадовал нас тем, что подтвердил согласие своего брата принять нас у себя в Бомбее. Больше того, он общал нам также, что там нас встретит и будет везде сопровождать заведующий бомбейской "стейшн" Бирла Института, которому уже сделаны соответствующие распоряжения по оплате всех наших расходов в Бомбее. За это я обязался написать для Практической Школы книгу статей об СССР.

Наконец подошла дата нашего отъезда из Дели. Собственно, мы могли бы уехать и раньше, но д-р Арора еще до нашего приезда в столицу, по просьбе Виджая, купил нам билеты до Бангалора на более поздний срок, не зная даты нашего приезда в Дели. Таким образом, мы выезжали несколько позже, чем рассчитывали. Но зато теперь мы были уверены, что наша программа вполне выполнима: наши скудные средства должны были пойти исключительно на проезд и питание.

Чуть больше суток ехали мы до Бангалора, но спать пришлось две ночи. Первая ночь была почти жуткой: мы совершенно замерзли, несмотря даже на теплейший плед-шаль. Альбина спала на средней полке /мы ехали вторым классом, правда, улучшенным/, а я - на нижней. Это естественная мера безопасности для любой женщины-иностранки в Индии. Завтраки и обеды мы заказывали стюарду, причем еда была довольно вкусной. До восьми часов утра стюард принимал заказы, а в девять, после ближайшей станции, разносил пластмассовые подносы с углублениями для блюд и с такими же пластмассовыми ложками и ножами. Покончив с едой, пассажир выбрасывает поднос

чаще всего прямо в окно.

За день нашей поездки на юг заметно теплело, и вторую ночь мы уже спали без пледа. Следует также отметить, что в индийских вагонах второго класса обычно не дают постельное белье — пассажиры тащат с собой даже матрацы. Но две ночи можно поспать и без матраца, тем более, что полки не такие уж жесткие. Другое дело, что пассажиры абсолютно безразличны к удобствам для своих соседей. Так, мне пришлось просыпаться очень рано, так как наши соседи с утра пораньше уже вскакивали со своих верхних полок и желали присесть на мою. А это невозможно сделать, поскольку спинка моей полки поднята, и на ней, на очень маленьком расстоянии выше меня, спит Альбина. Ей приходилось вставать, мы приводили ее полку в "дневное" положение и начинали общаться со словоохотливыми спутниками.

И вот мы, наконец, прибыли в Бангалор, где на вокзале нас уже ждали Юра и Юля. С ними был еще один — маленький, необычайно приветливый и услужливый парень, которого мы приняли за слугу. Очень скоро, однако, выяснилось, что это не слуга, а друг наших свердловчан — работник бангалорского Института Науки. Узнав об этом, я попытался было помочь ему нести наш багаж, но он и слышать не хотел об этом.

Пока мы ехали в такси по чистым и удивительно аккуратным для Индии улицам Бангалора, Юра сказал, что их друг устроил всех нас в гест-хаус своего Института. Мы узнали также, что Юра и Юля уже давно пользуются его гостеприимством — с тех пор, как наши таллинские коллеги познакомили их с этим парнем. Таллинцы проработали в Бангалоре только два года, но о них вспоминали с теплотой. И теплота эта, к счастью, распространилась не только на Юру с Юлей, но и на нас.

Кемпас Индийского Института Науки — такой же чистый и акку-

ратный, как и Кемпас Бирла Института, только с той разницей, что здания бангалорского кемпаса несколько старше. Этот институт был основан на средства другого "кита" индийского бизнеса - Таты. Это имя в Индии связано с автомобилями, автобусами, продуктами, другими видами продукции многочисленных предприятий.

Нам предоставили двухкомнатный номер, где над кроватями мы заметили какие-то странные приспособления вроде балдахин. Оказалось, что это просто комариные сетки. Москитов в Кемпасе было видимо-невидимо. Днем мы не ощущали их присутствия никак, но по ночам это присутствие ощущалось весьма явственно. Даже при тщательно опущенной сетке один-два кровососущих субъекта непременно "просачивались" к нам, и мы с Альбиной почти всю ночь воевали с ними, слыша, что в соседней комнате Юра и Юля тоже чертыхаются и перебирают варианты - выкуривание из постели или ловля прямо на себе.

В первый же день мы отправились в гости к С.Н.Рёриху, о чем я уже сообщал - правда, кратко и бездарно. Затем нам следовало, конечно, приступить непосредственно ко встрече с друзьями. Что мы и сделали по русскому обычаю, к моему и Юриному удовольствию. Естественно, после этой встречи у нас уже не оставалось времени для встречи с новым для нас городом. Мы перенесли ее на следующий день, договорившись послезавтра вместе отправиться в Каликат. Таким образом, программа начала исполняться с завидной точностью, чему мы с Альбиной порадовались. Правда, расходы на путешествие уже стали превышать те суммы, которые мы запланировали: питание в поезде, проезд по городу и разные непредвиденные покупки выбивали нас из "графика".

Итак, нас ждал Бангалор. На некоторых советских картах он носит название Бенгалуру - это на языке штата Карнатака, столицей которого стал Бангалор, сменив на этом "посту" древний Майсур. Бангалор - один из самых больших городов Индии, крупнейший

центр индийской науки и индустрии. Его также называют городом миллионеров. Отчасти это верно, потому что богатые индийцы, уходя от дел, иногда стремятся поселиться именно там. Несмотря на близость к экватору, там прекрасный климат: почти никогда не бывает жарко, а холодов там никто не помнит. Дело в том, что город расположен на плоскогорье, на высоте 1000 м над уровнем моря, и это определяет его мягкий климат.

Бангалор — большой город, но спокойный и чистый. Особенно прекрасен ботанический сад Лал Багх, заложенный еще в XVIII веке мусульманским правителем Хайдером Али и его знаменитым сыном Типу Султаном. Чистота и ухоженность этого парка просто поразили нас, привыкших к беспорядку и горам мусора в городах Северной Индии. В парке мы видели многовековые деревья, редчайшие тропические и субтропические растения, а также Стекланный Дворец.

Посетили мы и дворец Типу Султана, который в свое время принес англичанам немало огорчений, оказывая серьезнейшее сопротивление британской экспансии. Рядом с дворцом мусульманского повелителя Южной Индии мы нашли прекрасный, будто бы игрушечный индуистский храм. Так и здесь, на Юге, мы увидели фантазмагорическое сочетание веков и верований. Проблемы межобщинной розни так же характерны для Юга, как и для Севера, о чем нам с огромным сожалением сказал еще Святослав Николаевич.

Однако мы тогда не обратили внимания на его слова, на свежую газету, которую он нам показывал. Нам было не до газет. Мы ездили и бродили по Бангалору, бродили по Махатма Ганди Роуд, где в небольшом магазинчике можно купить пластинки из Англии, США и даже из СССР. Альбина не могла пройти мимо магазинов качественной и дешевой одежды на Бригейд Роуд, которую наши талин^нцы, по свистельству Юры, называли на немецкий манер: "Бригаденроуд". Там же мы встретили нашу соотечественницу, знакомую Юры и Юли.

Она замужем за бангалорским инженером, довольно богатым человеком, и у них уже трое детей. Молодая женщина была очень рада нашей встрече. Мы зашли в кафе и долго говорили обо всем. Каким контрастом к нашей Людмиле Кунду была эта женщина! Имея сходную судьбу, они отличались лишь степенью порядочности и чувства национального достоинства. Но это отличие было разительным.

Мы так и не поинтересовались газетами, очень устав за целый день ходьбы и езды по Бангалору. А на следующий день нас ждал сюрприз. Мы приехали на автовокзал, собираясь на восьми часовом автобусе отбыть в Кералу, в Каликат. Однако выяснилось, что туда автобусы не ходят. Никто не мог толком объяснить нам, почему. Все как-то никак не находилась человек, который бы знал не только причину, но и английский язык. Наконец один юноша, размахивая руками, сказал нам что-то вроде "кафью, кафью!" - и мы поняли, что где-то в той стороне, куда мы хотим ехать, объявлено чрезвычайное положение.

Собравшись на совет, мы решили навестить пока наших ленинградских коллег Сергея и Надю, которые жили в Майсуре. А Майсур, в свою очередь, - тоже интересный город, да еще и на пути в Каликат. Лишь в десять часов утра мы выехали в Майсур на великолепном автобусе, оборудованном видеоманитофоном. В пути, правда, нас ждал еще один сюрприз: мы наконец решили почитать газеты, и оказалось, что дело вовсе не в Каликате. В штате Керала все вроде бы было спокойно. А вот в Майсуре, да и в самом Бангалоре - серьезные беспорядки на почве межконфессиональных споров между индусами и мусульманами. Кстати, поводом резни стала всего-навсего какая-то неосторожная статья, обижающая религиозные чувства мусульман. Те немедленно вышли на улицы, начались драки, запылали магазины и офисы. Правительство штата ввело комендантский час. Так что мы спешили как раз в самое пекло. Но что делать - не повернешь

же автобус назад!

И действительно, когда мы приехали через три часа в Майсур, нам стало все понятно. Автобусы приходили в этот город, но откуда их уже не выпускали. Каликатский автобус просто не дошел из Майсура в Бангалор, а потому никак не мог выехать из Бангалора в восемь утра. Но и отсюда он не мог двинуться ни в одном из направлений. Это уже была серьезная проблема. Мало того, что мы никуда не могли выбраться из Майсура — нас еще никто не хотел везти в кемпас Майсурского университета, где нас могли бы приютить коллеги-ленинградцы.

Таксисты либо наотрез отказывались, либо заламывали несуразные суммы за доставку. Наконец один авторикша согласился везти нас всех четверых, если мы дадим ему четверную стоимость проезда. Мы согласились, ибо это все-таки было гораздо меньше, чем просили таксисты. Из скутера, когда на заднем сидении помещаются четверо взрослых людей, ничего не видно. Но, судя по нервничавшему авторикше, мы проезжали весьма опасные участки, где толпа запросто могла перевернуть скутер в отместку за то, что его хозяин работает во время забастовки. Мы крутились по каким-то маленьким узким улочкам, которые, очевидно, представляли собой весьма печальное зрелище. Однако авторикша все-таки сумел нас провезти без приключений, если не считать саму поездку уже приключением. Наши коллеги обрадовались нам и устроили нас в свой гест-хаус, в соседнюю с собой квартиру.

После встречи, которая, как и положено, закончилась довольно поздно, мы стали совещаться. Ленинградцы хотели где-нибудь отдохнуть, так как у них тоже начались каникулы. Свердловчане приглашали всех к себе в Каликат. Мы не решались пока ни на что. Тут пришел индийский друг ленинградцев и предложил отвезти всех в Кералу, правда, не в Каликат, но оттуда до Каликата уже будет

рукой подать. Наши друзья немедленно согласились: отпала проблема транспорта, так как их должны были везти на микроавтобусе. Мы же с Альбиной, прикинув, что средств уже маловато, "попадание" в Каликат все еще под вопросом, а Гоа, очевидно, уже "отпало" само по себе, решили прямо из Майсура отправиться в Бомбей. Благо, наш новый индийский знакомый утверждал, что поезда ходят по прежнему расписанию. Вечером того же дня мы пешком отправились на вокзал, купили билеты до Бомбея, правда, лишь на следующий вечер. Наши же друзья собрались уезжать утром.

Утром наши коллеги уехали, оставив нас одних в бушующем городе. Но мы уже немного попривыкли к ситуации, тем более, что в Кемпасе университета было абсолютно спокойно. Мы бродили по всему Кемпасу, без конца пили кокосовый сок прямо из орехов, через вставленную в них соломинку. Приветливые торговцы с огромными ножами подзывали нас, ловко откалывали ножом кончик очередного ореха и совали туда соломинку. Наконец они надоели нам, и мы решили прокатиться по городу.

Бывшая столица штата Карнатака, Майсур известен под именем Города сандалового дерева и агарбати - душистых палочек, которые используются для курений повсеместно в Индии. Кажется, вся страна пропахла сладковатым изысканным ароматом агарбати. Ставят эти палочки также перед изображением богов. Однако мы, конечно, никаких сувениров не смогли раздобыть, если не считать коробочки агарбати, купленной уже на вокзале перед отъездом из Майсура - все магазины по случаю забастовки были закрыты.

Авторикша запросил огромную сумму за поездку по городу, но мы согласились, и очень скоро поняли причину такой жадности худшего авторикши. Это была плата "за риск", потому что мы увидели на улицах Майсура перевернутые скутеры и машины, а кое-где люди дрались, пуская в ход не только кулаки. Мы, естественно, ничего

из достопримечательностей толком не смогли рассмотреть - разве что прекрасный дворец махараджи. Поездка по городу оставила впечатление весьма тяжелое. Особенно неприятно было видеть, как огромный полицейский догнал какого-то тшедушного паренька и так ударил его дубинкой, что тот свалился со своего велосипеда. Несмотря на то, что начали беспорядки именно мусульмане, полиция избивала бамбуковыми дубинками и мусульман, и индусов. Нас, правда, не трогали: все-таки иностранцы. Но советовали, чтобы мы убирались подальше, куда-нибудь в отель, ибо от возбужденных толп не приходится ждать гостеприимства по отношению к иностранцам. Нашему же авторикше полисмен просто пригрозил дубинкой, после чего я сам уже сказал ему, чтобы он возвращался обратно в Кемпас.

Мы поужинали в кафе гест-хауса, разговорились за ужином с неким французом, работающим также в университете. Разговор шел о том, что южноиндийская пища предельно насыщена ~~специями~~ специями и слишком остра для европейца. Француз согласился, но отметил, что блюда Северной Индии воспринимаются европейцами совершенно нормально, а к южноиндийской пище надо только привыкнуть. При этом пассаже Альбина сделала "круглые глаза", как бы изумляясь. Она считала, что даже блюда Севера слишком остры. Но француз только улыбнулся в ответ.

С наступлением темноты мы никак не могли поймать скутер, чтобы попасть на вокзал. Мы уже начали волноваться, когда нам повезло. Как выяснилось - совершенно случайно: в темноте авторикши Майсура вообще отказывались ездить в такие дни. А этот просто ехал домой, но согласился нам помочь. На вокзале мы узнали, что нам придется делать пересадку в Бангалоре, но билет сохраняется тот же. В пол-первого ночи мы покинули не очень гостеприимный Майсур, в пять утра были в Бангалоре, а в шесть уже тронулись в Бомбей на прекрасном экспрессе.

Поездка из Бангалора в Бомбей заняла часов пятнадцать и оказалась весьма интересной с точки зрения ландшафтов, которые мы наблюдали через стекла вагонного окна. Кстати, окна индийских вагонов выполняют еще одну, очень полезную функцию: на любой станции пассажир может получить через окно газету, стакан воды, бутылку "колы", книгу, фрукты и так далее. Как только поезд останавливается, к вагонам тут же подводят разные торговцы и предлагают свой товар. Задача пассажира - лишь подзвать нужного торговца и постараться иметь необходимую сумму без сдачи.

Что же касается видов, то тут уж перед нами было поразительное разнообразие. Мы видели плоские равнины с находящимися на них скалами самых фантастических очертаний - иногда даже вполне похожими на крепости и города. Ближе к Бомбею местность стала гористой, поезд шел по живописнейшим ущельям и долинам, поднимался на горы... Все это было необычайно красиво, и настроение у нас было очень хорошее. Правда, мы не знали, получили ли в Бомбее телеграмму, высланную нами еще из Майсура.

Кстати говоря, вместе с нами из Майсура "бежала" от беспорядков и некая молодая особа явно не индийской наружности - такая же иностранка, как и мы. На вокзале в Бангалоре мы потеряли ее из виду, но в бомбейском поезде она оказалась рядом с нами в купе. Она постоянно слушала "уолкмэн" - маленький магнитофон с наушниками. Наконец я попросил у нее послушать музыку, и она с удовольствием позволила. Правда, долго я слушать не смог, и пришлось завязать беседу.

Слушать долго я не смог по той простой причине, что на всех кассетах у нашей спутницы оказались индусские религиозные гимны. Она сказала нам, что направляется в Бомбей на встречу с неким "гуру" - духовным учителем. Надо сказать, что сейчас среди европейцев и американцев перестало быть редкостью увлечение различны-

✓ ми мистическими и полумистическими учениями Востока, ^{в том числе} особенно Индии. Особенно популярны учение кришнаитов /распространено сейчас даже в СССР/ и учение "секс-гуру" Раджнеша. Кришнаиты в основном ограничиваются этической проповедью ненасилия и повторением мистических мантр-заклинаний. Что же касается Бхагвана Раджнеша, то этот "гуру богатых", в свое время изгнанный из США, где на деньги поклонников основал целый город, считает, что цепь перерождений можно прорвать и достичь полного блаженства и гармонии только путем сексуальных "действ" с участием света, музыки и большого числа участвующих лиц обоих полов. Не знаю, к какой секте принадлежала наша спутница, поскольку сейчас уже не помню, находился ли Раджнеш в то время в Индии. Знаю, что его "центр" находился именно недалеко от Бомбея, в городе Пуна.

Спутница оказалась американкой. Когда мы тоже представились, она долго не верила, что мы русские, но "на всякий случай" немного поругала Рейгана. Очевидно, она думала, что нам это будет приятно. Вообще же она отнеслась к нам с опаской, вероятно, считая, что мы немедленно станем вербовать ее для работы на советскую разведку. Я посмеялся про себя над этим /своим же!/ предположением, но подумал: какой же вред отношениям между двумя великими народами наносит необъективная пропаганда. Ведь и мы тоже совсем недавно в каждом американце видели агента ЦРУ. Но, думаю, чем больше контактов - тем лучше взаимопонимание.

Однако вот уже показались пригороды одного из величайших городов мира - Бомбея. Честно могу признаться, окраины Бомбея ничуть не менее непрезентабельны и скудны, чем почерневшие избы и обшарпанные дома Подмосковья. Поэтому первое впечатление от Бомбея было, скорее, не очень обнадеживающим. Какие-то развалюхи, нищие хижинки, грязь, свалки... Радоваться было абсолютно нечему. Тем не менее, мы, наконец, были в Бомбее.

БОМБЕЙ

На берегу попитры пальм стоят.
Оркестр бессонный мглы и океана
от форте переходит плавно к пиано, —
лишь дирижер—Бомбей бросает взгляд.

Богатый, нищий, сказочный Бомбей
жует резинку духоты и смога,
и кажется, что он устал немного
от многоликости своей.

Он нереален, как индийский фильм, —
огромная метафора, пришелец...
Сегодня он в себе меня поселит,
чтобы назавтра превратиться в дым.

Проснувшись в Дели, я вздохну: о'кей,
фантастика закончилась... Печально!
И лишь тогда пойму я, что реальны
и океан, и смог, и зной, и пальмы,
и дирижер из сказки — мой Бомбей.

Бомбей, 1986.

На вокзале нас встречал д-р Анжан Гхош - заведующий бомбейским отделением Практической Школы. Мы помнили его еще по первому году жизни в Чилани, когда он там заканчивал работу над диссертацией и ходил в официальных женихах дочери директора БИТН. Диссертацию-то он успешно защитил, а вот невесту потерял: она поехала в штаты, да и вышла там безо всякого родительского благословения замуж за какого-то американского индийца /конечно, не индейца!/, и родителям пришлось проглотить эту пилюлю.

Анжан сообщил, что получил нашу телеграмму вовремя, а от шефа /то есть от Виджая Мандке/ получил инструкцию: питаться и жить советские друзья будут у Виная Мандке, а проезд по городу и обратный путь в Дели - за счет Практической Школы. Мы переглянулись, и я сказал Альбине, что ожидал большего. Нам тогда было невдомек, что с бомбейскими расстояниями поездки по городу очень накладны, так как автобусами пользоваться не очень удобно, скутеры по большей части города не ходят - только вне центра города. Остаются только такси, а это дороговато.

Но мы не пожалели, что остановились у Виная Мандке. Судьба подарила нам еще одну пару друзей. Впрочем, почему пару? Ведь Анжан не оставлял нас все четыре дня, проведенные нами в Бомбее, и мы прониклись к нему чувством глубокой благодарности. Винай, младший брат д-ра Мандке, - профессиональный певец и музыкант. Он поет за знаменитых артистов в индийских кинофильмах, которые, как я уже вспоминал, буквально переполнены музыкой. Он поет на двух языках - хинди и маратхи /семья Мандке - маратхи, а Бомбей - столица штата Махараштра/. Выступает он и с концертами. Однако наибольший доход он получает за... рекламные ролики. Там он поет, восхваляя качества чая, одежды, мотоциклов и стирального порошка. Впрочем, его доходы достаточно высоки и без рекламы.

Его жена Рехка - милостивая молодая женщина из довольно

обеспеченной семьи, неплохо образованная, но в отличие от Паримал Мандке, неработающая. Впрочем, возможно, что она не работала лишь из-за малолетнего сына. Вместе с ними жила и старенькая мама Виджая и Виная, которая относилась к нам очень благожелательно.

Квартал, в котором расположена квартира Виная, находится в центре города. Этот квартал называют иногда "артистическим", так как именно там живут все многочисленные "звезды" индийского кино. Ведь Бомбей - столица индийского кинематографа. Мы приехали в Бомбей как раз в тот день, когда после неудачных родов скончалась одна из самых известных "звезд" Смита Патил. Поскольку квартал и в самом деле артистический, мы имели возможность увидеть многих знаменитостей, собравшихся на траурную церемонию кремации прекрасной актрисы.

Винай и Рекха были гостеприимны, зачастую вместе с нами и Анжаном ездили по городу, показывая достопримечательности, но были настолько по-индийски несобранны, что достаточно часто мы уже умирали от голода, когда наконец накрывался стол. Альбина называет таких людей "копушами": они могут бросить плитку, начать какую-то беседу, потом опять бросаются к плите, и так без конца. Вообще-то, как и семья старшего брата, семья Виная, наверное, лишь раз в день ела плотно. Мы, наоборот, привыкли есть понемногу, но несколько раз в день. Может быть, именно этим и объяснялись наши приступы голода - впервые мы не сами распорядились едой, а зависели от кого-то.

Зато "зеленый змий" оказался вполне покорен Винаю. Да и Рекха, когда мама не видела, могла не отказаться от стаканчика бренди или смирновской водки. В Бомбее мы впервые увидели вино - в Индии оно не популярно. Но зато какое: "Чинзано"! Словом, Винай и Рекха, действительно, постарались, чтобы наш зимний отдых был запоминающимся. Чего стоит только одна поездка по знаменитой набережной Марин Драйв... Да и вообще - Бомбей есть Бомбей!

Это громадный город самых дорогих в Индии гостиниц и ресторанов, место сосредоточения штаб-квартир множества корпораций, киностудий, доков, промышленных предприятий. Это город храмов буддистов и индусов, джайнов и парсов-огнепоклонников, город мусульманских мечетей и христианских соборов. У Фонтана Флоры - один из крупнейших в мире рынков, где можно купить любую контрабанду - от французских духов до бутылки советской "Столичной". На набережной Марин Драйв можно увидеть представителей всех континентов планеты, одетых респектабельно и "так себе". В квартале "красных фонарей" можно увидеть проституток всех национальностей, тоже одетых респектабельно и "так себе", а то и вовсе никак. Правда, мимо "красных фонарей" мы ^{лишь} проехали на машине, поступив очень предусмотрительно.

В Бомбее много парсов - потомков огнепоклонников-зороастрийцев, в незапамятные времена бежавших сюда из Персии от наступающего ислама. По их верованиям, хоронить мертвых в земле или сжигать их на кострах - великий грех, так как земля и огонь священны. Поэтому они оставляют своих умерших вдиноверцев в специальных Башнях Молчания. Там птицы /в основном ~~грифы~~ ^{грифы}/ дочиста обгладывают трупы. Доступ к этим башням совершенно закрыт для всех не-парсов, и нам не удалось поглядеть на них хотя бы издалека. Правда, когда нам рассказали, что водоемы бомбейских "висячих садов" специально закрыты щитами из-за грифов, которые имеют скверную привычку сбрасывать в воду остатки своего "пиршества", мы даже обрадовались, ^{то не попали к башням.} Вспомнив то, что мы видели по дороге в Джунджуру, мы уже не жалели о скрытых от взоров Башнях Молчания. Несмотря на свою малочисленность, парсы - весьма влиятельный в Индии народ. Один из двух "китов" индийского бизнеса, Тата, - тоже парс.

Бомбей производит кинофильмов больше, чем любой другой город на планете, не исключая даже Лос-Анжелеса с его Голливудом. Но

об индийском кино я уже немного рассказал ранее. Осталось только привести обычный в таких случаях список достопримечательностей, который лишь назовет, но никак не даст представления об одном из величайших городов мира. Мы побывали у триумфальной арки Ворота в Индию, которая одновременно символизирует открытость страны /а ведь Бомбей - основной порт Индии/, и конец британского владычества в Индии. Кажется, именно в этом месте покинул Индию последний английский солдат.

Интересны также Музей принца Уэльского, "висячие сады" на холме Малабар и псевдоготическое здание Бомбейского университета. Особенно интересен для человека, который никогда не был в США, квартал деловых небоскребов Нариман Пойнт. Но мне почему-то больше всего запомнились три пальмы на берегу Индийского океана, стоящие неподалеку от дома, где жил Анжан Гхош. Пальмы на фоне серо-зеленого океана и заката... Так теперь мне всегда и вспоминается Бомбей - город, который мы успели полюбить всего за четыре коротких дня.

Перед отъездом из Бомбея мы наведались с Анжаном на маркет у фонтана Флоры, где он помог мне купить "уолкмэн" и миниатюрный телефонный аппарат с памятью. Почему помог? Да ведь если бы мы покупали сами, нам это стоило бы чуть ли не втрое больше! Что делать - очень деловой город. И все-таки мы его полюбили. В Дели мы возвращались на Радждани Экспрессе, в великолепном сидячем вагоне с кондиционерами. Возвращались с теплого Юга на холодный Север, замыкая на карте Индии широкую дугу нашего путешествия длиной около четырех тысяч километров.

XX

Глава XIII

ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ

НА ФОНЕ ГОЛКОНДЫ

И снова настали обычные будни в Цилани: работа, учебник, книга статей. А тут еще пришло приглашение на Всеиндийскую конференцию русистов, куда надо было представить доклад. Конечно, мне не трудно было написать сообщение об особенностях курса русского языка в Бирла Институте Технологии и Науки, но для этого нужно было время. Да к тому же я так и не понял, на каком языке нужно было писать сообщение. Ведь приглашение от д-ра Димри из Хайдерабада было написано по-английски. А конференция должна была состояться именно в Хайдерабаде, во Всеиндийском Центральном институте английского и иностранных языков, где д-р Димри возглавлял отделение русистики.

Таким образом, конец декабря был у меня очень напряженным. Занятий, правда, не было — каникулы заканчиваются там лишь в январе. Но большой объем работы меня ждал и с учебником, и с докладом на двух языках, и с книгой статей. Хорошо еще, что хореографическая мастерская Альбины должна была начаться лишь с февраля, и мне не приходилось помогать ей в работе.

Альбина сосредоточилась в основном на домашних делах. Надо было прожить до начала января очень экономно, так как, по всей видимости, предстояла дальняя поездка в Хайдерабад, и было неизвестно, оплатит ли БИТН мои расходы по командировке. Не говоря уж о том, что за Альбину никто и не подумал бы платить. А оставлять ее в Цилани или в Дели, когда есть такая прекрасная возмож-

ность побывать в крупном городе в самом сердце Индии, да еще и встретиться там почти со всеми нашими коллегами, — это было бы даже нечестно. Поэтому пришлось нам затянуть пояса потуже и отказать от салями и прочих деликатесов.

Мы вообще редко делали в Индии что-то чисто местное, обходились обычно рядовой русской и украинской кухней, которые, кстати, вызывали восторг у всех наших гостей, кого мы угощали у себя дома: те же самые борщи, супы, только, естественно, приготовленные из "экологически чистых" продуктов. Вторые блюда тоже были обычно привычными: картофель в разных видах, котлеты из прекрасного делийского фарша, а также имеющиеся во множестве видов макарон и спагетти. Изредка по Кемпасу ездила тележка с привозной рыбой, обильно переложенной льдом. Эти дни были праздниками для Альбины, поскольку она, в отличие от меня, большой любитель рыбы. Я же недостаток рыбы переносил вполне спокойно.

В Индии продается только соленое сливочное масло, но зато очень высокого качества. По-видимому, соленое масло обладает большим сроком сохранности в жарком климате. Но мы спокойно привыкли к такому маслу, и его вкус не казался нам странным. Редко у нас бывала к столу только птица. Впрочем, что это я? Никакой птицы, кроме курицы, мы там даже не пробовали. Исключение составляли лишь ужины у нашего хорошего знакомого Суреша Чавлы.

Суреш Чавла — владелец небольшого магазина на Нутон-Маркете, расположенном сразу же за воротами Кемпаса. В его магазине Альбина покупала обычно шерсть и мохер для вязания, а как раз там-то и был лучший в Пилани выбор шерсти. Потом как-то мы познакомились поближе, и, приходя за чем-нибудь, мы стали уже подолгу болтать. Суреш оказался парнем с образованием, в отличие от многих торговцев Нутон-Маркета владел английским языком, и поэтому мы не стали упираться, когда он однажды пригласил нас всех троих /тогда еще с нами был Сережа/ к себе на ужин.

Суреш родом из штата Пенджаб, хотя и не сикх по религии. Мне он по секрету сообщил, что является атеистом. Ну, это заявление оставим на его совести. Гораздо интересней то, что национальное блюдо пенджабцев - "чикен тандури". Это нечто вроде нашего кавказского шашлыка, но приготовленного из цыпленка. Вещь очень вкусная. Как-то раз в Дели Виджай угощал нас этим блюдом в одном из маленьких ресторанчиков Коннот Плейса, и нам оно необыкновенно понравилось. Так вот, пригласив нас на ужин, Суреш собственноручно приготовил этот самый чикен тандури.

Что и говорить, нам пришлось даже немного скрывать свое восхищение, и в ответ пригласить Суреша с женой к себе в гости. Жена его не знала английского, и поэтому весь разговор в основном велся между мной и Сурешем. Это немного отягощало нас, тем более, Альбина уже могла немного объясняться по-английски и очень скучала, когда не могла вставить ни слова в разговор. Второй раз Суреш пригласил нас уже незадолго до нашего окончательного отъезда из Индии. Вот тогда-то он и попотчевал нас какой-то дикой птицей, тоже необычайно вкусной. А вообще же ни уток, ни индошатины мы в Индии не ели.

Однако оставим эту гастрономическую тему, за которую я "зацепился" только для того, чтобы показать, что мы и в самые сложные периоды отнюдь не старались экономить на еде. Для поездок по стране приходилось экономить на другом. Но в ту зиму 1986/87 годов все обстоятельства складывались так, что особой экономии и не потребовалось. К счастью, мои отношения с администрацией БИТН и особенно бескорыстная работа Альбины со студентами стали приносить неожиданные плоды.

Во-первых, мы организовали небольшой раут у себя в день христианского Рождества: хотелось немного похвастать привезенной из Союза небольшой синтетической ёлкой. На Рождество к нам пришли Мандке - все трое, конечно, - и директорский сын Баби. Было очень

мило и совсем по-домашнему. Баби, привыкший к несколько натянутой атмосфере индийских раутов, выразил желание отпраздновать вместе и Новый 1987 год. Мы согласились, а Мандке предложили собраться в их коттедже. На том и порешили.

На новогодний вечер я пришел с уже готовыми фотографиями и слайдами, запечатлевшими наш вояж в Бангалор, Майсур и Бомбей. Надо сказать, что в Индии хорошо знают и ценят Святослава Рёриха, а его отца до сих пор называют "русский махариши", что является очень высокой оценкой. Так вот, наши фотографии, сделанные в доме у Рёриха, произвели определенный эффект. Кстати, в доме Виджая собралась несколько бо́льшая компания, нежели у нас: пришли директор с женой и сыном, а также племянник Виджая и заместитель Виджая с женой.

Директор произнес прочувствованный тост в нашу честь, а потом настолько "разошелся", что пригласил Альбину на танго. Вот тогда Виджай и спросил, можно ли мне рассчитывать на институт в связи с командировкой в Хайдерабад. И тут сказалось наше полное незнание положений контракта, по которому мы трудимся в Индии. Директор сказал, что по контракту институт обязан командировать советского преподавателя, если он может показать соответствующий вызов. Вот так легко и решилась эта проблема.

Ехать надо было уже через неделю после Нового года, и мы уехали в Дели, заручившись рекомендательным письмом от Виджая к одному его знакомому, который в случае надобности мог бы нам помочь в Хайдерабаде. Забегая вперед, скажу, что письмом так и не пришлось воспользоваться - в Хайдерабаде нас устроили совсем не плохо. Более того, мы на этот раз даже не воспользовались квартирой д-ра Ароры в Дели, на том самом памятном Ладжпатх Нагар где мы за месяц до того чуть не заоченели от холода.

Мы поехали в другой район Нью-Дели, Хауз Кхас. Это тоже

район для зажиточных людей - даже, пожалуй, для более зажиточных, чем Ладжпатх Нагар. На Хауз Кхас находится особняк, в котором четыре или пять квартир. Его использует Университет Джавахарлала Неру для прибывающих из СССР преподавателей русского языка. Ведь при Университете Неру существует целый Центр русских исследований, и потребность в преподавателях там больше, чем в Университете Старого Дели.

Мы и за год до этого, еще вместе с Сережей, побывали на Хауз Кхас, но тогда Лена и другие наши хозяйки из Делийского университета отсоветовали нам останавливаться там. Причина такой странной вражды между соотечественниками, работающими в двух разных индийских университетах, выяснилась очень скоро. Дело в том, что наши женщины из Университета Неру поступили не очень чисто по отношению к своей же коллеге, жившей вместе с ними на Хауз Кхас.

Молодая женщина, попав в Индию, как-то раскрепостилась, что случается, кстати, со многими: другой статус, обретенное чувство собственного достоинства и собственной значимости - все это и в моем случае несколько дезориентировало, правда, уже по прибытии в Союз, где я забыл считать себя "маленьким человеком", с которым можно поступать, как угодно начальству. Ее же это "поймало" еще в Индии. Она просто-напросто влюбилась. Влюбилась в своего индийского коллегу.

И нет чтобы тщательно скрывать это - она открыто встречалась со своим любимым, не стыдилась, может быть, впервые вспыхнувшего свободного чувства свободного существа. А это уже был криминал. Чего греха таить, были романы и у других наших коллег с индийцами и своими, с индианками и своими. Но тогда это были как бы невинные флирты, оправданные удаленностью от семей и, может быть, каким-нибудь материальным интересом. И вот подружки сообщают в

наше посольство "кому надо" - и влюбленное существо в 24 часа оказывается в Союзе. Поступок, как бы то ни было, подленький, но понятный для зажатых в тисках собственных комплексов людей: женщина почувствовала себя свободной раньше, чем это стали уже понемногу разрешать.

Но та компания уже почти разъехалась, приехала смена, и мы решили навестить наших соотечественников, так как в Делийском университете к тому времени уже не осталось ни одного нашего знакомого. Мы не пожалели. Ребята встретили нас очень радушно. Однако выяснилось, что никто из них в Хайдерабад не собирается: от Университета Неру туда поехали лишь русисты-индийцы. Но это нас не испугало, так как мы уже приобрели к тому времени опыт самостоятельных поездок по Индии.

И позже мы не раз останавливались на Хауз Кхас. Чаше других нас принимала москвичка Валя. Умная, эрудированная женщина, она была прекрасным специалистом и пользовалась заслуженным уважением студентов и аспирантов, много работала с ними. Нас она принимала всегда очень гостеприимно, хотя некоторые шероховатости, наверное, в наших отношениях были.

Когда мы приезжали, это, естественно, означало для нее прибавление хлопот. Альбина, конечно, готова была взять часть этих хлопот на себя. Но, очевидно, у нее и Вали были различные представления об объеме этих хлопот для гостыи и хозяйки. Иногда даже создавалось впечатление, что приезд Альбины она понимает лишь как избавление от хлопот вообще. До конфликта, безусловно, не доходило, но сейчас какой-то небольшой неприятный осадок у нас остался.

Валя - дочь крупного специалиста и жена высокопоставленного работника, и это, наверное, немного может объяснить ее избалованность. Впрочем, все это мелочи, не стоящие упоминания.

И вот мы второй раз выехали по направлению к Хайдерабаду. Почему второй? А ведь я забыл упомянуть, что в декабре, направляясь в Бангалор, мы проезжали мимо Хайдерабада. Правда, это было либо ночью, либо ранним утром, и мне почему-то не запомнилось это событие. Ехать в Хайдерабад, следовательно, не так далеко, как в Бангалор - всего ночь и день. Не скажу, чтобы виды из окна были очень интересны. Довольно бедненький ландшафт.

Но нас развлекал разговор с нашими попутчиками. Ими оказались два молодых шведа, путешествующих по Индии. Шведы были студентами и прекрасно говорили на английском. Разговор, естественно, опять начался с долгих удивленных переспрашиваний - откуда мы. Советские люди за рубежом пока довольно большая редкость. Я, например, никак не могу представить себя студента^ь разезжающим по Индии или по Бразилии. У нас все обязательно должно быть коллективным или хотя бы групповым. Нам не понять туристов-одиночек, гораздо лучше и глубже знакомящихся со страной не по чьему-то плану, а по собственному разумению.

Шведы с интересом расспрашивали нас об СССР, высоко оценивали перемены, происходящие у нас в стране. Честно говоря, приехав из Индии, я тоже был совершенно уверен в поразительной скорости, с которой происходит перестройка. Но вблизи все оказалось не таким уж и радужным. Особенно в провинции. За рубежом же о темпах нашей демократизации судят, естественно, не по провинции. Когда мы были в Индии, нас здорово настроили на самый оптимистический лад, и даже мои друзья, с которыми я встречался сразу по возвращении домой, удивленно поглядывали на меня: с чего, мол, ты все это взял?

Мы тоже узнали много интересного о Швеции. Например, больше всего нам понравилось то, что шведские министры добираются на работу в общественном транспорте, ходят в обыкновенные кинотеатры и так далее.

Но вот мы наконец и в Хайдерабаде. Нас, конечно, никто не встречал, и пришлось приложить максимум усилий, чтобы договориться с авторикшей. Они в Хайдерабаде почему-то не очень уважают счетчики и назначают цену сами. Люди же, впервые приезжающие в город, естественно, начинают после этого подозревать подвох. К чести владельцев скутеров в Хайдерабаде надо сказать, что цену они назначают вполне разумную.

Таким образом, мы добрались до Центрального института английского и иностранных языков, который находится в северной части города. Его небольшой кемпас примыкает к кемпасу большого Османского университета, образуя как бы один большой студенческий город. Отличительной чертой этого города является то, что он весь расписан различными политическими лозунгами. В Индии вообще политические лозунги можно увидеть где попало, студенческий же городок Хайдерабада выделяется этим даже среди всех прочих мест. Буквально каждый подходящий кусочек асфальта или стены дома, или забора используется для самых разнообразных призывов — от "Будьте прокляты, янки!" до "Долой русских из Афганистана!" и от "Да здравствует марксизм!" до "Занимайтесь любовью, а не войной!"

Нас поселили сначала в маленькой комнатухе гест-хауса, но комары так донимали нас всю первую ночь, что мы очень обрадовались, когда один из хозяев — наших индийских коллег — предложил нам перебраться в пустую квартиру, которую занимали до того преподаватели из СССР, работавшие там ранее. У квартиры было одно явное достоинство: сетки на окнах против комаров. Кроме того, была и кухня, дающая нам возможность не травить свои желудки в очень подозрительной по чистоте столовой. В квартире было всего две комнаты, но мы решили с нашими советскими коллегами сделать ее как бы нашим штабом: здесь жены тех, кто не хотел питаться в столовой, готовили обеды для всего нашего "землячества".

Публика собралась у нас очень пестрая, но, к счастью, не все получили у нас "постоянную прописку". Думаю, со мной можно будет согласиться, если я скажу, что не всегда за границу едут самые лучшие специалисты, и уж совсем далеко не всегда - самые лучшие люди. Ведь отбор-то преподавателей часто происходил по старинке, а то и по Грибоедову! "ну как не порадеть родному человечку".

Были среди нас молодые, но четко знающие абсолютно все: что и где продается, какова настоящая цена той или иной вещи в СССР, что следует взять из Индии, а что - в Индию, на продажу. Был даже один такой, который избил слугу за то, что он принес с рынка не совсем свежие яйца. А были и такие, которые привозили из Союза концентраты и долгое время питались ими. Помнится рассказ одного из моих коллег о наших соотечественниках-инженерах, дети которых страдали /это в Индии-то!/ от авитаминоза. Ведь питание, фрукты и овощи денег стоят! А потом чеков на машину не хватает! Пишу об этих людях с чувством горечи.

Но в Хайдерабаде таких были единицы. Помню, неприятно всех нас поразила эпизод, происшедший во время экскурсии на Голконду. Одна молодая пара отказалась идти обедать вместе со всеми в ресторан, сославшись на отсутствие денег. Конечно, им стали предлагать займы, но они наотрез отказались. Тяжело было смотреть, как они давились не совсем чистыми блюдами в дешевой лавчонке прямо на дороге напротив ресторана. Мы все ели очень вкусные блюда, и нам было стыдно. Но после ресторана мы все пошли в знаменитой мечети Чарминар, где находится не менее знаменитый квартал ювелиров-специалистов по жемчугу. И что же вы думаете? Наша молодая пара приобрела жемчуга едва ли не больше, чем все мы вместе взятые. Я был уже последний год в Индии, но ни разу мы с Альбиной не отважились есть что-либо у уличных торговцев. И, поверьте, это не барская брезгливость: это самоуважение и уважение к своему

собственному здоровью. Я, конечно, не разделяю панического страха наших посольских перед любой индийской пищей или просто водой, вскипяченной не ~~лично~~ собственноручно. Должно быть чувство меры. Но есть какие-то лепешки рядом с хозяином забегаловки, который одной рукой помешивает варево, а другой — ковыряется в пальцах на ногах... Это тоже слишком!

Хорошо, что приехали в Хайдерабад Юра и Юля из Каликата. Были и некоторые другие наши знакомые. Со многими из них было очень приятно и интересно. Мы с Юрой иногда оставались вдвоем, пользуясь походами наших жен по магазинам, и взахлеб читали друг другу стихи — то свои, то чужие. Это было просто необходимой разрядкой для людей, любящих поэзию и потерявших на долгое время аудиторию.

Конференция проводилась по утрам, а после обеда мы уже были предоставлены сами себе. Лишь одна экскурсия была организована руководством института — да и то потому только, что ехать надо было очень далеко. Это была экскурсия на Голконду. В другие дни мы либо сами организовывались в группы и осматривали город, либо просто отправляли жен по магазинам в сопровождении опытных коллег, приехавших из Бомбея и Мератха.

Я с успехом выступил со своим докладом, послушал и другие доклады, многое почерпнул для себя, хотя у меня создалось впечатление, что в Индии различия между вузами такие же огромные, как различия между советскими и индийскими вузами. Дирекция института организовала конференцию довольно прилично, даже с размахом. Так, директор в предпоследний день даже устроил раут во дворе института для всех участников встречи.

Мы встретились и с работающей в Османском университете коллегой Наташей. Она, кстати говоря, и помогла нашим женщинам в покупках. Что же касается хайдерабадского жемчуга, который це-

нится очень высоко по всей Индии, то мы были просто поражены, увидев такое количество самых разнообразных форм и оттенков. Там был и серый, и белый, и розовый жемчуг, отполированный и рисовый, крупный и мелкий - всего и не перечесть.

Кроме Наташи, мы встречались также с нашими соседями по дому - двумя немцами из ГДР, супружеской четой среднего возраста. Немец с удовольствием говорил с нами на коверканном русском языке, но оба вполне прилично владели английским. Любопытный эпизод произошел у Альбины и немки, когда мы однажды завели с ее мужем, Юрой и Юлей длительный научный спор. Немка вдруг встала, поманила за собой Альбину и, не умея объясняться, в своей квартире налила две рюмки прекрасного коньяку и поставила какую-то хорошую музыку.

Надо сказать, немцы жили в Индии на гораздо более широкую ногу, чем советские специалисты. Зарплата у них была намного выше, да и отношение к ним индийских властей соответствовало размеру зарплаты. В Хайдерабаде я только лишний раз убедился в том, что советские специалисты, выезжающие за рубеж, для остальных иностранцев являются чем-то вроде разнорабочих. Обидно! Ведь то, что выезжающие в загранкомандировки, конечно, имеют возможность поправить свое материальное положение, значит только одно: какова же тогда пропасть между реальной зарплатой советского интеллигента /я не имею в виду художественную интеллигенцию/ и зарплатой его зарубежного коллеги!

Хайдарабад расположен почти в самом центре полуострова Индостан. Это столица штата Андхра Прадеш. Его история началась в XVI веке, когда там была возведена одна из самых больших в мире крепостей - Голконда. Сейчас это величественные руины, наводненные туристами. Наибольший интерес у них вызывают комплекс мавзолеев неподалеку от Голконды и алмазный рудник, где был найден крупнейший алмаз "Кохинур" - "Око света".

Мы бродили по многочисленным залам, от которых остались только стены, и этот лабиринт вызывал у нас чувство жалости к поверженной моши. Взобравшись на самую высокую точку, где расположена башня, мы еще раз осмотрели Голконду с высоты. Ведь форт был построен на холмистой местности, и с учетом высоты той или иной площадки строители возводили различные службы крепости. Естественно, на самой высокой точке была сооружена чудом оставшаяся башня. Спускаясь вниз, мы проходили мимо прилепившегося к скале индусского храма, и я решил сфотографировать Альбину и некоторых моих коллег. Я выбрал точку съемки, настроил свой "Эликон" и... вдруг увидел взволнованное лицо жреца, стоявшего рядом с храмом. Оказалось, что тот валун, на котором я устроился для съемки, есть ничто иное, как лингам бога Шивы в характерном кольце Иони у основания.

Я, конечно, сразу же вскочил и сделал вид, что нам пора идти дальше. Но жрец и не думал отчитывать нас - он сразу успокоился и принял прежний созерцательный вид. Фотографию я все-таки успел сделать, и теперь часто вспоминаю, глядя на нее, как я прикосновением задней части своего тела чуть не осквернил знаменитый символ животворящей силы слияния мужского и женского начала. Тем более, что мы, как нам кажется, вообще почти не нарушали канонов индуизма и традиций Индии.

Сам город Хайдарабад - очень шумный, пыльный и грязный. Но несколько мест в этом городе привлекли наше внимание. Во-первых, это, конечно, район Чарминар - небольшой мечети с четырьмя минаретами, вокруг которой располагается главный базар Хайдарабада, в том числе и знаменитые ювелирные ряды с жемчугом. Чарминар очень изящна, потрясающе легка и воздушна, но она многое теряет от соседства с многолюдным, грязным и шумным перекрестком с хаотическим движением транспорта, животных и людей. Известно, что она выстроена в XVI веке в качестве своеобразной триумфальной

арки, дабы воздать аллаху хвалу за прекращение чудовищной чумы в городе.

На той же площади находится еще один памятник - на этот раз XVII века. Это мечеть Мекка Масджид. Мечеть была заложена еще в период самостоятельности королевства Голконда, но закончена уже тогда, когда королевство было покорено императором Аурангзебом, последним великим повелителем из династии Моголов. Он, как известно, стал императором, лишив ~~престола~~ своего отца - Шах Джахана. Мечеть Мекка Масджид - одна из крупнейших в мире, в ней могут одновременно молиться до десяти тысяч приверженцев ислама. Сооружение, достойное восхищения, портит лишь густая проволочная сетка, протянутая в нем, отдающая почти вандализмом. Цель сетки - не пускать птиц, которые могут "испачкать" святое место. Но птицы как-то все-таки проникают, а сетка все так же портит весь вид.

Мы посетили также Салар Джанг Мюзим. Этот музей, пожалуй, является самой большой коллекцией в мире, которую собрал один человек. Этим человеком был Салар Джанг Ш, собравший около 35 тысяч экспонатов со всех уголков мира: скульптуры, картины на бумаге, шелке, дереве, миниатюры, древние манускрипты, одежду, предметы религиозных культов, оружие и так далее. Почему-то больше всего запомнилась европейская скульптура весьма среднего качества, но очень оригинальная по замыслу: спереди это Мефистофель, а сзади - Маргарита. Причем при взгляде спереди бедная гётевская Гретхен кажется просто складками плаща Мефистофеля, в то время как он сам кажется складками ее накидки при взгляде сзади.

Однако Хайдарабад не только мусульманский город, хотя все уже перечисленные достопримечательности относятся к деятельности именно мусульманских владык Хайдарабада. На высоком холме вы-

сится индуcский храм Наубат Прахад, или Бирла Темпл. Это очаровательный комплекс ступенчатого типа, венчающийся белоснежным храмом, построенным из великолепного мрамора. Нам сказали, что это весьма популярное место паломничества многих индусов. Ночью храм очень искусно подсвечивается с разных сторон, что создает впечатление его невесомости и величия. Как явствует из второго названия, Наубат Прахад Мандир построен на средства миллиардера Вирлы, как и ^{его} соборья в Дели и Пилани. Конечно, храм Сарасвати в Пилани гораздо меньше храмов Лакшми Нарайан и Наубат Прахад, но мне кажется, что по мастерству исполнения он им не уступает. А по изящности, возможно, и превосходит.

Однако настало время разъезжаться, и мы начали "гонку за билетами" - в Хайдерабаде достать билеты чрезвычайно трудно. Нас с Альбиной, например, водили за нос не менее трех дней. Уже уехали почти все наши коллеги, а мы все никак не могли достать билет до Дели. Когда же я обращался к местным коллегам-индийцам, они только пожимали плечами: что, мол, мы можем сделать! Но нам неожиданно помог случай. На четвертый день, проводив своих последних друзей, мы собрали все свои вещи и двинулись на вокзал. Там, конечно, дисплей вокзального компьютера показал нам "шип" на всю неделю вперед, и мы решительно двинулись к начальнику вокзала. Он долго объяснял нам, что билетов нет, но потом мы как-то обмолвились, что мы из СССР. Это неожиданно изменило ход дела: начальник заулыбался, пригласил своих помощников и, потирая руки и приговаривая "Горбачеев, Горбачеев", - стал что-то говорить своим подчиненным. Те кинулись к ближайшему компьютеру, и дисплей тотчас же показал два очень хороших места на самый ближайший поезд до Дели. Потом ^{начальник} он стал порываться угостить нас чаем, и мы согласились. Пока его помощники делали нам билеты, мы успели уже поговорить об индо-советской дружбе. К сожалению, таких случаев,

как этот с билетами, у нас было в Индии не очень много. Даже, скорее, мало. Но тем приятней было убедиться, что иногда одна русская фамилия может внести поправки в программу индийского компьютера.

Я не стану рассказывать о нашем пути в Дели — ничего запоминающегося не произошло. В Дели мы остановились лишь на одни сутки, чтобы купить кое-каких продуктов. Распрощались с Валентиной и поехали к д-ру Ароре на Ладжпатх Нагар. На наше счастье, наш случайный визит к нему избавил нас от тряски в автобусе Дели-Пилани. К тому же в этот период стали учащаться террористические акты на автовокзале Дели. А дело было в том, что в Дели как раз находился Виджай Мандке, который прибыл по вызову министра Нарасимхи Рао. В тот же день Виджай собирался возвращаться в Пилани и пригласил нас ехать с ним, но не утром, как мы собирались, а поздно вечером. Конечно, мы согласились.

Мы возвратились в Пилани уже ночью, но зато доехали с комфортом, если, конечно, не считать непрерывную болтовню словоохотливого Виджая. Но это было просто благо по сравнению с тем, что нас обычно ожидало в автобусе. Пятичасовая поездка иногда была сущим адом для нас. Чаше всего в автобусе не было ни одного англоговорящего человека, так что мы, например, не могли даже выйти в туалет на остановке — приходилось терпеть до конечного пункта путешествия. Кроме того, иногда мы ненамеренно делали то, что могло быть неправильно понято. Однажды, уже за час до Пилани, Альбине стало нехорошо — укачало, наверное. Я обнял ее за плечи и положил ее голову себе на плечо, но это сразу вызвало недовольствие сидящего сзади жирного индуса, который на ломаном английском посоветовал делать это в Америке, а в Индии воздержаться. Иногда в толкучке к нам тесно прижимались не совсем аккуратные субъекты, что могло грозить не только чистоте одежды, но и здо-

В ГЕФСИМАНСКОМ САДУ

Сад зубоскалит. Ночь хохочет.

Брезгливо скалится луна.

Седобородный старец хочет,

чтоб выпил чашу я до дна.

Как это тяжело! Мне ли мало

досталось от судьбы моей?

Моя душа, скорбя, устала

от фарисейств и от страстей.

Двенадцать были рядом. Двое

и ныне рядом — только спят.

Но нет душе моей покоя.

Я так же проклят, как и свят.

А сад не спит, и ночь в оргазме,

и боль все ярче и острее...

Зачем бездушной протоплазме

величие души моей?

Но слишком поздно. И сквозь годы

идут Предатель и Молва,

идут века, идут народы,

и сад не спит, и ночь права!

Вас много — толковать, пророчить:

заслуга чья и чья вина,

кто свят — кто проклят этой ночью...

А я один — и пью до дна!

ровью: мы боялись заразиться чем-нибудь, подхватить, чего доброго вшей или другого "добра".

По возвращении в Пилани опять началась размеренная жизнь: работа в институте, работа над учебником и книгой статей, работа мастерской танца. После поездки в Хайдерабад мы решили больше никуда, кроме Дели, не ездить. Конечно, за какие-нибудь два месяца мы побывали и в Дели, и в Бангалоре, и в Майсуре, и в Бомбее, и в Хайдерабаде. Не слишком ли расточительно?

А в Пилани жизнь шла своим чередом. Кричали по утрам разносчики хлеба и молока, шел трудовой день, светились по вечерам экраны телевизоров, а в сумерки прощались с солнцем горластые павлины. Кстати, павлинов мы в Индии называли исключительно по-английски: "пикок", хотя их название на хинди звучит гораздо естественней: "майур". Именно так орут павлины рано утром и поздно вечером.

У нас появился и собственный "майур", которого мы называли Майором за гордо поднятую голову и ее необыкновенно маленький размер по сравнению с туловищем. Майор регулярно прилетал к нам во внутренний дворик и долго урчал, недовольный, что мы не выносим ему дани в виде хлеба. Довольно быстро он привык к нам и подпускал на близкое расстояние: еще чуть-чуть, и мы бы приучили его есть с ладони. Это было приятно.

Новую хореографическую мастерскую Альбина вела уже не только с моей помощью, но и с помощью выпускников предыдущей мастерской. Ребята с огромным удовольствием помогали ей отрабатывать различные па, и иногда я даже был не очень нужен на ее занятиях. Занятия обычно начинались с наступлением темноты, когда танцевать было не так жарко. Но мы использовали наши занятия не только для того, чтобы научить танцевальным движениям. Я часто рассказывал студентам об СССР, о советской культуре и о

европейских традициях. Так, например, пришлось прививать им правила хорошего тона: как приглашать даму на танец, как благодарить ее за танец, как преподносить цветы и так далее.

Должен сказать, что ребята с гораздо большим интересом черпали эти маленькие тонкости именно из общения с живыми людьми, то есть с нами. Похоже, что многочисленные западные фильмы не имели на них такого воздействия. Доказательством тому служит хотя бы то, что в день рождения Альбины ее студенты принесли на занятие огромный букет цветов. Вообще-то дарить цветы в Индии не принято, и мы находились в Индии, так что может почудиться какой-то свой устав в чужом монастыре. Но нам так не показалось. Было приятно именно признание, выраженное таким оригинальным для индийцев способом.

XX

Глава XIV

ПРОЩАНИЕ

Не хочется утомлять читателя подробностями повседневной рутины, в которую мы окунулись по приезде из Хайдерабада. Шла обычная жизнь с обычной работой, только происходило все это не на Родине, а в другой стране - со всеми вытекающими отсюда последствиями. А жизнь за границей полна разными мелочами, о которых уже и не задумываешься, прожив в стране хотя бы полгода. Ну, например, взять такую мелочь, как упаковка самых различных товаров. Мы никогда не задумывались над тем, почему в Индии почти все расфасовано и зачастую покрыто оберткой. Сначала в голову пришло только то, что, очевидно, это делается из санитарных соображений. Но почему аккуратно обернутый индийский хлеб еще и нарезан тонкими ломтиками? И почему в почти сигаретном оберточном целлофане магнитофонные кассеты? Или батарейки в вакуумной обертке?

Лишь приехав домой, мы убедились, как это здорово: во-первых, полное доверие к продавцу /что не продаст уже использованную кассету или батарейку/, а во-вторых, избавление того же продавца от желания сжульничать. Короче говоря все это - и хлеб ломтиками, и батарейки, и кассеты, и идеальный вес упаковок с маслом, сыром и прочим - создано для удобства потребителя, то есть меня. А вовсе не оттого, что индийские торговцы более жуликоваты, чем наши. Это еще как сказать! Наш электронный будильник ни за что не проработает на первоначальной батарейке обещанный год. Вот и думай после этого - а была ли батарейка вполне девственной. Это лишь один пример, а таких мелочей - множество.

Итак, мы жили эдакой рутинной заграничной жизнью. Работала мастерская, продвигалась моя работа над учебником и над книгой статей. Несмотря на мою спешку, я ясно видел, что мне не удастся уже апробировать свой учебник. И тогда я, втайне от Альбины, отправил шефу в Дели письмо, в котором спрашивал, есть ли какой-либо шанс остаться еще хотя бы на полгода, чтобы апробировать учебник в учебном процессе. Альбина, конечно, и слышать не хотела о том, чтобы еще на полгода или даже на год остаться без Сережи. Но я, тоже скучая по сыну, не видел другого пути проверки жизнеспособности учебника. Поэтому я и писал об этом шефу. Однако время шло, я уже несколько охладел к своей идее остаться и очень хотел домой, тем более, что нас совершенно заинтриговали сообщения в западной и индийской прессе о революционных изменениях в Советском Союзе.

В марте, во время нашего очередного "наезда" на Дели, шеф, не сказав ни слова о моем письме, вдруг сообщил, что собирается приехать к нам в Пилани в гости. Мы обрадовались: мы очень любим принимать гостей, к тому же на этот раз советских в своем доме на чужбине. Ведь до сих пор у нас в гостях в Пилани бывали лишь индийцы. Если не считать, конечно, нескольких часов с голландским пареньком и одного дня с Нурматовой и Шамановым.

Шеф, действительно, приехал. Он весьма торжественно прибыл в Кемпас на какой-то японской машине с кондиционером, а за рулем у него был некий индиец - шофер из посольства. Я тут же сообщил об этом Виджаю, и гостям был устроен отменный прием. Во-первых, был устроен в гест-хаусе шофер. Во-вторых, Виджай лично решил показать гостю Пилани и Кемпас. До обеда мы разъезжали в институтской машине по Кемпасу, шеф кое-что фотографировал. Потом нам накрыли обед в кафе при гест-хаусе. Все помещение было заказано только для нас. Шеф сиял.

Только одно обстоятельство как-то беспокоило его: английский язык Виджая и других официальных лиц БИТН. Они, мол, не совсем четко изъясняются на этом языке, и ему трудно их понимать. Тогда я стал потихоньку переводить основной смысл каждой сказанной фразы. Когда же настало время и шефу хоть что-то отвечать, я понял, что объем его лексики несколько уже, чем это требуется для нетехнического разговора. Пришлось мне иногда и ответы его корректировать. К тому же я поспешил ему сказать, что принимают его, по местным меркам, по-царски, однако вряд ли стоит надеяться на встречу с директором: он никогда еще не встречался с приезжающими советскими дипломатами или просто представителями. Впрочем, и с местными советскими преподавателями, бывшими в Пилани до меня, он встречался лишь раз в год, а то и в два года. Шеф ответил, что ему и не надо встречаться с директором - достаточно двух заместителей и доброй половины всех деканов БИТН.

После обеда мы двинулись осматривать Пилани и окрестности. На этот раз нас сопровождал другой заместитель директора, но ехали мы опять в институтском "Амбассадоре". Машина шефа стояла у нас во дворе, привлекая внимание всех мальчишек Кемпаса. Виджай же сказал, что после поездки нас ждет вся администрация БИТН в конференц-зале, где состоятся переговоры. На ужин Виджай пригласил нас с шефом к себе домой.

Итак, после полуторачасовой поездки по Пилани, мы прибыли к центральному подъезду института, где нас уже ждал Виджай. Он повел нас в конференц-зал. Войдя туда, я обомлел. Шеф, конечно, ничего не понял, но мне-то было известно, как встречают наших в этом "прозападном" вузе! Мало того, что на столе стояли вазы с фруктами и прохладительные напитки, а также красивые чашки для кофе. Было еще кое-что, из ряда вон выходящее: во главе стола сидел директор! Сам, своей персоной, в окружении всего институт-

ского генералитета. Шеф добродушно осмотрел все это, но я ему шепнул на ухо, что здесь даже директор. И он сразу посерьезнел. Однако далее следовало не совсем то, чего хотелось бы нам с ним.

Дело в том, что мы не совсем были готовы к серьезному и длительному разговору, который нам немедленно предложил директор. Он попросил шефа ответить на несколько вопросов, касающихся советской системы образования, академгородков, связи науки с производством. Надо сказать, что на последний вопрос шеф ответил блестяще. Я бы никогда не смог так тщательно скрыть катастрофическую ситуацию со внедрением в практику достижений советской науки, и к тому же привести целый ряд действительно правдоподобных фактов. Что же касается остальных вопросов, то на них шеф поручил ответить мне.

Но это были еще "цветочки": далее д-р Митра обрушил на нас целый поток предложений, касающийся вариантов сотрудничества БИТН и посольства. Шеф, конечно, не имел никаких полномочий что-либо отвечать конкретно. А жаль! Этим моментом воспользовался бы любой работник посольства США, будь он даже уборщик. У нас же субординация, конечно, выше выгоды и престижа.

В частности, директор спрашивал, может ли посольство организовать в Пилани полнокровную Неделю советской культуры и науки. Ведь силами одного только нашего уважаемого профессора /кивок в мою сторону/ и его очаровательной жены настоящую Неделю провести очень тяжело. Да и нет у них всех возможностей, которыми обладает посольство. Мы бы хотели, например, чтобы приехали советские артисты - ведь гастролируют же они по Индии. Можно было бы устроить у нас на лужайке праздник русской пищи, посмотреть советские видеофильмы /боже, какая наивность!/, а также кинофильмы, и прочее, и прочее.

Ну, что можно было нам ответить? Шеф твердо обещал, что обя-

зательно наведет справки у советников посольства по культуре и науке. Забегая вперед, скажу, что этим почтенным дипломатам такие инициативы никогда не нравились, и они просто ничего не ответили шефу. Однако надо отдать ему должное: он все-таки старался что-то предпринять, как я узнал потом в Дели в наш следующий "наезд" туда.

Мне показалось, что директор остался не очень нами доволен. Шеф, наверное, тоже остался недоволен, поскольку такой напор мы просто не ожидали испытывать. Но расстались мы очень сердечно, причем директор долго говорил шефу весьма лестные слова обо мне. Надеюсь, шеф их понял - ведь у д-ра Митры - чисто американское произношение. Виджай снова посадил нас в машину, повез к нашему коттеджу и теперь уже официально пригласил "нашего дорогого гостя и уважаемого профессора с супругой" на ужин в свой коттедж. Он добавил, что машина будет подана в 20.30. Вот тут мне было уже непонятно: от нашего дома до коттеджа Виджая, как я уже писал, всего несколько шагов пути - ну, скажем, метров 150. Зачем же машина, спрашивается? Ведь Шаманова и Нурматову совсем не так принимали! Да и представительниц Комитета советских женщин - тоже весьма сдержанно...

А между тем, как я узнал от Виджая впоследствии, причина была чисто индийской: просто БИТН решил ошаровать моего непосредственного руководителя с тем, чтобы он оставил меня на некоторое время в Пилани после окончания срока командировки. Ну что тут скажешь? Конечно, наивно! Во-первых, у нас работника держат на месте вовсе не потому, что он там полезен, а потому, что так складываются обстоятельства или таково решение вышестоящих или просто неблагоприятно оценивающих его работу людей. Во-вторых, я и сам уже не хотел оставаться. В-третьих, у нас никогда не решает непосредственный руководитель - всегда кто-то посторонний.

Еще раз отдам должное шефу: он все понимал, но хранил молчание. Вообще, он был человеком очень сердечным и не любил раздавать обещания понапрасну. Он просто решил немного лишить себя официальности и ответить на дружеский прием по-дружески. После ужина у Мандке, когда уже было часов одиннадцать ночи, мы все пошли, по его предложению, к нам в коттедж. Причем он наотрез отказался ехать на машине. У нас мы попробовали привезенной им "Старки", а затем он вызвался вдруг покатать меня и Виджая на посольской машине. Виджай тут же сходил за сыном, Альбина кататься отказалась, и мы поехали вчетвером. Шеф выехал из Пилани по направлению к Чираве и Джунджуноу и так погнал машину, что мне пришлось осаждать его: еще чуть-чуть, и мы оказались бы уже в Чираве. Обрато он ехал помедленней, но Виджай и Химауншу уже поняли, что "какой русский не любит быстрой езды!"

На следующий день состоялись несколько ничем не примечательных встреч, и шеф после обеда благополучно отбыл со своим шофером в Дели, заставив нас пообещать, что в следующий наш "наезд" в столицу мы обязательно остановимся у него. Мы действительно однажды остановились у него, но стеснять его семью, живущую в маленькой двухкомнатной квартире втроем, нам не хотелось, хотя их гостеприимство и было нам приятно.

Тем временем в Пилани стали готовиться к проведению еще одной Недели советской культуры. Мы запланировали пару лекций по искусству и литературе, которые должен был прочитать я, концерт выпускников хореографической мастерской, пару лекций мы рассчитывали услышать от обещанных шефом специалистов из Дели, затем - выставка советской книги и советского плаката из Делийского Дома советской культуры и науки, несколько кинофильмов и выставка образцов русских, украинских, грузинских и других блюд, которую Альбина должна была подготовить при помощи повара из посольской столовой.

Однако обещанной "подмоги" из Дели так и не было. Прибыли лишь фильмы. Правда, и они лучше бы не прибывали: это были два документальных фильма, древний /хоть и прекрасный/ "Отец солдата" и столь же древняя "Кавказская пленница". Пришлось как-то опять выкручиваться самим, поскольку Неделя была довольно широко разрекламирована. Так, на кинофильмы и на концерт приходили даже жители Пилани, так что яблоку негде было упасть. Выставку плаката я оформил сам, так как у меня был набор советских плакатов и несколько серий фотоинформации об СССР, регулярно присылаемых мне из Дели. Книги пришлось брать из библиотеки БИТН, а их там было не очень много.

Я прочитал не две, а три лекции, причем на одной из них присутствовал директор и весь его "генералитет". Лекции вызвали довольно большой интерес и огромное количество вопросов. Фильмы тоже собирали полный зал - правда, "Отец солдата" вызвал, скорее, раздражение, поскольку пленка была порванная, переиспользованная, да еще и черно-белая. Директор посетил еще два наших мероприятия: документальный фильм о советском балете, о котором он уже давно с восхищением говорил мне /он видел его в Америке/, а также концерт хореографической мастерской. Он также открывал Неделю, разрезав ленточку при входе в зал, где находилась выставка книг и плакатов.

Наибольший интерес вызвал, конечно, концерт. На этот раз мы не готовили песен и стихов - времени для этого просто не оставалось. Но зато качество подготовки танцев было гораздо выше, чем на Неделе 1985 года. В перерывах между песнями я выступил в новом для меня амплуа. - Дело в том, что на индийских концертах перерывы между номерами невероятно затягиваются, зрители скучают и балтают, их внимание рассеивается. Мы решили с этим покончить. После номера мы тушили свет в зале и на сцене и, пока артисты переодевались, я, скрытый еще и занавесом, выступал в роли кон-

Ферансье. Впрочем, я не только болтал и шутил, потешая зал. Я еще и рассказывал о народе, чей танец предстоит увидеть зрителям в следующем номере: характерные черты грузинского, русского, украинского, молдавевого народов должны были быть уловлены аудиторией в танцах этих народов. Сначала зал был ошарашен, раздались свистки, выкрики, требования включить свет. Но потом как-то вдруг притих после удачной шутки, и дальше воспринимал эти маленькие антракты как само собой разумеющееся.

Зато Альбине и ее питомцам было гораздо трудней. Кемпас уже знал, как красивы разученные ими танцы, помнил и предыдущие представления. Им надо было показать такой высокий класс, после которого уже память о хореографической мастерской будет жить очень долго. И, надо сказать, это получилось. Нам негде было достать национальные и балльные костюмы, но фантазия и вкус Альбины сделали почти фантастическое: каждый национальный костюм, подобранный из имеющихся у студентов аксессуаров, был похож на настоящий в довольно близком приближении. А музыка и движения танца еще больше приближали внешний вид танцоров к истине. Но основное — это, конечно, музыка и танцы. Ребята старались так, что просто удивляли нас с Альбиной. Поэтому успех был колоссальный. В конце представления миссис Мандке вызвала на сцену всех танцоров /а они еще были в костюмах для русского танца/ и Альбину. И тут зал вспыхнул такой овацией, которая просто оглушила нас. От имени администрации и студентов Паримал Поблагодарила Альбину за огромный труд в хореографической мастерской.

С национальной кухней мы поступили очень хитро: Альбина продиктовала мне целый ряд рецептов, которые я быстро перевел на английский и издал брошюрой в количестве 100 экземпляров. Таким образом, гурманы Пилани получили возможность попробовать некоторые национальные блюда народов СССР. А вообще Неделя удалась на славу.

Удивительно, но Альбина еще раз вызвала шумные овации, даже не будучи на сцене. Случилось это так. В Цилани приехал американский человек-оркестр Билли Стивенс, исполняющий джазовые и рок пьесы в одиночку на гитаре, ^{губной} гармошке и синтезаторе одновременно. После его концерта должно было состояться приветственное выступление студентов БИТН с несколькими номерами для гостя. Кстати, танцевальную рок-миниатюру ~~или~~ в постановке Альбины должны были показать ее бывшие студенты Винай, Линус, Савита и Мадху. Паримал Мандке уговорила Альбину пойти на вечер в индийском сари, и Альбина, поколебавшись, так и сделала.

Мы вошли в зал, когда представление уже близилось к середине, и увидели, что все взоры присутствующих вдруг, как по команде отвернулись от сцены с бедным, ничего не подозревающим американцем. Отвернулись в сторону бокового входа в зал, куда вошла "мадам Альбина" в голубом сари с серебряной ниткой в виде вышивки по подолу. Кто-то из студентов крикнул "браво", и весь зал, заглушая солиста, обрушился на нас оглушительными аплодисментами. По-моему, Альбине это очень понравилось! Ее даже заставили выйти на сцену, когда закончили свое приветственное выступление ее бывшие студенты, и еще раз одарили аплодисментами.

Интересно вспомнить еще один эпизод с аплодисментами и Альбиной, но сначала мне надо немного рассказать о том, как мы побывали в Дели после нашей Недели. Мы как раз тогда и остановились у шефа, и он рассказал нам, что пытался хоть как-нибудь помочь нам, но у него ничего не вышло. Мы были так полны радости за удавшуюся Неделю, что вполне благодушно отнеслись к этому и даже успокаивали его тем, что "мероприятие" все равно имело выдающийся успех. Да, - думал я несколько позже. - Но это ведь НАШ успех! А ведь дело в том, что надо сблизить народы или хотя бы БИТН и наше посольство - могут же подумать, что это мы одни такие мощные личности, а посольство - так, "погулять вышло"!

К счастью, времена меняются, и вот уже во время Фестиваля СССР в Индии в Пилани приезжала большая группа советских артистов с Валерием Леонтьевым. Значит, дело не просто сдвинуто с места, но и движется в нужном направлении. Однако тогда мы ощущали какое-то странное чувство, как будто нас облапошили и заставили в единственном числе отдуваться за весь аппарат наших славных премников Чичерина.

Так вот, в тот наш приезд в Дели случилось обычное событие: день рождения Альбины. Я сказал, что не стану дарить ей никаких тряпок и никаких побрякушек, а подарю нечто запоминающееся на всю жизнь. И я повез ее в "Оберой-Отель". Надо отметить, что это заведение - одно из самых шикарных и дорогих в Дели и во всей Индии. Там, простите, даже если плюнешь - платить надо чуть ли не как за обед в обычном ресторанчике. Но мне хотелось, чтобы и Альбина, и я с ней увидели хотя бы мельком нечто совершенно недоступное для 99% советских людей.

И мы поехали. Мы сначала посидели в одном баре, где я попросил кофе и пару стаканчиков пива. Нам принесли все это с какой-то замысловатой закуской. Затем я заглянул в меню и, не видя в нем ни шампанского, ни коньяка, подозвал официанта. Стюард немедленно появился перед нами и сказал, что все это есть в соседнем зале. Но, когда я деланно нахмурился, он замахал руками и сказал, что он готов принести сюда коньяк, правда, индийский. Я покачал головой и полез якобы за бумажником - расплачиваться. Тогда он пообещал принести из соседнего зала пару рюмок французского коньяку, но только минут через десять. Я милостиво согласился, и уже через десять минут мы смаковали "Наполеон".

Начало очень понравилось Альбине, но в баре совсем не было музыки, и мы, к огорчению официанта, все-таки ушли в соседний зал. Это было небольшое помещение со столиками, вокруг которых

стояли мягкие низкие диваны-уголки. В центре зала стоял рояль, сбоку от него - стойка с официантом. За столиками сидели всего три-четыре компании: одни - явно японцы, вторые - западные немцы, третьи - американцы и еще кто-то. Мы сели за столик и стали ждать. Подошел официант и сообщил, что в этом зале есть только легкая закуска и разные напитки. Что было делать? Ведь русские привыкли и есть и пить в одно и то же время! А мы об этом опять забыли: следовало сначала пойти поужинать, а потом уж...

Но делать нечего - мы заказали шампанское и что-нибудь к нему. "Чем-нибудь" оказались прекрасные шоколадные конфеты. Но музыки не было и здесь, и нам уже даже разонравилось все это молчаливое великолепие. Компании беседуют вполголоса, на других не обращают внимания. Правда, через некоторое время появился пианист в белом фраке. Когда он начал играть, мы поняли, что ждали совсем не того, что принято в таких местах: это у нас в душном и шумном ресторане /хотя курить и нельзя!/ посетители должны орать друг другу из-за гремящего на сцене ансамбля. Здесь же люди отдыхают под спокойную и красивую музыку.

Нам так понравилось это, что мы ^спопробовали - кстати, все напитки подаются только по бокалу, а не в бутылках - попробовали еще один коньяк и поглядели в меню. Надо было сделать это раньше! Шампанское и коньяк - самые дорогие напитки в "Оберо", и мы уже явно лишили себя ужина здесь. Что ж, осталось только выпить по бокалу "Чинзано" и идти домой. Но тут меня вдруг обуяла семейная гордость. Я стал уговаривать Альбину, чтобы она сыграла на рояле. Она долго отказывалась, но потом все-таки мы подошли к пианисту и попросили ^{позволения} заменить его на пять минут. Он удивленно спросил: "А что, сэр - пианист?" Я указал на Альбину. "О! - воскликнул пианист. - Тогда конечно, мадам!"

Альбина сыграла пару миленьких вещичек из старых французских

фильмов. По-моему, что-то из "Мужчины и женщины" Клода Лелюша. И тут зал зааплодировал. К нам подошли посланцы от японцев, немцев и американцев. Все наперебой целовали "мадам" ручку и спрашивали, откуда мы и в каком номере остановились. Началась уже надоевшая эпопея с объяснением, что мы русские не из США, а из России. Но нам все равно никто не верил: в "Оберой" русские туристы никогда в жизни не заходили. Я настаивал на своем, а Альбина сыграла "Подмосковные вечера".

И тут опять случилось нечто странное. Мы думали, что все они успокоятся, и мы продолжим вечер. Но не тут-то было. Вся эта изысканная публика стала так бешено аплодировать, что я, по свойственной всем нам привычке, заподозрил уж было провокацию. Поэтому и посоветовал Альбине немедленно сесть за наш столик и помахать им всем приветственно рукой. Однако я ошибся. Нас стали приглашать к себе за столики, расспрашивать о нашей работе в Индии, улыбаться и вообще вести себя так дружественно, что я успокоился и заказал еще пару "Мартини".

Остаток вечера прошел спокойно. Немцы и американцы, приглашавшие нас за свои столики, ушли раньше нас, напоследок подойдя к нам и еще раз поблагодарив "мадам" за музыку. Более сдержанные японцы оставались в зале, когда мы уходили. А четвертая компания, по-видимому, арабы или израильтяне, вообще весь вечер не отвлеклась от постоянно сменяющихся друг друга напитков. Вечер был очень хорош, только стоил он такую значительную сумму, о которой и писать не стоит. А ведь было-то всего несколько бокалов разных напитков да самая что ни на есть скудная закуска!

Я потом еще раз побывал в "Оберое" - вдвоем с Виджаем Мандке. Правда, мы были только в баре и пили только пиво, поскольку на иные острые ощущения у меня жажда прошла, а Виджай был не при деньгах. Но наше первое посещение мне запомнилось на всю жизнь. Думаю, что Альбине - тоже.

Время, однако, неумолимо приближало нас к моменту прощания с Индией. В начале мая я закончил занятия со студентами и принял экзамен. Остаток месяца я отдал завершению работы над учебником, так как книга статей была уже написана и передана в печать. Я завершал работу спокойно, без спешки, потому что знал, что успею ее закончить. Единственное, чего я не мог успеть — это проверить учебник в работе.

Свободные часы мы проводили у Мандке: смотрели ТВ, видео или просто слушали музыку и болтали. Виджай пристрастился к серьезным беседам со мной. О чем только мы не говорили! Я рассказывал ему о своей работе над учебником, об экзистенциализме и сюрреализме в литературе, пытался перевести свои стихи на английский. Как раз в это время я получил телеграмму из Бангалора и мог заняться изданием сборника стихов с посвящением С.Н.Рериху. Но времени уже не оставалось, и поэтому Виджай предложил размножить сборник фотоспособом. Я сделал десять экземпляров сборника в 3/4 машинописного листа и удовлетворился этим. Сейчас некоторые мои стихи из того сборничка мне уже не нравятся, другие вызывают лишь ностальгию по Индии, а вообще-то в моей жизни наступил период, когда поэзия как-то отодвинулась на второй план.

Виджай несколько раз обращался к одной и той же теме. Он уверял меня, что я только в последнее время начал понимать Индию, и мне просто необходимо еще раз приехать туда, чтобы побывать в некоторых пока неизвестных мне местах, посетить пару деревень, о жизни которых я и сейчас имею весьма смутное представление. А ведь деревенская Индия — это более 70% всего населения страны. Я вяло соглашался, но сомневался в том, что посольство разрешит мне остаться. Виджай как-то странно улыбался и говорил — посмотрим, мол. А однажды он принес мне фотокопию какого-то письма. Оказалось, что директор д-р Митра послал в посольство моему шефу

целое послание, в котором вновь поднимал все те вопросы сотрудничества между БИТН и СССР, затронутые в ходе визита шефа в Пилани. Кроме того, там особо было оговорено, что "наш советский профессор" сделал очень много для того, чтобы студенты и преподаватели БИТН лучше узнали Советский Союз, у него выработалась своя методика такой работы, и чувствуется, что он обладает еще большими неиспользованными резервами. Из этого д-р Митра делает вывод, что целесообразно меня оставить еще на три /ого!/ года в Пилани, где я, при условии, что мне будет предоставлена все-сторонняя помощь посольства, смогу и далее плодотворно работать на благо советско-индийской дружбы.

Письмо меня обрадовало. Это была очень важная для меня оценка моей работы. И, хоть желания остаться у меня уже давно не было, появилось желание через некоторое время вновь приехать в Индию. Но, как говорится, мы полагаем, а Бог располагает. В данном случае Богом можно назвать и Минвуз, и даже администрацию моего родного запорожского вуза. А они, как известно, работают по плану, в который желание директора БИТН никак войти не могло. Что же касается посольства, то оно могло лишь в лучшем случае оставить меня на полгода или год, а этого мне не хотелось. Я здорово соскучился по сыну, по друзьям и родным, а кроме того, как уже говорилось, горел желанием принять участие в тех переменах, которые происходили на Родине.

Учебник, наконец, был закончен и сдан в печать. Были куплены и билеты в Москву - на 4 июля. Об этом мне сообщил письмом шеф, конечно, ни словом не заикнувшись о послании д-ра Митры. А пока в самом начале был лишь июнь, так что у меня оставалось еще около месяца. Мы решили поехать на пару недель в Дели, так как ждать выхода учебника и сборника статей можно было где угодно, а в Пилани, кроме одуряющей жары и такой же скуки от безделья, больше ничего не оставалось.

Мы провели в Дели дней десять-двенадцать, остановившись на Хауз Кхас у Валентины, которая на этот раз осталась одна: все остальные жители особняка уже выехали в отпуск на Родину. Этот последний приезд в Дели запомнился июньской жарой и зарождением новой мечты. Мечта эта была вполне достижимой: захотелось написать книгу обо всем, что мы увидели в Индии. Поэтому я с удвоенным вниманием стал наблюдать и размышлять, запоминать и фотографировать. В этот приезд у меня получились довольно интересные снимки, например, я поймал момент, когда на небольшом пяточке собрались все самые распространенные индийские транспортные средства: "Амбассадор", скутер, велосипед и даже слон. Неплох и снимок, запечатлевший упавшего в канаву раненного орла, на которого со всех сторон напали уличные собаки. На другом снимке по одной из центральных улиц шествует величественный слон, а еще на одном среди домов богатого квартала Хауз Кхас едет печальный индеец на ослике.

Мы много читали. В посольском районе Чанакъяпури, на маркете "Яшвант Плейс" появился книжный магазинчик, где стали продаваться книги на русском языке, изданные в Англии и США. Таким образом мы познакомились еще в Индии с "подпольными" произведениями Булгакова /"Собачье сердце" и "Роковые яйца"/, Платонова /"Котлован"/, рассказами и повестями Замятина, Синявского, Аксенова. Сейчас почти все эти вещи уже напечатаны у нас, а тогда они вызвали у нас какой-то нездоровый интерес. Так же, как и брошюрка с докладом Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС. Правда, я купил лишь литературоведческую книгу Г.Струве о Блоке, Сологубе, Мандельштаме и Гумилеве, да сценическую версию булгаковского романа "Мастер и Маргарита", сделанную Юрием Любимовым. Теперь Любимов уже не эмигрант, а тогда я побаивался, что книгу не пропустит наша таможня.

За две недели до нашего отъезда из Индии мы возвратились в Пилани. Здесь мне неожиданно пришлось "сесть за парту" — в который раз в жизни! На этот раз я от скуки решил научиться водить машину. С таким предложением ко мне обратился мой бывший студент, директор банка Пилани. Как студент он не отличался особыми способностями. Да это и понятно: в 35—40 лет изучать иностранный язык уже трудно. Он поступил в БИТН в качестве аспиранта, и ему необходимо было изучить какой-либо иностранный язык. Директор выбрал русский и усердно посещал мои занятия в течение двух семестров. Правда, он не много вынес из них.

Зато в банковском деле, говорят, он был асс. Да и то сказать — в 36 лет стать директором банка! У него был новенький серый "Амбассадор", который и стал моей "партой". За несколько уроков, которые обычно начинались часов в 11 вечера /из-за жары/, я довольно сносно научился водить тяжелую и большую машину, похожую на нашу старушку "Победу". Альбина тоже училась, но у нее ничего не получалось.

Вышла книга моих статей, успешно напечатанная и сброшюванная еще до моего прощания с Индией. А вот учебник, к сожалению, не поспел. Я так и уехал без него, и лишь через некоторое время получил его по почте. Но я, к сожалению, уже основательно охладел и к нему, и к идее апробировать учебник. Все мои мысли были уже направлены на Москву и Запорожье.

И вот наконец настал час прощания с Пилани и БИТН. Мы с Альбиной последний раз прошли по всем учебным корпусам, я посидел минутку в своем институтском кабинете. И как раз в этот момент позвонил Виджай и сказал, что нас приглашает директор д-р Митра. Я со вздохом закрыл свой кабинет, передал профессору Кришна Мохану привезенный мной диапроектор и машинку, оставил ему ключи от кабинета и пошел вместе с Альбиной к директору.

Однако в кабинете директора состоялось не только прощание. Администрация БИТН вынесла решение о награждении меня медалью "Бирла Институт Технологии и Науки". Этой медалью награждаются самые выдающиеся профессора института, а также его бывшие студенты, достигшие вершин в бизнесе, политике или культуре. Нам это было не только приятно, но и просто удивительно: ведь до тех пор этой медалью не награждался ни один иностранец, даже "те самые" американцы, работавшие когда-то в БИТН.

По правилам контракта, отъезд советского преподавателя на Родину оплачивается индийским Минвузом /имеется в виду проезд до Дели и проживание там в гостинице/. Однако я, как ~~уже~~ ^{ранее} говорилось, уже по приезде исчерпал лимит - десять дней в "Джанпатке". Поэтому д-р Митра обратился к своему Минвузу с предложением: БИТН доставляет меня в Дели, а Минвуз дает мне еще четыре дня в отеле. Так вот, обо всем этом мне и рассказал директор.

Не стану передавать те укоры, которые д-р Митра высказал в адрес нашего посольства. Все это можно было представить заранее. Но его решение отправить нас в Дели на институтской машине значительно сгладило неприятное впечатление от этих высказываний. Должен сказать, что я понял д-ра Митру: он впервые, так сказать, "обратился лицом" к СССР, но этого никто не заметил. Кроме, разве что, меня да моего шефа.

Итак, мы отправились в Дели на машине, что значительно облегчило наши хлопоты с багажом. С нами поехал, якобы по своим делам, Виджай. Однако, как мы видели, директор прекрасно понимал, что он просто хочет нас проводить. А за два дня до нашего ^{из Индии} отъезда в Дели приехала и Паримал. Мы остановились в том же отеле "Джанпатх", помятом нам еще по самым первым дням в Индии. На этот раз с нами была еще только одна пара коллег - харьковчане Витя и Наташа. Они работали в Колахпуре недалеко от Гоа.

Витя оказался страстным радиолюбителем. У него есть собственный позывной, и он является членом какой-то организации радиолюбителей. Он рассказал нам интересную историю. Перед приездом в Индию на третий /и последний/ год командировки он снял со своего счета во Внешторгбанке всю заработанную им за два года долларовую часть. В Индии он послал заказ в какую-то японскую фирму на радиопередатчик-приемник и оплатил счет в долларах. Однако индийские власти, воспользовавшись каким-то параграфом в своих законах, не захотели отдавать очень быстро поступивший из Японии аппарат. Тогда Витя написал письмо Радживу Ганди, который, как известно, сам страстный радиолюбитель. Ответа от премьера не было, но через некоторое время Витю вызвали в соответствующее учреждение и торжественно передали ему аппарат.

Интересно рассказывал Виктор и о своей поездке на знаменитый курорт Гоа, куда мы так и не попали. Запомнилось больше всего то, что сервис там простирается до того, что лежащему в теплой воде океана отдыхающему прямо в воду приносят столик с пивом, лежащим в ведерке со льдом.

Однако мы, конечно, гораздо больше внимания уделяли нашим индийским друзьям. Расставание близилось, и это придавало нашему общению какую-то грусть. Когда же пришел посольский автобус, собирающий из делийских гостиниц улетающих на Родину специалистов, Виджая и Паримал долго не выпускали нас. А Паримал даже вслякнула. Это было своеобразное "Прощание славянки" или, скорее, "Прощание индианки". Было очень горько расставаться с друзьями, с которыми так сблизились мы и которые во многом помогли нам лучше понять и увидеть Индию.

Однако автобус все-таки уехал, оставляя Виджая и Паримал у подъезда отеля "Джанпатх" и увозя нас в международный аэропорт Индиры Ганди.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Иду домой:

в гостиницу, в гест-хаус,

чужой ли ключ в кармане или свой,

✓ хаос ли в комнате иль даже древний Хаос —
иду домой.

Идем домой:

в дом друга ли, отца ли,

в дом деда ли, надолго ль, на постой,

когда полны мы сил, когда устали —

идем домой.

И на чужбине, в призрачном коттедже,

в котором мы три года уж живем, —

мы дома ли? Но вы ответьте прежде:

что значит — дом?

Квартира тесная, где сын сопит в кроватке,

где ты на кухне куришь перед сном,

где вещи на местах и все в порядке —

вот это дом?

Но — транспортабельны кроватки, вещи, дети,

и сигареты носим мы с собой.

Так что же значит здесь, на этом свете —

идти домой?

Я жил за морем и ключи носил я,

но не моим бывал там дом любой.

И вот теперь мой дом — моя Россия.

Иду домой.

Дели, 1987.

Э П И Л О Г

Закончена книга, закончено путешествие, завершено наше "Хождение за три моря". И за три года, кстати. До свидания, Индия, уже не далекая, а близкая моя страна! Три года — много это или мало? Чтобы изучить страну, этого мало. Чтобы полюбить ее — достаточно. Достаточно этих трех лет и для того, чтобы оставить в Индии свой добрый след. Достаточно этого срока и для того, чтобы появилась в сердце нашем некая зарубка, отдающаяся светлой и прекрасной болью.

Я возвратился домой, переполненный Индией и всем тем, что она мне дала. Я возвратился на новую, или, вернее, обновляющуюся Родину. И мне хотелось немедленно поделиться всем тем, что я получил в Индии. Поделиться с людьми, чтобы ~~ни~~ хоть чуть-чуть еще обогатить их, чтобы передать скопившуюся в моей душе энергию созидания и воплощения, энергию внутренней свободы и счастья творчества. Я выступил по ТВ, мои заметки об Индии опубликовали районная и областная газеты, я рассказывал о своей поездке огромному количеству людей, собравшемуся в запорожском ДК "Октябрьский". А теперь мои заметки, год назад вышедшие в семи номерах "Комсомольца Запорожья", разрослись в книгу.

В Индии у меня произошла, как и у многих моих друзей, перестройка сознания. Я стал по-иному относиться и к людям, и к себе. Индия научила меня заглядывать в себя. Подумайте, все ли мы умеем заглядывать в себя как бы со стороны? Главное мое богатство, вывезенное из Индии — это уверенность в высокой силе творчества, в том, что профессионализм является высшим достижением любого человека, кем бы он ни работал. И еще одно богатство я привез домой:

веру в то, что гуманизм в конце концов должен победить. Ведь признала же родина Октября своего великого ^{художника} сына Рёриха, а его сына теперь уже принимает глава нашего государства. Как это далеко от тех дней, когда членов рёриховского общества арестовывали и посылали на "Архипелаг ГУЛАГ"! Это далеко не только по времени - по духу гуманизма, блестящим представителем которого был Николай Рёрих и есть Святослав Рёрих. И еще одно мое приобретение - чувство личной свободы и значительности. Я хорошо сознаю, что я далеко не гениален, но никто не сможет теперь разубедить меня, что я профессионал в самом лучшем смысле этого слова.

Мы отдали Индии немало. Не только эти годы работы: ведь там остались мои ученики, мои друзья, там остались люди, которым мы помогли стать друзьями нашей страны. Там остались написанные мной работы, там остались ребята, очарованные красотой русского танца. Там осталась часть моего сердца, наконец. Но и Индия дала мне немало. Кроме тех богатств, о которых я уже говорил, она дала мне еще часть своего духовного богатства, она осветила мне многие до тех пор неясные предметы и явления. Она открыла мне лишь часть своих тайн, но этого было достаточно, чтобы я понял: Индия тоже доверилась мне.

Я оставил в Индии часть своего сердца, а в моем сердце на всю мою жизнь осталась часть Индии.

М О Е Й И Н Д И И .

Думаю, что жажда новой встречи с моей Индией будет теперь моим постоянным чувством.

XX

XX

XX

СОНЕТ

Из немыслимой дали пространств и веков,
из уснувшей эпохи жары и папайи
возвратились на север — теперь без оков,
как свободные птицы весной прилетают.

В этой дали, вдали, среди райских цветов,
где свободные птицы собираются в стаи,
мы оставили там тяжелейший из снов —
сон, который теперь нас не отягощает.

Мы забудем пространство под деревом н и м ,
мы забудем эпоху павлинов и ливней,
чтоб не слышался сна того голос призывный,
зов молчанья и страха пред чем-то чужим.
Но зато никогда я уже не забуду,
что не здесь мы сейчас, а всегда мы — повсюду.

Запорожье, 1987.

